

Литтмегалина

ЗЕФИР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Литтмегалина
Зефир
Серия «Страна Богов», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67701651

SelfPub; 2022

Аннотация

Некогда любимая жена стала практически бывшей.

Настырный приятель подселился без приглашения и выбешивает до скрежета зубовного.

Тем временем люди продолжают умирать, а он – новоиспеченный глава отдела и основное ответственное за расследование лицо – не имеет ни малейшего понятия, почему это происходит и когда прекратится. Казалось бы, хуже и быть не может. И тут его непосредственный начальник (небрежно уведолив о грядущем увольнении) спрашивает: «А ты подумал о зефирках?»

Содержит нецензурную брань.

Содержание

18 АВГ, ВС	5
19 АВГ, ПН	57
20 АВГ, ВТ	87
21 АВГ, СР	115
22 АВГ, ЧТ	145
23 АВГ, ПТ	160
24 АВГ, СБ	181
25 АВГ, ВС	212
26 АВГ, ПН	241

Литтмегалина

Зефир

Тот, кто отвергает красный цвет, уже перевозбужден, легко раздражается из-за того, что у него не хватает жизненных сил... чувствует, что измучен неразрешимыми проблемами, что его окружение – это источник опасности и что оно вышло из-под контроля. В этом случае человек воспринимает красный цвет не в его обычном значении силы и мощи, а как нечто угрожающее.

Макс Люшер. Цвет вашего характера

18 АВГ, ВС

Илию¹ разбудили головная боль и чувство тревоги. Он нащупал на полу возле кровати мобильник и взглянул на дисплей. 7:25. «Воскресенье, – напомнил он себе, уткнувшись лицом в подушку. – Нужно поспать. Даже если это трудно и муторно».

Но он уже чувствовал сосущее ощущение в желудке, знакомое напряжение в мышцах, словно его тело приготовилось бежать. Лежать неподвижно стало абсолютно невозможно. Илия вздохнул и встал. Несмотря на раннее утро, кожа уже была влажная от пота. День обещал быть таким же жарким, как раздражающая череда предыдущих.

После вчерашних злоупотреблений изо рта изрядно пованивало. Все еще в футболке для сна и пижамных шортах, Илия прошел в кухню, выкурил сигарету, попил воды из-под крана, заглянул в холодильник – скорее по привычке, нежели в надежде отыскать что-то съедобное. Пара жухлых яблок; пачка молока, открытая еще недели две назад; початая бутылка пива. Надеясь облегчить симптомы похмелья, Илия глотнул пива, но оно было выдохшимся, горьким и противным, и его только затошнило сильнее. На автомате он взял пачку с молоком и понюхал ее. Мерзость.

---

¹ Даверуш Илия – первое появление в истории «Острые камни».

В ванной Илия с усилием выдавил из незакрытого тюбика каплю подсохшей зубной пасты. Наклоняясь к раковине, чтобы сплюнуть пену, он встретился взглядом с мрачными глазами своего отражения и замер на несколько минут, разглядывая себя со смесью удивления и неприязни. Из мутного забрызганного зеркала на него смотрел помятый человек сорока двух лет. Кто-то бы сказал, что выглядеть на свой возраст не так уж и плохо, но еще год назад ему бы вряд ли дали больше тридцати пяти.

«Хуже всего эти мешки под глазами», – подумал Илия. Выпуклые, отливающие фиолетовым. Да еще и морщины на лбу, глубокие и темные, будто в них скопилась пыль. Даже его рыжие волосы казались потускневшими. Может быть, проблема в освещении?

Илия поднял голову и посмотрел на лампочку. До боли знакомый надтреснутый плафон. Возвратившись в эту крошечную квартирку два десятка лет спустя, он обнаружил, что со времен его молодости здесь почти ничего не изменилось – даже испорченный плафон на месте. Тем более странно осознавать, как поменялся он сам.

Телефонный звонок заставил Илию дернуться. Он преодолел узкий коридор за два шага, маленькую комнату за пять, отчетливо ощущая сопротивление воздуха – как в страшном сне, когда ты идешь навстречу чему-то и понимаешь, что лучше этого не делать.

– Алло? – несмотря на ощущение, что сердце застряло в

горле, да так, что ни проглотить, ни выплюнуть, голос Илии звучал стабильно. Несколько минут он молча слушал с застывшим выражением лица. – Я скоро буду. Куда ехать? Хорошо, запомнил. Не можете разыскать правителя? Я поставлю его в известность. Под мою ответственность, – он нажал на кнопку сброса.

Илия осторожно положил телефон на кровать и пересек комнатушку, перешагивая завалы картриджей и дисков на ковре. На матрасе у противоположной стенки безмятежно дрыхнул коротко стриженный, пышущий здоровьем мужчина с отлично развитой мускулатурой. Илия дал ему пинка.

– Просыпайтесь, Ваше Величество.

– Отвали, – не открывая глаза, ответил Деметриус и повернулся на другой бок.

Илия не отступил, продолжая пинать. Наконец Деметриус буркнул:

– Ладно, – и сел на матрасе, отчаянно зевая.

– Чего там?

– Все то же дерьмо. Два очередных трупа.

– А. Хоть бы чего новенького.

Деметриус, слишком громоздкий для тесной квартирки, прошастал в кухню. Сжав губы в линию, Илия последовал за ним. Деметриус достал пачку с порошковым протеином, всыпал порошок в стакан и разбавил водой из-под крана. Добавил для компании выдохшееся пиво из холодильника и выпил.

«Вот уже его протеин у меня в шкафчике», – отчужденно подумал Илия, вперившись застывшим взглядом в бугрящуюся мышцами, как будто у него камни под кожей, татуированную спину Деметриуса. Как так получилось, что Деметриус уже неделю практически живет в его квартире? Как это вообще началось? Все эти бесконечные попойки и видеоигры?

– Деметриус, ты окажешь мне большую услугу, если перестанешь ходить по моей квартире в нижнем белье.

– Я уже оказал тебе большую услугу, когда надел на ночь трусы. С Эфилом я так себя не утруждаю.

Илия кипел от раздражения. Ему очень хотелось ответить как-нибудь поязвительнее, но спазмы в горле мешали сосредоточиться.

Ретировавшись в комнату, он вытащил из шкафа грудку футболок и свалил ее на кровати, пытаясь разыскать хотя бы одну чистую и наименее мятую. Когда мобильный снова зазвонил, Илия схватил его, не глядя. Но на этот раз звонили не с работы.

– Я уже готов сам приехать и выбить из тебя дурь.

– Приезжай, посмотрим, кто из кого чего выбьет, – огрызнулся в ответ Илия. – И не смей разговаривать со мной в таком тоне!

Собеседник продолжил распаляться. Судорожно нажав на сброс, Илия швырнул телефон на кровать и посмотрел на свою ладонь, как будто ожидая увидеть на ней ожог.

– Кто звонил? – желая усугубить мерзость момента, из-за спины появился Деметриус.

– Мой старшенький. Сет, – Илия рассеянно запустил пальцы в волосы.

– Что это он вдруг папашу вспомнил с утра пораньше?

– Ну, если вкратце... он сообщил мне, что я козел.

– Хорошо, что у меня нет детей.

– Не представляю, как бы они у тебя появились, Деметриус.

– Это дополнительный бонус ко всему прочему. Как я выгляжу?

Разворачиваясь к Деметриусу, Илия заранее изготавился отпустить саркастичное замечание.

На Деметриусе были черная футболка с художественными разрывами на груди и черные же джинсы, сидящие на нем немного в натяг, как будто с тех пор как он их купил, его мышцы еще немного увеличились. Золотистые колечки в мочках, шипы, торчащие из хряща левого уха, и перевитые красными и зелеными змеями предплечья в сочетании с подстриженными почти под ноль волосами придавали Деметриусу неуловимое обаяние человека, которого страшно встретить в темном переулке. Милая улыбка, открывающая заточенные клыки, лишь добавляла его бандитскому виду оттенок безумия.

– Ты прелестен, Деметриус, очаруешь всех старушек. Я не представляю, как Эфилу удастся вытащить из тебя все же-

лезки, впихнуть твою тушу в костюм и явить тебя публике в пристойном виде. Даже с имитацией нормальной психики.

– У него есть ко мне подход. Он человек-напильник.

– Что он делает с твоими клыками?

– Есть такие специальные накладки.

– Некоторых тайн правящей элиты народу лучше не знать.

Я должен ехать. Автобус через пятнадцать минут.

– Поедем вместе, на моей машине.

– Это не обязательно. Я сообщу им, что проинформировал тебя.

– Почему бы не съездить. Мне все равно нечем заняться.

– Серьезно? – поразился Илия. – Правителю огромной страны нечем заняться?

– Кажется, Эфил перестарался, стремясь все разобрать перед отъездом. Я сам поражен, как это получилось, но факт в том, что я быстро управился с этой неделей и практически свободен на следующей. По-моему, такого не было с... да никогда с тех пор, как мы с Эфилом впряглись в эту телегу.

В неделю, предшествующую отъезду советника, Илия несколько раз видел его, с пепельно-серым лицом пролетающего по длинным коридорам «Серебряной Лисицы» – развевающиеся полы траурной робы придавали ему сходство с переполошенным вороном. Вероятно, советник действительно пытался утрясти все дела, раз не нашел даже пары секунд для ответного приветствия.

– И все-таки, Деметриус. Так ли необходимо твое присут-

ствие на месте преступления?

– В моей машине есть кондиционер, – известил Деметриус.

Илия вдруг резко передумал продолжать отговоры.

– Отлично, едем.

Машина Деметриуса с легкостью доставила бы в школу всех сельских детей одновременно, если только детей возят в школу на бронированном черном чудовище.

– Почему у тебя все слишком большое, Деметриус? – вырвалось у Илии, и Деметриус заржал.

Он все еще ржал, когда они выехали на шоссе.

– Хватит уже, – огрызнулся Илия. – Это было не настолько смешно. Когда Эфил планирует возвращаться?

К тому времени нужно успеть подготовить хоть какое-то объяснение, почему люди продолжают умирать, а беззаветно отдающийся расследованию начальник Первого отдела все еще без малейшей идеи, отчего это происходит и когда остановится.

– Через неделю. Я ему говорил: «Почему бы тебе просто не пойти в отпуск?» Полежать на пляже, или что там люди обычно делают. Так нет же, вместо этого он будет все время ныть, что ему и умереть некогда, страна в опасности, какой такой отпуск. Зато нервные срывы у него аккуратнo раз в полгода по две недели. Что за страсть к дуркам? Там таблетки забойные?

Деметриус продолжал свою тираду, но Илия его уже не

слышал. Все как всегда. Сначала дрожь в пальцах, потом закладывает уши, потом болезненность при дыхании, словно в воздухе рассеяны мелкие осколки стекла. А затем странное ощущение, как будто горло опухает изнутри. Илия попытался дышать глубже, но не мог протолкнуть воздух в легкие.

– Если он хочет глотать лекарства горстями, то кто я, чтобы его судить, но зачем искать этому оправдание, – голос Деметриуса слышался как сквозь толстый слой ваты.

Теперь Илия втягивал воздух через нос, мелкими рывками.

– Ты мне, кстати, так и не сказал, куда мы едем.

Илия не отвечал.

– Куда мы едем-то? – Деметриус потряс его за плечо в своей медвежьей манере, едва не стукая головой о боковое стекло.

И... отпустило. Звуки вернулись во всей своей четкости. Илия закашлялся.

– Поверни налево, – он незаметно вытер о джинсы потные ладони. – Мне можно здесь курить?

Оперативная группа СЛ была в полном сборе, и с прибытием Илии и Деметриуса в маленьком домишке на две комнаты начала ощущаться теснота. Если появление Деметриуса с его серьгами и шипами кого-то и впечатлило, то из вежливости они не подали виду, поприветствовав правителя в подчеркнуто нейтральной манере. Деметриус все равно помахал рукой с видом роанской поп-звезды.

– Просто не обращайтесь на меня внимания. Продолжайте качественно выполнять свою работу.

– Это немного затруднительно, правитель, когда вы встали на капли крови, которые я сейчас изучал, – проворчал криминалист, дергая от возмущения плешивой головой. – И при этом едва не отдавили мне руку.

– Да? – удивился Деметриус, наконец соизволив посмотреть вниз с высоты своего величия. – Ты не переживай, друг, тут вот еще сколько кровавых брызг.

Из кухни в коридор торчала нога. Небольшая, женская, с грубой затвердевшей кожей на ступне. Чуть выше покрытой редкими волосками икры виднелся край бордового халата.

Деметриус заглянул в кухню.

– Какое неэротичное убийство.

– Встань в углу и молчи, – прошипел Илия и затем повысил голос, обращаясь к управомоченному: – Доброе утро, Айлус.

Айла, стоящий в углу кухни и делающий пометки, зажал карандаш большим и указательным пальцами и продемонстрировал ладонь в знак приветствия. Темный блондин с глазами цвета болота, с косой челкой, тянущейся до левого уха, пухлыми щеками и губами, он был самым флегматичным типом, которого Илия когда-либо встречал. Серьезно. Когда всем давно хотелось кататься по полу с воплями «Что же делать, что же делать?!», Айла, который вел эту безнадежную серию с самого начала, знай черкал себе в блокнотике. От-

сутствие лишних эмоций ему скорее помогало, чем мешало, и к двадцати шести годам он неплохо продвинулся по карьерной лестнице. Айла относился ко всему с дотошностью, и Илия не задумался ни на секунду, поручая Дождевую серию именно ему. Если в итоге дело так и не сдвинулось с мертвой точки, вины управомоченного Илия здесь не видел.

– Докладывай.

Айла шагнул ближе, нависая даже над Илией, который не страдал нехваткой роста.

– Мать и дочь. Матери под восемьдесят, дочь тоже не молодуха. Тела обнаружил молочник в 6:05 утра, – начал Айла своим обычным лишенным всякого эмоционального окраса голосом.

– Он всегда так рано приходит?

– Да, у них была договоренность, что он приносит молоко три раза в неделю в 6 утра. Берет деньги с крыльца и оставляет бидон.

– Деньги были на месте?

– Да.

– Почему он не ушел сразу?

– Сказал, что у него возникло странное ощущение. Он начал стучать в дверь. Частенько дочь уже не спала к тому времени – у нее был проблемный сон. В любом случае она должна была услышать. Но никто не откликнулся.

– Дочь – это которая на полу? – Илия показал на тело женщины в бордовом халате.

– Да. Молочник попытался заглянуть в дом, но окно расположено высоко, так что труп на полу он разглядеть не сумел. Однако он все же разбил окно, – Айла отошел в сторону, демонстрируя пробоину в окне позади него, – и пробрался внутрь. Обнаружив тела, вызвал скорую и полицию. Полиция увидела, что дело подходит под профиль, и передала нам.

– Как по мне так «странное ощущение» весьма сомнительная причина, чтобы сразу начать бить чужие окна.

– Интуиция, – предположил Айла и взглянул на Илию с неидентифицируемым выражением. – Вы верите в интуицию?

Ранее Илия ответил бы, что верит. Но он уже столько месяцев жил, воспринимая собственные эмоции отчужденно, как погодные явления, что сейчас только буркнул:

– Не знаю. В любом случае молочника надо проверить.

– Проверяют, – невозмутимо уверил Айла. – Но вы сами знаете, что это ничего не даст. Это то же самое. Продолжение.

– Замок на входной двери выглядит так, будто его зубочисткой открыть можно. Вы уверены, что картина совпадает? Может быть, сейчас у нас банальное убийство на почве ограбления, вот и все.

Айла продолжал смотреть на Илию все с тем же загадочным выражением в зеленых, как подернутых тиной, глазах.

– Если у вас есть сомнения, вы можете обсудить их с суд-

медэкспертом.

– Я знаю, что мне делать, – резко прервал Илия. Он заметил, что у него дрожат руки, и убрал их в карманы.

Поспешив удалиться от испытующего взгляда Айлы, он прошел в спальню, где судмедэксперт, сидя на краешке второй, пустой кровати, заполнял разложенные на коленях бумаги.

– Феле, доброе утро, – поздоровался Илия, бросив взгляд на прикрытое простыней тело. В этот раз хоть без детей, и на том спасибо.

– Да уж доброе, – судмедэксперт окатил его лунным взглядом сквозь линзы очков и с хрустом разгрыз болтаемую во рту конфету. – В отделе все в отпуске или на вызове. Я ехал со встречи выпускников, когда меня дернули, и вот я здесь. В белых замшевых кроссовках.

– Что скажешь про жертву?

– По словам молочника, перенесла три инсульта, последний, лет шесть назад, лишил речи и приковал к кровати. Повреждение подключичной артерии колюще-режущим предметом с массивным кровотечением в левую плевральную полость, – приблизившись к кровати жертвы, Феле откинул край простыни, демонстрируя аккуратную, с незначительно выделившейся кровью рану в складке над ключицей. – Красота какая. Хоть и жили без мужчины, но дочь ножи точить умела.

– Как она ее убила-то? Села сверху?

– Да, – Феле достал из кармана горсть леденцов в прозрачных обертках. – Хочешь? Углеводы. Лучшее средство от сонливости.

Илия присмотрел пепельницу.

– Спасибо, я лучше закурю. Не возражаешь?

– Нет. Только напомни мне попозже занести тебе срез легких курильщика. Поставишь на свой стол.

Достав сигарету, Илия посмотрел на бескровное строгое лицо старой женщины, прежде чем прикрыть его простыней. За свою жизнь он видел сотни трупов. Как правило, на судебных снимках, но в последнее время и прямо перед собой. Мертвые не вызывали у него ни ужаса, ни отвращения. Только сострадание и интерес к тайне их гибели.

– Она сразу умерла? – спросил он.

– У нее было некоторое время помучиться.

Лежать и умирать без возможности позвать на помощь. *«Твоя вина, – шевельнулось в голове у Илии. – Твоя вина».* Он выдохнул дым, но не мог избавиться от непрошенных мыслей с той же легкостью. В воздухе снова витали мелкие частицы стекла.

– Думаю, ей и до того жизнь была не в радость, – предположил Феле, угадывая его мысли.

– Орудие?

– Бытовой нож. Двенадцать сантиметров. Он был у дочки в руке. Пошли посмотрим на виновницу торжества.

В кухне Деметриус, уже обошедший всю квартиру и иг-

норируемый всеми присутствующими, сидел со скучающим видом, подпирая голову ладонью. Что ж, хотя бы молчит и под ногами не путается.

– Уж кровищи-то, будто невесть что случилось, – буркнул Феле, опускаясь на корточки возле трупа в бордовом халате. – Есть идеи, как очистить белую замшу?

– Никаких. Время смерти?

– Примерно три часа ночи.

Илия лег спать около пяти.

– У нас в районе не было дождя, – сообщил он.

– А здесь был, локальный. Айла уже проверил. С 2:17 до 2:45 ночи.

– Почему она в халате?

– Телевизор в гостиной был включен. Вероятно, ей не спалось.

– Характер ранений подозрения вызывает?

– Как обычно, ни малейшего, – Феле протянул Илию пару одноразовых перчаток.

«Как обычно», – отметил Илия, натягивая перчатки. Когда все происходящее стало нормой? По два трупа в неделю. Пора привыкнуть?

Он присел рядом с жертвой, готовый рассмотреть ее по-лучше. Женщина лежала на боку, скрючившись. Кровь, плохо впитываемая синтетической тканью халата, растеклась под ней лужей. Одна нога подогнута под себя, другая выпрямлена. Лицо закрывают седые волосы со следами облез-

шей рыжей краски.

– Все сфотографировали? – уточнил Илия у Айлы.

– Да, конечно.

– Нож лежал тут, – показал Феле отметку на полу. – Ручкой к ней. На рукоятке четкие отпечатки пальцев. Руками она зажимала живот. Умерла быстро. Но неприятно. Три колющих ранения в живот.

Илия чувствовал кислую вонь выплеснувшегося содержимого желудка с примесью металлического запаха крови. Ему захотелось снова закурить – хотя бы для того, чтобы дымом замаскировать зловоние.

– Первые два удара нанесены в положении стоя, последний уже после падения на пол, поразив печень, – Феле перевернул тело и сдвинул халат, открывая изрезанный дряблый живот пожилой женщины со следом резинки от трусов. – Вот здесь, – он ткнул обтянутым перчаткой пальцем.

– Как она себя ударила, лежа, в правую часть живота?

– Судя по расположению и направлению раневого канала, удар нанесен левой рукой жертвы.

– И мать она ударила слева, – Илия проверил правую руку мертвой женщины, затем подцепил и потянул к себе левую. Кончик большого пальца отсутствовал. – В предыдущих случаях они травмировали себе правую руку. Левша?

Он поднялся на ноги и открыл шкафчик над раковиной. Посмотрел на стопку тарелок в сушке. Слева направо. Он вытащил одну тарелку правой рукой и затем поставил обрат-

но. Неудобно.

– Да, левша, – кивнул он. – Есть что-то еще, что вы считаете нужным мне сообщить?

– Как только, так сразу, – пообещал Феле.

– Жду отчетность сегодня. Я буду в СЛ, – Илия стянул перчатки и махнул рукой Деметриусу. – Поехали. Оставим их спокойно работать.

– Скучно, – пожаловался Деметриус на улице. – «Место преступления» звучит как «парк развлечений», но на деле ничего особенного.

– А чего ты ожидал? Кишков на люстре? Это не съемочная площадка роанского ужастика, Деметриус.

– Да нет, просто все как-то буднично. Как будто ничего важного и не случилось. Приготовила ужин, помыла посуду, посмотрела киношку, зарезала мать, покончила с собой.

Если бы Илия не знал Деметриуса так хорошо, то решил бы, что за этим высказыванием скрывается некая философская мысль.

– Все равно тебе не стоило зевать так откровенно. Проявил бы уважение к погибшим.

– Люди придают слишком много значения мертвым телам. Когда мой отец умер два года назад, то, что осталось, было уже не им, походило на куклу в человеческий рост. Его душа унеслась далеко. Иногда я представляю, как тело отца пожирают черви, но меня это не трогает. Смерть – это же естественно. Сегодня ты здесь, завтра нет. Я бы не расстроился,

если бы я умер.

– Деметриус, я тебя умоляю, следи хотя бы немного за тем, что брякаешь, – взмолился Илия.

– А вот Эфил страдал, – задумчиво добавил Деметриус. – И до сих пор скорбит. Будто это был его отец, а не мой. Впрочем, оно словно бы так и стало с какого-то момента. У них было много общего.

– Тебя это не задевало?

– Нет. Я ему сказал: если тебе нужно, бери, – он распахнул дверь машины и плюхнулся за руль. – Куда тебя везти?

– Подбрось меня до СЛ.

– Хорошо. А я в правительство.

– Все-таки решил поработать?

– Нет, у меня там персональный тренажерный зал с тренажерами, дежурящими круглосуточно. Сегодня я настроен помахать мечом и поплескаться в бассейне.

– Жизнь удалась, правитель, – заметил Илия, расковыривая новую пачку сигарет бесчувственными пальцами. Зависть в нем даже не шевельнулась. Он поддерживал разговор в режиме автопилота, выдавая фразы, которые можно считать соответствующими.

– Ну да. Иногда думаю – вот свезло мне. А потом – как оно задолбало-то все.

– Поразительная для тебя глубина рефлексии, Деметриус.

Деметриус продолжил трепаться о том о сем. Илия курил одну сигарету за другой, безразлично рассматривая тори-

кинские окраины, казавшиеся почти монохромными сквозь тонированное стекло. К тому моменту, как они подъехали к парковке возле здания «Серебряной Лисицы», настала блаженная тишина – то ли Дементиус заткнулся, то ли Илия наконец выработал в себе навык блокировать его болтовню полностью.

– Спасибо, – бесцветным тоном поблагодарил Илия, выходя на парковку, и тут-то Дементиус выдал преспокойненько:

– Теперь Эфил точно тебя уволит.

В расплавляющей жаре у Илии внезапно возникло чувство свежести, как будто над его головой перевернули ведро, полное льда.

– Что ты сказал?

– А я разве тебя не предупреждал? – удивился Дементиус. – Ну, извини, если забыл.

– Как можно забыть о таком?!

– Я не думал, что для тебя важна эта работа. Не то чтобы ты выказывал усердие, не?

Дементиус послал ему на прощание широкую острозубую улыбку и уехал. В любом случае это был не тот разговор, который стоило продолжать на парковке СЛ, пусть даже и в выходной день, когда машин на ней заметно меньше.

Едва ли обращая на кого-то внимание, Илия побрел к своему кабинету и только на пороге приемной, вспомнив о датчиках дыма, вытащил сигарету изо рта. С одной стороны, но-

вость об увольнении была предсказуемой. С другой стороны... он даже не знал, что с другой стороны. Приложив карту допуска к считывателю, он прошел через приемную к кабинету, где карту пришлось активировать снова. Когда позади него захлопнулась дверь, Илия прислонился к ней спиной и обвел помещение пустым взглядом.

В первые недели, когда он только возглавил Первый отдел, Илия горел жаждой перемен и усовершенствований. Он поменял всю обстановку под себя. Потребовал сорвать старые пестрые обои и выкрасить стены спокойной матовой краской – белой с примесью серого (ему нравился этот оттенок; помогал упорядочить мысли). Сменил старомодные картотечные шкафы на современные, с надежными замками. Повесил однотонные темно-красные шторы вместо пыльного клетчатого ужаса. Предполагалось, что несколько осознанно подобранных картин придадут его кабинету элегантный, законченный вид, но до этого так и не дошло, и порой, глядя на пустую стену напротив стола, Илия отмечал, что она так же безыдейна, как его мозг.

Где красные занавески находились сейчас, он не ведал. Несколько месяцев назад он сорвал их, обнаружив, что больше не в состоянии выносить красный цвет, теперь кажущийся едким и раздражающим. Илия не мог сказать точно, когда его энергия иссякла, сменившись утомлением и раздражительностью. Помнил лишь, что к концу зимы уже был таким тусклым и апатичным, как сейчас. Шла середина августа.

«Теперь Эфил точно тебя уволит».

Видимо, все это время Илия бессознательно рассчитывал на снисходительность со стороны Эфила, поэтому известие о карательных планах начальника оставило болезненное ощущение предательства. Хотя с чего бы, ведь с тех пор как он вытащил из Долины Пыли едва живых Эфила и Деметриуса, тогда еще подростков, с советником его ничто больше не связывало. Илии было относительно легко с шумным тяжеловозом Деметриусом, пусть плохо поддающимся контролю и коррекции, но в целом простым и кристально-ясным, как стеклянный шарик. Но Эфил вызывал тревожное ощущение. Эфил был точно осколок зеркала, вроде бы прозрачный с одной стороны, но выкрашенный плотным слоем серебра с другой.

Илия сел за стол и расправил плечи, пытаясь придать себе вид человека, готового приступить к серьезному умственному труду. Попытка впечатлить воображаемого наблюдателя была столь же бессмысленна, как само присутствие Илии на работе в выходной день. Специалисты работали над серией. Он был уверен, что они делают все, что могут, и все, что должны. Чем он может им помочь? Но, формально, как руководитель он должен был что-то делать. И – формально – он делал.

Его стол захламляли груды бумаг. Они выглядели внушительно и могли бы создать впечатление кипучей деятельности, если бы не покрывающий их предательский слой пыли.

Илия не помнил, что в них, но точно знал, что здесь нет ни одной, относящейся к делу, которое тянуло из него нервы начиная с июня. Для более убедительной симуляции занятости ему придется спуститься в архив.

По пути ему встретился Джулиус с его омерзительно-фарфоровым личиком и блестящими волосами. Невообразимый завитой локон, все время падающий на глаза, был все еще при нем. Джулиус обзавелся локоном примерно полгода назад и, вероятно, каждое утро тратил массу времени на укладку. Илия порой замечал, как девушки из СЛ хихикали, провожая Джулиуса взглядом, но были и те, кто романтически вздыхал. При виде Илии Джулиус ослепил его купленной у ортодонта неестественно-белой улыбкой, с минимум артистического таланта изобразил сочувствие и похлопал Илию по плечу. То, что Джулиус тебе сочувствует, уже достаточно обескураживающий факт, но когда он еще и по плечу снисходительно хлопает...

Архивариус был на месте. Собственно, теперь у них было четыре архивариуса, и кто-то из них предполагался быть на месте в любой из двадцати четырех часов семи суток недели. Как быстро показала практика, «быть на месте» и «быть полезным» совершенно разные понятия... Илия начинал понимать предыдущего начальника, два десятка лет продержавшего его в архиве несмотря на активное сопротивление. Проще найти человека, готового выезжать на осмотр трупов, или вскрывать трупы, или даже самому потенциально стать

трупом, но только не согласного целый день просиживать в подвале и перебирать пыльные бумажки, долго и нудно отыскивая в них крупицы требуемой информации.

Илии вспомнилось, как, копаясь в архивных папках, он сам испытывал невыносимую тоску и мечтал заняться чем-то стоящим. Получив высокую должность, он был окрылен – вот оно, наконец. Но вскоре убедился, что его новые обязанности поразительно напоминают прежние и так же требуют просмотра множества бумаг. Один небольшой нюанс – раньше он только анализировал события. А теперь стал еще и нести за них ответственность. Все это не выглядело как работа, которую он представлял в своих фантазиях. Затем началась Дождевая серия, окончательно превратив все в кошмар...

Лучше бы он оставался архивариусом. По крайней мере, тогда он находился в пределах его компетенции.

– Я сам, – отмахнулся он от предложения помочь и направился было в глубь зала, но тут резко остановился. – Вы поменяли стол?

– Ну да, – Лациус уставился на него своими навывкате, как у ящерицы, блеклыми глазами. – Теперь у нас новый.

– А что вы сделали со старым? – Илия со свистом втянул в себя воздух.

– Мы его выбросили. Он же был... старый.

«Промолчи и уйди», – напомнило остаточное здравомыслие. Еще секунду Илия верил, что ему таки удастся посту-

пить как следует, но затем услышал собственный скрипучий голос:

– С каких пор кто-то из вас четверых считает, что может принимать здесь решения? Например, что оставить, а что выбросить?

– Ну, я... мы... мы обсудили с завхозом, – опешил Лациус. – Стол прямо на куски разваливался, и мы...

– Почему компьютер не включен? – с ледяной яростью осведомился Илия. – Ты должен заносить дела в базу, Лациус. Как ты это делаешь с выключенным компьютером? И почему на столе помойка? – Илия ребром ладони сшиб на пол одну из шатающихся стопок. – Наведи порядок! Займись своими обязанностями!

Извергнув ценные указания, Илия решительно зашагал к стеллажам, надеясь, что это не выглядит как бегство. В конце зала он прислонился к узкому прямоугольнику бетонной стены между стеллажами и попытался выровнять дыхание, дыша через нос, но так только начал задыхаться еще сильнее. Сердце молотило в ребра как бешеное. Через десять минут, наконец-то успокоившись, Илия трясущимися руками собрал нужные документы и удалился, не глядя на Лациуса.

Стопка оттягивала руки, так что Илия был рад сбросить ее на стол в кабинете. Он рухнул в свое кресло и запрокинул голову, чувствуя тошноту и вялость. Не то чтобы он сожалел о совершенной атаке. Халтурщик Лациус давно заслуживал взбучки. Однако Илия опасался, что эта вспышка дискреди-

тирует его самого как начальника отдела. Он уже слышал, как Лациус рассказывает кому-то: «А этот-то опять психанул...»

Прежде Илия бы даже не сомневался – сотрудники СЛ примут его сторону, но в последнее время замечал, что коллеги бросают на него взгляды. Разочарованные? Настороженные? Сочувствующие? Осуждающие? Все так переменялось меньше чем за год. Раньше он со всеми общался свободно. А теперь у него потели ладони от одной мысли, что придется вызвать кого-то к себе в кабинет. Каждый день он ощущал себя словно на экзамене, где все билеты провальные. Так имел ли он право срываться на Лациуса, когда сам едва ли лучше справляется со своими обязанностями? Почему он вообще так взвился из-за какого-то стола? Да, он проработал за ним много лет и знал каждую царапину на столешнице, так же как и торчащий снизу гвоздь, что испортил ему не одну пару штанов. Но не то чтобы он в действительности скучал по столу. Не приходил к нему сказать: «Доброе утро». За почти год на новой должности он ни разу о нем не вспомнил.

Илия переместился под подоконник – так, чтобы не видели с улицы, и одновременно чтобы находиться подальше от датчиков дыма – и закурил. Относительно безопасное пятно, но иногда датчики все-таки срабатывали. Эти проклятые штуки, которые установили за последний год практически повсюду в СЛ, отличались сверхчувствительностью. После

ряда ложных срабатываний их перепрограммировали. Пусть Илию больше не грозило быть облитым противопожарной пеной, но гнусный писк изрядно действовал на нервы, к тому же требовалось повозиться, чтобы его отключить.

Вернувшись к столу, Илия усилием воли заставил себя открыть одну из папок и приступить к чтению. Хотя он изучал материалы по делу уже множество раз, всегда остается шанс на озарение. Впрочем, он все еще не мог избавиться от странного ощущения, что информация является знакомой и новой одновременно, как будто после каждого прочтения он инкапсулировал ее в своем разуме, чтобы, окружив плотной оболочкой, вступить с ней в наименьшее взаимодействие.

К часу дня солнце жарило всюду, раскаляя кабинет без занавесок. Потные пальцы липли к страницам. Все началось 21 июня... потом 11 июля... 17 и 26 июля... 5 августа. И сегодня, 18 августа. Подцепив уголок календарика, Илия вытащил его из-под прикрывающего столешницу стекла и обвел даты каждого эпизода кружочком. В среднем интервал в полторы недели. Значит ли это, что если не на следующей неделе, так вскоре после его ждет очередное потрясение?

Илия извлек стопку бумаг из нижнего ящика стола чтобы добраться до запрятанной за ними маленькой, на глоток, бутылочки. Привычное жжение во рту успокоило его достаточно, чтобы он смог вернуться к работе. Впрочем, приступая к просмотру фотографий, ему пришлось вооружиться банкой пива, дожидавшейся в картотечном шкафу. Фотографии...

они хуже всего. Илия полжизни проработал с криминалистическими фотографиями, но прежде они не имели к нему отношения. Все, что от него требовалось, – это систематизировать их и вовремя предоставлять сотрудникам, ведущим расследование. А сейчас тела с фотографий как будто укоряли его: *«Твоя вина. Мы здесь, потому что ты не справляешься!»* Илия хлебнул пиво. Почти горячее. Ему стоит установить в кабинете мини-холодильник, чтобы пьянствовать на работе с комфортом.

Уже узнав фото по загибу на уголке, он перевернул его лицевой стороной. Пухлая мордашка этого полуторагодовалого ребенка порой возникала в его мыслях, особенно по вечерам. Илия ощутил острую ностальгию по временам, когда судебная фотография еще была черно-белой. В тех ретро-снимках было свое очарование, кровь даже не выглядела как кровь. Илия закрыл нижнюю половину фотографии, пряча потеки и раны. Какое безмятежное выражение лица. Как будто мальчик догадывался, что этот мир переполнен множеством неприятных вещей, и посему покинул его без сожалений.

Илии припомнилось, какими были его сыновья в этом возрасте. Он не общался с детьми (они с ним?) уже больше полугода, если не считать утреннего звонка, когда Сет грозился его отколошматить. Саднящее ощущение в горле снова не давало покоя. Пытаясь смыть его, Илия глотнул еще пива.

Он встал и прошелся по кабинету. Белые стены должны были давать ощущение простора и спокойствия, но он чувствовал себя жуком, запертым в обувной коробке. Одиночество жгло и липло к коже, как горящий пластик. Илия поднял трубку рабочего телефона и набрал домашний номер своей секретарши. Она ответила на десятый гудок, когда Илия уже успел совершенно отчаяться.

– Алло?

– Ты должна быть на работе.

После паузы она возразила блеклым, холодным голосом:

– Сегодня воскресенье.

– Я в курсе. Но если я работаю, то и ты работаешь.

– Где это сказано?

– Посмотри в должностной инструкции.

– Я не держу должностную инструкцию у себя дома.

– Значит тебе придется приехать, чтобы ознакомиться с ней здесь.

Она помолчала.

– А если я не приеду?

– Тогда не видать тебе поквартальной премии, – по правде, Илия не был уверен, что еще платит ей хоть какую-то премию. Если что-то он еще не откромсал от ее зарплаты, то исключительно по недогляду. – Будь здесь через час, – добавил он, зная, что добираться ей не менее сорока минут, и бросил трубку.

Пытаясь убить время до прихода Лизы, Илия спустился в

кафетерий. По выходным есть там было нечего, кроме черствых булок, оставшихся с пятницы, поэтому он просто взял кофе и сел за столик. Всыпав четыре ложки сахара, он размешивал коричневую жидкость пластиковой ложкой и чувствовал, как лоб медленно сжимает боль, словно ему на голову надели металлический шлем меньшего размера, чем нужно.

– Привет, – произнес кто-то сверху, и Илия вздрогнул.

– Привет.

Девушка была высокая и, стоя близко к нему, нависала, как столб, что вызвало у Илии резкое ощущение дискомфорта.

– Илия, вы меня помните? Я Гайя.

– Помню, – солгал Илия, но в следующий момент осознал, что действительно здоровался с ней пару раз. Кажется, однажды они даже перекинулись несколькими фразами. Она называла свою должность... что-то невпечатляющее – перебирала где-то бумажки. Впрочем, как и он сам. Слышала ли она про новые смерти? Илия не сомневался, что слухи уже пошли.

– Работаете в выходные? Я вот тоже приехала кое с чем разобраться. Не возражаете, если я сяду с вами?

Илия открыл было рот, чтобы озвучить очевидный факт изобилия свободных столиков, но она уже водрузила сидалище на стул напротив. Ладно, хотя бы больше не торчит над ним, как колонна.

– У вас синева под глазами. Очевиден недостаток сна, – отметила Гайя, сочувственно улыбаясь ему одними губами. Уголки рта у нее в принципе были немного приподнятые, что придавало ее внешности что-то кошачье. – Должно быть, это невероятно тяжело – занимать столь ответственный пост.

Илия приходил на работу к восьми утра и уходил в шесть вечера. Ничто не мешало ему дрыхнуть как сурку практически все остальное время – разве только привычка потягивать пиво и истреблять монстров на телевизионном экране до первых признаков рассвета.

– Угу, тяжело, – пробормотал Илия за неимением лучшей реплики и отхлебнул кофе. От избытка сладости аж зубы сводило. Он поморщился и машинально потер пульсирующий лоб.

– Голова болит? – догадалась Гайя. – Дать вам таблетку?

Илия не мог найти аргумента против, поэтому согласился:

– Хорошо.

– Нельзя запивать лекарства кофе. Я принесу воды.

Илия проводил ее апатичным взглядом.

Несмотря на жару, на Гайе была длинная узкая юбка из темно-вишневой ткани, которая считалась бы строгой, если бы не облегала задницу плотно, как латексная перчатка. Илия представил, как под тканью ее ляжки склеиваются от пота. Гайя взяла стакан воды и направилась обратно, светя Илию улыбкой. Вероятно, ему следовало как-то отреагировать, а не просто смотреть на Гайю бессмысленным взглядом

потомственного идиота, но само осознание этой необходимости заставило все мышцы в его лице одеревенеть.

– Скоро вам станет получше, – пламенно уверила Гайя, протягивая таблетку и стакан.

– Спасибо, – Илия разжевал таблетку и медленно запил ее водой, радуясь поводу помолчать хотя бы несколько секунд.

– Я просто *счастлива*, что могу помочь. Я вообще стремлюсь помогать людям. Впрочем, на моей должности мало возможностей принести реальную пользу, нечего и говорить об этом.

Нечего говорить, тем не менее она продолжила. У нее была манера во время разговора проникновенно всматриваться в глаза Илии, как будто она пыталась сквозь зрачки дотянуться до его внутренностей. Илия уже и не помнил, когда в последний раз женщина бросала на него столь прямые взгляды. Пытаясь уклониться, он уставился на пластиковую ложку с каплей кофе в ней.

– Думаю, мне пора идти.

– Вы не допили кофе, – Гайя на секунду накрыла его пальцы ладонью.

Это было больше, чем Илия соглашался вытерпеть. Он вскочил с места резко, как выпрямляющаяся пружина, и скрылся.

До прихода Лизы оставалось еще полчаса. Илия подавил соблазн позвонить Деметриусу. Для вида он взял одну из папок и прошелся с ней по кабинету. Туда-сюда. Туда-сюда.

Еще раз подавил соблазн позвонить Деметриусу. Подумал, кому еще мог бы позвонить. Только родителям. Ужас какой.

К приходу Лизы он совсем издергался.

– Где ты пропадала? – в бешенстве выскочил он в приемную, едва заслышав распахнувшуюся дверь.

Лиза стукнула ногтем по изящному циферблату своих наручных часов.

– Ровно час.

Илия был бы рад, если бы Лиза, собравшись на работу в спешке, выглядела растрепанной – ведь тогда он мог бы отчитать ее за ненадлежащий вид. Но даже ее волосы, уложенные в пучок, лежали волосок к волоску. Он все еще не мог привыкнуть к тому, что она начала стягивать их в тугую прическу и тем более к тому, что она перекрасилась в платиновый блонд. Может, она начала седеть и поэтому прибегла к краске?

Ее новый строгий стиль ему тоже не нравился. Не то чтобы он скучал по мягким рыжим прядям, платьям в цветочек и кружеву – даже если подсознательно все еще рассчитывал их увидеть каждый раз, как Лиза появлялась в поле зрения. Однако полагал, что раньше она выглядела более привлекательно, а не так... дистанцированно. Он задумался над тем, что прячет ее скучное синее платье. У Лизы была обширная коллекция нижнего белья всех возможных цветов, но по своим странным соображениям она никогда не носила одновременно белье из одного комплекта, совпадающее по цвету,

как делает большинство женщин. Возможно, сейчас на ней розовый верх и ярко-салатовый низ. У Илии чесался язык спросить.

Интересно, приложила ли она руку к утреннему звонку Сета? Илия подумал и решил, что нет. Если бы у Лизы так накопело, она предпочла бы разобраться самостоятельно.

– Налей мне кофе, – буркнул Илия, отступая за дверь своего кабинета.

Когда она вошла, он сделал вид, что погружен в чтение. Под выжидающим взглядом Лизы он попробовал кофе и скривился.

– Без сахара.

– Да, как ты обычно пьешь.

– Сегодня я пью с сахаром.

Она вышла с чашкой и, добавив в напиток сахар, вернулась.

Илия окунул палец в горячую жидкость. Палец еле терпел. Илия поспешил его вытащить.

– Пока ты ходишь туда-сюда, кофе совсем остыл. Налей мне новый.

Получив следующую чашку, он выждал немного, затем вышел в приемную и аккуратно вылил кофе в раковину в углу.

– Что опять не так? – ровным тоном осведомилась Лиза.

– Где молоко? – хотя Илия обращался к Лизе, смотрел он в сток, поглощающий темную жидкость. Завораживаю-

щее зрелище.

– Ты не мог сразу объяснить мне, что тебе нужно, вместо того, чтобы гонять меня туда-сюда?

– Если спустя столько лет я должен объяснять тебе подобные мелочи, то я не знаю, почему ты все еще сохраняешь свою должность, Лиза.

Спустя пять минут она подала ему кофе с идеальным количеством молока, сахара и заявлением на увольнение, подsunутым под блюдце. «Опять ты начинаешь свои глупости, Лиза», – апатично подумал Илия, просматривая ровные аккуратные строчки (причиной увольнения она указала: «семейные сложности»). Илия порвал заявление на мелкие клочки, ссыпал в кофе и вынес чашку в приемную.

– Я не буду это пить. Здесь какие-то бумажки.

Лиза сосредоточенно смотрела в монитор и ничего не ответила. Разумеется, она не ожидала, что ее попытка бегства выгорит. Теоретически, она могла бы пожаловаться на него в службу надзора за работодателями. Учитывая специфику работы СЛ, после этого Илия мог бы обвинить ее в разглашении секретных сведений, инициировать против нее процесс и потрепать ей нервы так, что все предыдущее показалось бы легкой прогулкой. Возможно, Лиза предполагала такой вариант развития событий, пусть Илия и сам не знал, решил бы он на что-то подобное. Хотя... временами он представлял, как ввергает ее в неконтролируемый кошмар, и эти фантазии приносили ему странное удовлетворение.

– Напиши мне отчет о работе, проделанной за полугодие, – озвучил Илия только что пришедшую в голову идею.

– Чьей работе? – Лиза подняла на него недоумевающий взгляд.

– Твоей работе, – Илия считал Лизу идеальным секретарем: она отлично выполняла свои обязанности, решая влет проблемы, которые других поставили бы в тупик, но это было не то, что он высказывал вслух. – Я хочу понять, на что ты вообще тратишь рабочие часы.

Лиза взяла ручку и резко сдернула с нее колпачок. Впервые за долгое время, может быть, за все время, Илия заметил в ее серо-зеленых глазах ярость.

– А что, если нам написать отчет о твоей проделанной работе? – тихо предложила она.

– Переговариваешься с начальством? Я вынесу тебе письменное предупреждение.

– Сколько пива выпито. Сколько сигарет выкурено, – медленно продолжила Лиза. – Сколько важных проблем проигнорировано. Ты выглядишь отвратительно. От тебя несет алкоголем. В твоём кабинете разгром, в твоей жизни тоже. Я перестала узнавать тебя. Ты был таким добрым, таким хорошим! А сейчас ты сочишься кислотой из каждой поры. Что с тобой случилось, что происходит? – она вышла из-за стола и шагнула к Илию.

Илия отступил.

– Ты сама постаралась, чтобы я начал относиться к тебе

иначе, Лиза,² – буркнул он, как будто это хоть что-то объясняло.

Лиза мотнула головой.

– Да, я была дура, когда наплела, что изменила тебе, чтобы проверить реакцию. Да, я поступила плохо. Но не настолько, чтобы ежедневно трепать меня на протяжении вот уже одиннадцати месяцев. Я так долго ждала, когда ты успокоишься. Но ты не можешь. Для тебя та ссора была только поводом, чтобы сорваться, да? Что-то не устраивало тебя во мне уже давно. Так скажи мне прямо: за что ты меня ненавидишь?

– Лиза, ты у нас такая умница, догадайся сама, – промямлил Илия, пятясь от нее к своему кабинету.

– Ответь мне – за что? Или ты сам не знаешь? – ее настойчивые зрачки встретились с его ускользающим взглядом, и она все поняла. – Ты не знаешь.

Прежде чем захлопнуть за собой дверь, Илия услышал тихий вскрик. В прежние времена он бы сразу выскочил и начал ее утешать. Сейчас же рухнул за стол, пытаясь успокоить прежде всего себя, охваченного паникой. Ее вопрос выбил почву у него из-под ног. У него действительно не было ответа. Все, что он знал: вся нежность пропала. Когда он смотрел на Лизу, его сердце покрывалось ледяными колючками.

Спустя пару часов Лиза принесла ему отчет. Не глядя, Илия протянул за ним руку и, едва услышав хлопок закрывшейся за Лизой двери, бросил в корзину для бумаг.

---

² Об этом конфликте читайте в истории «Связи».

В шесть часов Лиза ушла. Илия почитал еще с полчаса, дожидаясь, когда Лиза удалится на достаточное расстояние, и тоже засобирался.

В его съемной квартирке Илию ожидало дивное зрелище: правитель Ровенны, заваривающий в пластиковом стаканчике дрянь быстрого приготовления. И все это на фоне обшарпанной пятиметровой кухни.

– Все пытаюсь припомнить, когда впал в затмение и согласился выдать тебе ключи от моей квартиры.

– Не припомню, чтобы просил, – пожал плечами Деметриус и любезно предложил: – Лапшички?

– Спасибо, нет, – Илия так ничего и не съел сегодня, но, судя по восьми лишним килограммам, набранным за последние месяцы, пиво удовлетворяло его потребность в калориях более чем полностью. Пришлось перестать заправлять футболки в джинсы – бока уж слишком выпирали.

Он выудил из холодильника запотевшую бутылку пива (по крайней мере, Деметриус покупал пиво) и, прежде чем сорвать крышку, прижал гладкий стеклянный бок к своему пылающему лбу. Успокаивающий холод против пульсирующей боли.

– Если ты хочешь расспросить меня, валяй, – предложил Деметриус с обычно несвойственной ему чуткостью.

Илия хмуро глотнул пива и, поскольку единственная табуретка была узурпирована правителем Ровенны, сел на пол возле батареи.

– С какого времени Эфил поговаривает о том, чтобы уволить меня?

– В сущности, он сразу предположил, что с тобой возникнут проблемы... Он сказал, что ты психически уязвимый человек.

Илия хотел спросить, считает ли Эфил себя психически неуязвимым человеком, но угрюмо промолчал.

– А потом началась серия, ну, ты знаешь, и у него возникла масса претензий к твоей работе, – не удосужившись взять вилку, Деметриус опрокинул лапшу себе в глотку, одолевая в один глоток половину порции. – Что будешь делать?

– Не знаю, – буркнул Илия.

От вида Деметриуса, свински пожирающего дешевую лапшу, на него накатило острое раздражение. Как просто быть Деметриусом. Твори что хочешь, изредка соглашаясь на уговоры побыть пять минут паинькой. Косячь в свое удовольствие, ведь все твои огрехи зашлифует и залакирует тот самый Эфил, который после первой же полосы неудач собирается вышвырнуть Илию, как мусор.

– Деметриус, у тебя есть дом?

Деметриус подцепил пальцем последнюю полоску лапши.

– У меня много домов.

– Я имею в виду дом как место проживания.

– А. Ну, конечно, есть.

– Почему бы тебе сейчас не отправиться туда?

Деметриус посмотрел на него очень внимательно, а на

мгновение Илии показалось, что намек понят. Но затем Деметриус признался с искренностью умственно отсталого ребенка:

– Мне скучно без Эфила. К тому же я бы не хотел, чтобы эти кретины из правительства легко могли меня найти. Еще работы навешают, – собираясь выбросить стаканчик из-под лапши, Деметриус открыл шкафчик под раковиной, и мусор из переполненного ведра посыпался на пол. – Уже даже мне начинает казаться, что тебе стоит здесь прибраться.

Илия поставил пустую бутылку на подоконник, зажег сигарету и ушел в ванную.

Докурив, он встал под горячий душ, но обжигала его не вода, а гнев. У него было достаточно причин, чтобы обидеться на жизнь и людей, но ни одной, чтобы разъяриться до такой степени. Он буквально давился злобой. Сердце сжималось как кулак перед дракой. Когда занавеска распахнулась, и ладонь Деметриуса весьма болезненно хлопнула его по лопатке, Илия мгновенно взвился:

– Оставь меня в покое, Деметриус! Хотя бы в душе! Я сто раз говорил тебе не вламываться!

– У меня есть одна идея, – объявил Деметриус.

– Нет, я заставлю себя... я почию щеколду... нет, я лучше куплю амбарный замок... поставлю металлическую дверь... и в туалете...

– В основном, твои проблемы идут из-за этого висяка, – объяснил Деметриус, не обращая ни малейшего внимания на

припадок собеседника. – Но если...

– Нет, мои проблемы идут от тебя, Деметриус! С твоим категорическим непониманием личных границ! С чего ты тут заякорился? Я тебя не звал! Убирайся, и оставь меня в моем кошмаре, и дай мне...

– Ты не переживай. Я помогу тебе разобраться с делом, и тогда Эфил от тебя отстанет.

Это было настолько нелепое заявление, что Илия перестал орать и сдавленно хохотнул. Он обернулся посмотреть, вдруг Деметриус все-таки шутит, но тот так и излучал самодовольство.

– Ты сможешь мне разобраться, Деметриус? За то время, что ты здесь прожил, я успел уяснить, что ты даже мусор вынести не в состоянии.

– Кто угодно в состоянии вынести мусор.

– А вот вам королевская кровь жмет.

– Ты полегче. Не забывай, что я все-таки твой начальник.

Илия ударил кулаком по кафельной стенке.

– Когда начальник начинает вламываться в душ, подчиненный имеет право на некоторый протест.

Готовясь возразить, Деметриус открыл было рот, демонстрируя пирсинг в языке, но Илия прорычал:

– Выходи. Проваливай. Уматывай. Катись отсюда. Дошло?

– Ты был таким лапочкой. Тебя стало не узнать, – бросил Деметриус напоследок.

– Если еще кто-нибудь скажет, что меня стало не узнать,

я куплю себе значок с именем.

Когда Илия вышел из ванной, Деметриуса в квартире не было. Неужели послушался и умотал? Пораженный этим фактом, но все еще злобный, Илия докурил последнюю сигарету из пачки и открыл шкафчик под раковиной. Там было пусто.

– Видишь, я смог выбросить мусор, – самодовольно объявил Деметриус, появляясь на пороге.

– А ведро где?

Улыбка Деметриуса резко поблекла.

– А, его не нужно было выбрасывать...

Чувствуя, что, если не прервать все это, он закончит не только безработным, но и обвиняемым в убийстве, совершенном с особой жестокостью, Илия махнул на Деметриуса рукой и пошел спать, хотя еще даже не стемнело.

Деметриус громыхал в кухне, судя по звукам, демонтируя кафельную стену и двигая холодильник. Серый вечерний воздух за окном начал синеть. Деметриус пошел принимать душ, сопровождая процесс громким вопиюще бездарным пением. Илия встал, выпил таблетку от головной боли и лег обратно, накрыв голову подушкой.

– Как мне уснуть, когда такие проблемы? – громко спросил закончивший водные процедуры Деметриус, бухнулся на свой матрас у противоположной стенки и моментально отрубился.

Илия не спал. Он взял в кровать пепельницу и сигареты,

надеясь, что потакание вредной привычке поможет ему успокоиться. Не помогало. Тревога висела над ним пологом изжелта-серого тумана. Он уже понимал, что его жизнь кардинально изменится, но это было горькое осознание человека, пришедшего в себя после аварии и обнаружившего недостаток конечностей. В некотором смысле Илия действительно был инвалидом. В «Серебряной Лисице» он получил первую настоящую работу и спустя двадцать лет оставался все там же – только теперь с обширным специфическим опытом, едва ли применимым в другой сфере. Что он вообще сможет рассказать на собеседовании, если работал в организации, чья деятельность строго засекречена? У него даже законченного высшего образования нет...

Илия попытался припомнить кого-нибудь, столкнувшегося с той же проблемой, но, кажется, люди либо сбегали из СЛ в первый же год (или их выставляли), либо же работали до последнего. Даже если оставить в стороне сложности трудоустройства, чем вообще он хотел бы заниматься? Кем уж он собирался стать до СЛ? Фотографом? Смешно. Он уже давно перестал воспринимать фотографию иначе как источник информации с места преступления. Нет опыта, нет образования, нет мотивации, нет интереса, да и возраст уже не тот. На что он может рассчитывать, начиная карьеру с нуля в сорок два года? Он закончит расставляя консервы в продуктовом магазине. Как ни крути, вся эта ситуация выглядела, как будто его толкали в мусорную яму. И кто это делал?

Эфил. Илии давно следовало понять, что с человеком, способным ударить любовь всей жизни металлической трубой, нужно быть поосторожнее.

Хорошо, что на счету у него скопилась какая-то сумма, учитывая, что с тех пор как его повысили (а, следовательно, подняли и зарплату), он едва ли что-то покупал, кроме сигарет и алкоголя. В худшем случае он может попроситься обратно в архив, изгнав четырех бестолочей, от которых все равно никакого толку. Но ему представилось, как бывшие подчиненные смотрят на него с ехидством или сочувствием, и он понял, что не сможет. Лучше уж продуктовый магазин и надеяться, что на него не натолкнутся знакомые.

Илия повернулся на другой бок, рискуя поджечь сигаретой подушку. Всю свою жизнь он жаждал делать что-то по-настоящему важное, значимое для людей. Но теперь, когда ситуация требовала от него всех мотивации и сил, единственное, чего ему хотелось, – чтобы кто-то снял с него невыносимо давящую ответственность... Полный провал. Никчемный руководитель. Никчемный человек. Частицы стекла реяли в воздухе, чтобы в итоге осесть в его легких. В голове стучали слова: *«Твоя вина, твоя вина»*. Люди умерли и продолжают умирать из-за него. Потому что ему не хватает ума, сил, сосредоточенности и выдержки, чтобы все это остановить...

К рассвету его окончательно одолело ощущение несчастья. В комнате висел сизый сигаретный туман. Деметриус

крепко спал. Избыток дыма и страдания ему не мешал. Илия открыл окно для проветривания и позвал:

– Деметриус... Мне нужна твоя помощь.

Ноль реакции. Илия сгреб зажигалку и пачку сигарет, пошел к правителю и потряс его за плечо.

– Деметриус!

– Сам меня обними, – не просыпаясь, пробормотал Деметриус.

Это было так неожиданно, что Илия рассмеялся, несмотря на похоронное настроение. Деметриус разлепил один глаз.

– А, это ты... – пробормотал он с явным разочарованием.

– Я хочу обсудить с тобой кое-что, – неуверенно объяснил

Илия, чувствуя, что если не получит в ответ достаточное количество энтузиазма, то просто вернется в кровать и позволит своей жизни катиться под откос.

Деметриус зевнул, потянулся, выпятив мощный торс, и сел.

– Сколько времени-то?

– Четыре или около того. Светает.

– Ясно. Ну, давай, обсудим.

Деметриус, как фактический властелин страны и – в своем больном воображении – мира, везде ощущал себя полновластным хозяином, поэтому снова без тени сомнения занял единственную табуретку. Быстро вскипятив в чайнике воды на две кружки, Илия налил растворимый кофе, апатично отметив, что руки снова трясутся. Конечно, он не ждал от

Деметриуса чудес логики и наблюдательности. Ему просто требовались свободные уши, чтобы, излагая обстоятельства вслух, упорядочить имеющиеся сведения. Свободные уши с абсолютным доступом к засекреченной информации. Илия даже не стал отчитывать Деметриуса, что тот опять не одет, просто молча поставил на стол перед ним чашку кофе. Сам же, запалив очередную сигарету и прихватив свою кружку, уселся на пол и уже привычно прислонился спиной к батарее. Ощупью отыскав на подоконнике жестяную банку, которую использовал в качестве пепельницы, Илия разместил ее рядом с собой и начал:

– 21 июня, на Приречной, 15, молодая мать убила своего полуторагодовалого сына и затем покончила с собой. Приречная – одна из наиболее ухоженных улиц в пригороде Торикина. Там много просторных частных домов, возведенных состоятельными людьми, – Илия пересказывал события на автомате, не задумываясь над подбором слов. Каждый раз, когда добавлялся новый эпизод, он перечитывал все дела по порядку. Первый эпизод он изучал уже столько раз, что теперь места, люди и детали стояли у него перед глазами в объеме и красках. – Убийца, Малисса, двадцати шести лет, жила в трехэтажном особняке с цветником...

Деметриус отчаянно зевнул, продемонстрировав крепкие зубы без единой пломбы. Сделав глубокую затяжку и запив ее кофе, Илия продолжил тем же ровным механическим тоном:

– Утром она покормила ребенка и выкатила его в коляске на долгую прогулку. На улице она пообщалась с соседками, тоже гуляющими со своими детьми. В 11:35 Малисса набрала номер мужа. Он бизнесмен в сфере медицинского оборудования, работает с роанцами, в тот день был в командировке в Льеде. По его словам, разговор прошел как обычно, Малисса была в хорошем настроении. Дождь, начавшийся в 12:05, прогнал мать и ребенка домой. Малисса покормила сына, а затем уложила его спать, предварительно заменив белье в детской кроватке на свежее. Достала из холодильника йогурт, чтобы он прогрелся к моменту пробуждения ребенка, и уселась зашивать надорванные детские штанишки...

Деметриус потянулся к кружке, сделал вялый глоток, сонно клюнул носом, поставил кружку и подпер голову ладонью.

– В 14:12 дождь закончился. Примерно в то же время Малисса взяла ножницы, нанесла спящему ребенку несколько ударов в живот и грудь, попыталась откромсать себе несколько пальцев на правой руке, а затем пырнула себя. Соседка услышала крики и вызвала полицию. Малисса скончалась в больничной палате, так и не придя в сознание. Вскрытие показало, что она была на раннем сроке беременности, – Илия поднялся, наполнил чайник водой и снова поставил его на огонь. Раскрыл сигаретную пачку, собираясь прикурить, но та оказалась пуста. – Деметриус, ты не спишь?

Тишина в ответ. Илия потрепал правителя за плечо. Деметриус дернулся, отдирая голову от подставленной ладони.

– Нет. Я внимательно тебя слушаю. Изю всех сил стараюсь разобраться.

– По-моему, так ты просто дрыхнешь с открытыми глазами.

– Ты рассказывал про самый первый эпизод серии.

– Да, про первый эпизод, – Илия налил еще кофе и сразу сделал большой глоток почти кипящего напитка. Попытался нащупать в кармане завалявшуюся пачку, но вспомнил, что на нем пижамные шорты, на которых карманов нет вообще. – Хотя первые эпизоды почти никогда не попадают в поле зрения «Серебряной Лисицы» сразу. Ведь первое дело, «источник» – это рядовое преступление, продиктованное личными мотивами преступника. Вот только, к несчастью, оно оказывается совершённым на территории, где присутствует неструктурированный спирт. Под влиянием сопровождающих преступление эмоций спирт структурируется. Возникает образ, запечатлевающий эмоции и мотивацию преступника, способный впоследствии повлиять на психику уязвимых к нему людей, вынуждая их совершать аналогичные преступления. А в случае с Малиссой...

Деметриус вдохнул, залпом опустошил свою кружку и передал ее Илии для второй порции. Илия потянулся за банкой с остатками растворимого кофе.

– Проблема в том, – пробормотал он, откручивая крышку, – что у Малиссы, кажется, не было личных причин совершить такое. У нее были любящий муж, подруги, помощь род-

ственников, приходящая горничная. Один здоровый нормальный ребенок и второй, запланированный, на подходе. Никаких явных психологических проблем, кроме разве что редких приступов меланхолии. И, согласно инструкции, касающейся преступлений, лишенных внятного мотива, полиция передала дело нам.

– Хочешь сказать, на нее что-то повлияло? – догадался Деметриус.

– Я... я не знаю. Порой мы не способны объяснить поведение даже самых близких людей. Да и послеродовая депрессия может быть очень коварной, – Илия не стал озвучивать, что родительство в принципе иногда делает людей более несчастными, чем они сами или окружающие могли предположить.

– Она сменила белье в кроватке ребенка. Это вроде как опровергает наличие зловещих планов, не?

Илия помотал головой.

– Люди нередко совершают самые чудовищные действия спонтанно.

– Ты сам-то что обо всем этом думаешь?

– А что я должен думать, Деметриус? Какое отношение мое мнение имеет к тому, что фактически происходит?

– Знаешь, что фактически происходит? – возмутился Деметриус. – Правитель Ровенны сидит перед тобой в трусах и ждет твоего долбаного ответа. А ты все виляешь – «порой, может быть, нередко». Давай уже, высказывайся. Включи ин-

туицию.

«Интуиция» – снова это слово, бледное и ненадежное, как написанное туманом на воде. Когда дело Малиссы впервые попало на стол к Илию, его интуиция даже не пискнула. Но сейчас, под энергичным нажимом Деметриуса, он осознал, что ее вина действительно вызывает у него большие сомнения.

– У меня есть ощущение, что она была не в себе, – признался он. – Но, если она уже подверглась воздействию, то ее дело не является источником. Следовательно, наш подход к расследованию в корне неверен. Однако единственное, что способно доказать мою точку зрения – это обнаружение настоящего источника, самого первого случая в цепочке. Чего нам пока не удалось.

– Если это преступление не попало в поле зрения полиции, то вы можете и вовсе о нем не знать.

– Да, – признал Илия. – Тогда дело едва ли решаемо. В доме Малиссы мы сделали все что могли. Очистили место с помощью брикетов «Спирита 3013». Однако это не помогло. Аналогичные случаи вскоре последовали. 11 июля девочка-подросток прикончила младшего брата, за которым была вынуждена присматривать, пока мать на работе. Перед прыжком из окна переломала себе пальцы на правой руке дверью. 17 июля супруг избавил жену-диабетичку от страданий, а затем позаботился о себе при помощи той же веревки. Травма руки садовым секатором. 26 июля медсестра

на ночном дежурстве ввела пузырек воздуха пациенту и потом себе. В перерыве между уколами травма правой руки доступным медицинским инструментарием. 5 августа старичок придушил проволокой своего пса, страдающего прогрессирующей глухотой. Разбил кулаком оконное стекло, воткнул несколько осколков себе в ладонь и затем в шею. Ну а результатами последнего случая мы любовались сегодня... вчера утром.

Рассказывая все это, Илия, даже спустя столько лет работы, не переставал поражаться, как спирит, материал для божьего творчества в чистом виде, волею случая так безжалостно выкручивает и изничтожает жизни людей.

– А вдруг спирит и вовсе ни при чем? Все это выглядит как череда не связанных друг с другом событий.

– Нет, не выглядит. Образ влияет на поведение людей опосредованно, через психику. Содержание психики у всех разное. Поэтому результат тоже получается разным. Но всегда можно выявить некие общие, ключевые характеристики. То, что мы называем «паттерн». А здесь паттерн прослеживается четко: отношения «заботящийся – требующий заботы»; преступление происходит без свидетелей, его совершают люди, от которых окружающие не ожидали подобного; каждый эпизод предваряется или сопровождается дождем...

Илия захлопал шкафами, пытаясь найти сигареты. К счастью, наполовину полную пачку удалось отыскать среди чайных коробок.

– Травма руки повторяется во всех случаях, значит она обязана быть и в самом первом, в источнике. И как раз в этом проблема. Родители убивают детей. Люди убивают животных. Сильный убивает зависимого или просто слабого – в конце концов, это проще осуществить, чем если наоборот. Подобных происшествий множество. Но мы не можем найти дело, которое бы соответствовало паттерну полностью – определенная психологическая окраска, дождь, травма руки.

– Зачем они калечат себе руки?

– Наш психолог предположил, что это выражение чувства вины. Они наказывают свою конечность, совершившую преступление. Но этого оказывается мало, и они кончают с собой. В деле есть еще одна сложность: хотя все случаи произошли в Торикине и его окрестностях, мы до сих пор не понимаем, как образ перемещается с места на место.

– Жалко, Дьобулуса нет,³ – вздохнул Деметриус. – Могли бы спросить, что он об этом думает.

– Жаль, – горько согласился Илия.

– Не хватает старикана...

Илия кивнул, жадно прикуривая.

Дьобулус пропал в мае, вскоре после рождения у его дочери близнецов. Просто исчез, оставив квартиру без единой пылинки и тело старой собаки, закопанное под кустом во дворе. Предыдущий глава отдела, Медведь, отказывался обращаться к такому сомнительному человеку, предпочитая не

---

³ Подробнее о Дьобулусе – «Синие цветы», «Связи».

пачкаться. Илия же, помыкавшись в начальниках, пришел к выводу, что бывают ситуации, когда неважно, от кого пришла помощь, лишь бы был кто-то, способный ее предложить. Как с Дождевой серией, например. Что его репутация или гордость в сравнении с потоком этих бессмысленных смертей?

Илия тяжело оперся на стол, уставившись в пространство обреченным взглядом.

– Я назначил на это расследование самых толковых людей в отделе. Они – профессионалы, у них несоизмеримо больше знаний и опыта, чем у меня. И они все еще без понятия, как и почему эпизоды продолжаются. Если даже они в тупике, как я должен с этим разобраться? Не понимаю, чего Эфил ждет от меня.

Деметриус открыл холодильник и с любопытством заглянул в него, как будто ожидал, что за ночь там самозародилось что-то новое. Достал коробку молока, понюхал и с брезгливой гримасой поставил обратно.

– Эфил бы сказал, что ты и не должен быть специалистом во всех областях. На это никакой башки не хватит. Он говорит, что основная задача руководителя – это наблюдать с высоты, смотреть на общую картину, потому что люди, которые работают каждый над своим кусочком, видят ее фрагментарно. Они не могут сказать, во что в итоге эта мозаика складывается – в рыбу там, или в лошадь. Вот чего он от тебя ждет. Сфокусируйся.

– В теории все это звучит охренительно легко, – фыркнул Илия, депрессивно выдыхая дым вниз. – «Сфокусируйся». Но моя задача, Деметриус, немного сложнее, чем просто отличить рыбу от лошади, – он запустил руки в волосы. – Сколько времени? Наверное, мне пора собираться.

После выпитого пива и двух кружек крепкого кофе, бесчисленных сигарет и бессонной ночи у него припухли веки и саднило горло. И ему предстояло идти на работу. Илии было невероятно жалко себя. Деметриус сладко потянулся:

– Ох, время сладко вздремнуть.

Илии отчетливо представилось, как он берет коробку с протухшим молоком и выливает его Деметриусу на голову. К сожалению, даже этот акт чистой радости не спасет от надвигающегося на него отвратного дня.

19 АВГ, ПН

Илия почистил зубы и натянул джинсы. Выкурил три сигареты на завтрак. Не сумев отыскать чистую футболку, погладил уже ношенную несколько дней назад, пытаясь придать ей менее сомнительный вид. Темно-серая, раньше она выгодно демонстрировала его подтянутый торс, а теперь предательски обтягивала брюшко. Испытывая острое ощущение потери контроля над жизнью во всех ее проявлениях, он вышел из дома.

Палящее солнце испускало духовочный жар, джинсы моментально прилипли к взопревшим ногам. В юности, живя в той же арендованной квартире, Илия всегда добирался до работы пешком. Теперь же получасовой путь казался ему слишком изматывающим, так что он ездил на автобусе. А ведь год назад он успевал пробежать десять километров еще до завтрака, просто чтобы размяться...

Когда автобус притормозил на остановке, мимо проехала поливальная машина, оставляя за собой мокрый след. Шум воды навел Илию на мысли о дожде. Он прикрыл глаза и вдруг представил себя другим человеком. Женщиной...

Тонкие пальцы с покрытыми розовым лаком ногтями (фото безымянного пальца с длинным овальным розовым ногтем и глубоким надрезом, почти отсекающим фалангу) вставляют в ткань иглу, подхватывают ее за острие с дру-

гой стороны и тянут, пропуская сквозь ткань длинную светлого-голубую нитку. Шум дождя такой умиротворяющий. Все в порядке, просто разошлось по шву. Затянуть узел. Обрезать нить. Сказать себе: «Дело сделано». Признать: «Ничего не исправить». Если прислушаться, в звуке падающей воды можно различить шепот. Начав слышать его, Малисса уже не может остановиться. Ее ли это мысли, или же кто-то наговаривает ей ужасные, злые слова?

Одной было лучше.

Конечно, с детьми жизнь меняется, и не получится однозначно утверждать, что к лучшему. Замужество и само по себе приносит массу новых обязанностей.

Сжирают меня, как паразиты. А дети так все паразиты, по определению.

Потом будет легче.

Нигде не спрятаться; плач и нытье застревают в мозге, как осколки стекла.

Ночь действительно выдалась так себе – похоже, зуб режется. Пусть поспит подольше.

Короткая передышка, и все начнется сначала. Эта вечная забота. Заботься о них, пока не свалишься замертво. Как будто в тебя воткнули трубки и по ним медленно откачивают кровь.

Вода шумит, словно речка несется с горы. Малиссу подхватывает поток. Ей кажется, что она спит и ей снится сон. Сон, где твое тело совершает движения помимо твоей во-

ли... Вот она уже встала... вот вышла из комнаты – рука по-прежнему сжимает ножницы... вот...

Кто-то потрогал его за плечо, и Илия дернулся всем телом.

– Вы уснули. Не проедете свою остановку? – женщина, занимающая место слева, с тревогой вглядывалась в его лицо.

– Спасибо, – невнятно буркнул Илия, поднимаясь.

По шее стекал пот. Илия чувствовал, как стучит его сердце, барахтается, словно обернуто горячим мокрым полотенцем. Он направился к выходу, цепляясь за поручни и болтаясь, как тряпка. «Это ужасно», – подумалось ему. Вот так оно ощущается? Как будто твое сознание вдруг затопили чужие мысли? Или ты начинаешь принимать их за свои?

Может быть, и с ним самим что-то не так? Может его чувства и не его вовсе? Иногда он скучал по тем временам, когда смотрел на Лизу, ощущая тепло в груди и желание прикоснуться. А потом все вытеснили враждебность и стремление сделать ей больно. Не сильно. Так, чуть-чуть. Просто чтобы его отпустило. Илия попытался припомнить, что еще она могла ему сделать, кроме того потрясающе остроумного розыгрыша с изменой. Вспоминались разве что пара мелочей, ничего серьезного. Ему вдруг захотелось впрыгнуть туда, в свою прежнюю комфортную жизнь, когда вещи воспринимались проще, когда он еще ценил то, что у него было, когда его еще не заполняла эта унылая озлобленность.

На работе он успел просмотреть пару отчетов, но Лизы все

не было. В 8:30 он потянулся к телефону, предвкушая возможность выплеснуть на нее свое недовольство, и тут услышал хлопок двери в приемной. Илия пригладил волосы, придал лицу строгое выражение и выпрямился в кресле. В кабинет постучались. Странно. С чего вдруг Лиза решила добавить официоза?

– Войди, – пригласил Илия, постаравшись вложить в короткое слово максимум осуждения.

Дверь распахнулась, и Илия моргнул.

На ней были обтягивающая черная юбка до колен и белая декольтированная плотно прилегающая блузка без рукавов. Больше секретарша из определенных фильмов, чем настоящая секретарша.

– Майя? – растерянно выдал Илия.

– Гайя, – она улыбнулась ему одними губами. Губы были выкрашены именно в тот оттенок красного, какого были его шторы, вызывающие приступы бешенства. – Но я рада, что вы запомнили мое имя – большую его часть. Лиза позвонила в отдел кадров и предупредила, что заболела. Меня прислали на замену.

В груди Илии как будто сдулся воздушный шарик.

– Почему она сама мне не сообщила?

– Вот она и сообщает. Через меня, – приподнятые уголки рта Гайи придавали ей лукавый вид, как будто она затеяла проделку.

– Понятно, – Илия усилием воли расправил на лбу склад-

ку недовольства. Заболела, как же. Еще вчера выглядела абсолютно здоровой. Нет, Лиза не пришла нарочно, чтобы добавить ему стресса своим отсутствием.

– Пока что займите место в приемной, – предложил Илия самое очевидное. Он понятия не имел, чем может занять Гайю, не знал ее уровень доступа к защищенной информации и, следовательно, не знал, что он вообще вправе ей поручить. Может, просто отослать ее вон? Нет, он нуждается в заслонке между собой и всеми остальными.

– Кофе? – нашлась Гайя.

– Хорошо, – обрадовался Илия. – Черный. С четырьмя ложками сахара.

Его мозг нуждался в подпитке. Хотя бы чтобы придумать Гайе еще пару обязанностей.

Она подала ему кофе вместе с толстым куском мясного пирога.

– Не возражаете? Я сама пекла.

– Спасибо, – вдохнув запах, Илия ощутил спазмы в желудке и осознал, что очень голоден.

Гайя наклонила голову и послала ему тот самый «я уже в твоих внутренностях» взгляд.

– Я думаю, мы приятно сработаемся.

Приятно? Некоторые люди отлично срабатываются. Некоторые не срабатываются вовсе. Но *приятно?*..

Илия нервно кивнул. Когда за Гайей закрылась дверь, он немедленно набрал номер Лизы. Лиза не отвечала. Все-та-

ки сдавшись десять минут спустя, Илия положил телефонную трубку и, прежде чем вернуться к отчетам, послал датчику дыма на потолке обреченный взгляд. Кусок пирога упал в ненасытный после долгой голодухи желудок как в бездну, оставив после себя только хорошие воспоминания.

Через полчаса Илия решил попытать удачу.

– Гайя, принесите еще кофе, пожалуйста.

К счастью, Гайя поняла его невысказанный намек на дополнительное угощение. Когда она склонилась к его столу, ставя поднос с чашкой и еще одним куском вожделенного пирога, Илия поднял взгляд и уткнулся им как раз в татуировку-бабочку, обнаружившую себя в ложбинке между грудями. Его взгляд прилип к татуировке, как пылинка к капле меда. Гайя, заметив, изогнула в улыбке свои и без того улыбающиеся губы.

– Татуировка, – растерянно промямлил Илия.

– Да. Вам нравятся татуировки?

– Ммм... Их возможно удалить бесследно?

– Скорее всего, останется небольшой шрамик.

– То есть кожу вы в любом случае испортили? – только по ее сократившимся в короткую дугу губам Илия догадался, что сморозил что-то не то, и поспешил исправиться: – Не то чтобы я так решительно против татуировок. Во многих случаях они очень упрощают опознание. А уж когда тело сильно разложилось или же у нас в наличии лишь фрагменты, только татуировки и спасают.

– Что? – Гайя моргнула.

– Извините, – поморщился Илия. Надо бы подавить позыв исправить ситуацию, пока не напорточил еще больше. – Вы можете принести мне пустую чашку?

– Просто пустую чашку?

– Да.

Если Гайя и заподозрила, что у него с головой не все в порядке, то не подала виду. Получив свою чашку, Илия запер дверь кабинета, встал на стол и начал сосредоточенно заматывать дымовой датчик липкой лентой. Чтобы расправиться с еще двумя, пришлось перемещать стол с места на место. К сожалению, не совсем бесшумно. Гайя не могла не услышать. Ладно, ему еще недолго здесь работать.

Наконец-то он мог курить за столом. Илия зажег сигарету и вернулся мыслями к Малиссе. Так была ли она истинной виновницей цепочки несчастных событий? Маленькие дети являются мощным раздражающим фактором. Сама тональность их плача нестерпима, как скрежет гвоздя по стеклу. Сделаешь все, чтобы прекратить эти звуки. Может быть, действительно *все*.

С его младшим было проще, но с Сетом Илия порой ощущал такую усталость, что впору лечь и умереть. До этого он разве что в кошмарах видел, что обзаведется первым ребенком в двадцать три года. В самом начале отношений они обсудили с Лизой методы контрацепции и выбрали таблетки из-за их высокой надежности – и отсутствия лишних барье-

ров, чего уж там. Когда несколько месяцев спустя Лиза объявила, что беременна, он не знал, как реагировать. Поэтому сделал вид, что рад. На следующий день он записался на прием к гинекологу. В инструкции к препарату писали, что вероятность беременности не превышает 0.2%, и он хотел узнать, как так получилось, что они моментально загремели в этот самый процент.

Врач была слегка ошарашена и отметила, что его появление «странно, но не противозаконно». Она объяснила, что, хотя эффективность гормональных препаратов действительно весьма высока, беременность все же вероятна при несоблюдении 24-часового интервала между приемом пилюль. Постепенно идея отцовства угнездилась в голове Илии. Но иногда, особенно в период с двух ночи до пяти утра, когда эмоциональный уровень опускался до минимальной отметки, а Сет все еще упорно сопротивлялся сну, у него мелькала мысль: «Ты должна была пить таблетки вовремя, Лиза».

Сейчас, девятнадцать лет спустя, он все еще отчетливо помнил то ощущение, когда в руках младенец, на лице улыбка, в голосе нежность, а в душе раздражение и усталость, потому что ты хочешь быть наедине с собой, заниматься своими делами, думать только о себе. Скорая новость о следующем ребенке уже не стала неожиданной. К тому же на тот момент Илия успел привязаться к Сету и смириться с тем фактом, что беззаботная молодость как таковая закончена, поэтому отреагировал с меньшим надломом. Но все же... ес-

ли бы он стал отцом лет на десять попозже... взяв от жизни больше удовольствий, чем ему в итоге досталось... Возможно, его брак с Лизой тоже был слишком поспешным.

Тем не менее, хотел он их или нет, его дети живы. Он терпел их капризы, кормил их кашей, катал их на каруселях, вытирал им попы и водил их к врачу. И даже в самые тяжелые дни ему не приходило в голову просто взять и почитать их ножницами.

Раскрыв папку с материалами следствия, Илия извлек прижизненную фотографию Малиссы и уставился на нее вопрошающим взглядом, как будто всерьез рассчитывал на ответ. Округлое лицо с гармоничными чертами. Большие выразительные глаза уравновешены четкими дугами бровей. Опыт – жизненный и в особенности профессиональный – научил Илию не доверять внешней невинности, но все же, отыскивая признаки зла в чем-то красивом лице, он испытывал двойственное чувство. Как будто в действительности не желаешь знать правду.

Он извлек из папки прозрачный пакет с маленькими диктофонными кассетами, захватил чашку для пепла и переместился в глубь кабинета, где стояли проигрыватель и старое глубокое кресло, сохранившееся еще со времен Медведя, предыдущего главы Первого отдела, ныне покойного. Пока он слушал показания свидетелей, дно чашки скрылось под толстым слоем пепла.

/– Какой она была матерью?/

/— Однажды мелкий с качелей упал, так у нее весь вечер губы тряслись./

Илия ввинчивал свой слух в интонации свидетелей, пытаясь уловить ноты неискренности. Намек, что им были известны некие неприятные факты, которые они постеснялись раскрыть допрашивающему. Но ничего. К последней кассете он был уже полностью убежден, что преступление Малисы не являлось источником. Он набрал номер Лизы. То есть Гайи.

— Передайте Айлусу, чтобы он подошел ко мне, как появится возможность.

— Хорошо.

Не прошло и минуты, как в дверь постучались.

— Айлус? — удивленно просипел Илия, отмахиваясь от сигаретного марева.

— Принесли отчет! — раздался голос Гайи.

— Входите.

Она подергала за ручку.

— Заперто.

— А, извините, — смутился Илия.

Он отпер дверь и отступил, пряча взгляд. Поток сизого дыма устремился в приемную.

— Вот, — Гайя протянула несколько листков, сцепленных скрепкой.

Подойдя к столу, Илия оперся на столешницу и быстро просмотрел текст.

– Позовите метеоролога.

– У нас есть метеоролог? – оторопела Гайя.

– Да. То есть нет. То есть ее просто так называют потому, что... а, неважно. Короче, позовите женщину, которая принесла отчет, Дакатайю. Ее добавочный номер в списке, список под стеклом у Лизы на столе.

Дакатайя удостоила его визитом полчаса спустя. К тому времени Илия трижды перечитал ее отчет. На ней были топ цвета хаки, линялые джинсовые шорты и шлепанцы. Илия хотел было сделать замечание по поводу ее внешнего вида, но сам был одет в несвежую футболку не по размеру, поэтому промолчал. В любом случае ей следовало бы помнить, что в ее возрасте и тем более на работе рекомендуется носить лифчик.

– Жарко, – невозмутимо прокомментировала Дакатайя его красноречивый взгляд и сдула со влажного лба кудрявый локон.

– У меня возникло несколько вопросов касательно вашего отчета.

– Информация в моем отчете изложена в доступной форме, – задрав голову, Дакатайя изучала датчик дыма, заклеенный липкой лентой. Илия порадовался, что спрятал чашку-пепельницу в ящик.

– Тем не менее я хочу услышать ответы непосредственно от вас.

– Пфф, – Дакатайя села на стул для посетителей и отки-

нулась на спинку. При этом ее соски приподнялись и воинственно уставились на Илию.

Разговор будет нелегкий, догадался он. Он знал Дакатаю несколько лет и, хотя не испытывал к ней симпатии, поддерживал с ней ровные профессиональные отношения. Но за последние тяжелые месяцы он понял одну вещь: некоторые люди как акулы. Они атакуют, если чувствуют, что кто-то сочтется кровью.

– Вы пишете, что, с учетом действовавших погодных условий и значительной удаленности друг от друга мест, где произошли пятый и шестой эпизоды, перемещение образа между ними маловероятно. Что это значит?

– «Маловероятно»? – ухмыльнулась Дакатая. – Сомнительно; едва ли; скорее всего, нет. Извините, не помню словарное определение.

«Не реагируй», – напомнил себе Илия. Он не мог перестать чувствовать раздражение по поводу ее одежды – и своей заодно. Даже после того, как его повысили, он продолжил ходить в своих вечных футболках, джинсах и кедах. В плохую погоду футболки менялись на свитера или же поверх набрасывалась клетчатая рубашка. Илия не считал нужным поддерживать свой авторитет с помощью одежды. Но сейчас ему хотелось быть облаченным в солидный темный костюм. Чтобы хоть что-то придавало ему респектабельность, пусть даже к вечеру он обнаружит, что от жары ткань намертво приплавилась к коже.

– Маловероятность события не исключает его возможность. Вот я вас и спрашиваю: мог ли структурированный спирт, несущий в себе образ, переместиться и спровоцировать еще одно преступление? – спросил Илия чуть тверже. Если она вознамерилась потрепать ему нервы, втягивая его в абстрактные рассуждения, он ей этого не позволит.

– Я предоставила отчет с анализом внешних факторов. Мог или нет, это вам предстоит решать.

– Я требую решения от вас как от специалиста, чья прямая обязанность делать подобные заключения.

Дакатайя пожала плечами.

– Что мы вообще знаем о спирите? – спросила она. – Некоторые вещества в той или иной степени блокируют его продвижение, а некоторые способны накапливать его в себе. Он вступает во взаимодействие с частицами воды в воздухе и на открытом пространстве способен смещаться вместе с ними, соответственно, скорость его передвижения зависит от уровня влажности и силы ветра, а также примесей в воздухе, способных убыстрить или замедлить процесс. Кроме того, спирт склонен собираться в сгустки – облака, причем большие облака притягивают более мелкие, изменяя их траекторию. Все эти сведения мы получили опытным путем. В науке нет способа обнаружить спирт или измерить его количество, как, например, уровень радиации. Если это станет возможным, я смогу предоставлять вам точные данные. Но сейчас все, что в моих силах, – это оценить вероятность. Ко-

торая может быть низкой, средней или высокой.

– Если спирт структурировался в помещении, каковы шансы, что несомый облаком образ сместится куда-то еще?

– Скорее всего, он останется в том же помещении. Материалы, используемые при строительстве домов, препятствуют движению спирита.

Илия достал из верхнего ящика стола карту Торикина с окрестностями и развернул ее перед Дакатайей.

– У нас шесть мест преступления, начиная с Приречной улицы, где Малисса убила своего ребенка. Затем подобное повторилось здесь, здесь, здесь, здесь и здесь, – указал он, отмечая крестиками. – Чтобы такое могло произойти, несущее образ облако должно было двигаться вот по этой загогулине, – Илия по порядку соединил крестики линией. – Так вот я вас спрашиваю... как профессионала... без мутных отчетов, графиков и вероятностных расчетов, которыми вы пуляете в меня второй месяц... просто ответьте мне на прямой вопрос: ваши знания и ваш опыт допускают, что образ может перемещаться таким образом?

Впервые за время разговора Дакатайя направила на него свои бледно-зеленые, полуприкрытые сухими веками глаза.

– Я считаю, – отчеканила она, – что образ скачет у вас по карте как грошовый резиновый мячик, и никакими естественными причинами объяснить это невозможно, – она ткнула пальцем в карту. – Смотрите. После Малиссы образ сместился в Юго-западном направлении, когда, при учете

направления ветра и нескольких других факторов, должен был двинуться на Северо-запад. Мы можем проследить слабую, натянутую как резинка на трусах жирдяя, логику движения образа от эпизода № 2 к эпизоду № 3 и затем от эпизода № 4 к эпизоду № 5 – честно, я думаю это просто случайность. Между же третьим и четвертым, пятым и шестыми эпизодами перемещение спирита крайне сомнительно.

– То есть ваш ответ «нет»?

– Нет, – выплюнула Дакатайя.

– Спасибо. Это то, что мне было нужно услышать. У меня еще один вопрос. Метеорологическая информация... она ведь где-то хранится, верно?

– Разумеется.

– Я предполагаю, что дело Малиссы не является стартовым эпизодом, следовательно, нам надо искать источник где-то еще. Мы уже пытались найти его, используя травму руки в качестве главного критерия отбора, но это никуда нас не привело. Теперь меня интересуют преступления, произошедшие во время дождя или же вскоре после, совершенные в Торикине или поблизости от него в течение последних пятнадцати лет. Думаю, брать более широкий временной интервал нет смысла, потому что образ проявил бы себя раньше.

– Я могу сделать запрос в институт хранения метеорологической информации и сопоставить их данные со сведениями из полиции. Преступления какого рода вас интересуют?

– Мы уже разобрали убийства с последующим самоубий-

ством, безрезультатно. Тогда давайте смотреть все.

Дакатайя с раздражением протолкнула воздух меж вытянутых в трубочку губ.

– Все убийства? Вы серьезно? В этой стране осенью дождь идет почти каждый день, весна и лето часто бывают дождливыми. Это *не* выборка. Вы понимаете, какой объем информации на вас обрушится? К тому же не каждый дождь учитывается в метеорологическом центре, так что дело, которые вы ищете, может вообще не попасть к вам в руки.

Илия запустил пальцы в волосы.

– Мы должны что-то делать. Должны взять ситуацию под контроль, пусть даже будем вынуждены применить самые трудозатратные методы.

– Есть действия, а есть имитация действий. А знаете, в чем разница?

– У? – Илия послал Дакатайе угрюмый взгляд исподлобья.

– В наличии результата, – торжествующе огласила Дакатайя.

Илия воздержался от скрипа зубами, но мысленно разразился парой нехороших слов.

– Хорошо. Давайте сузим период. Скажем, пять лет.

– Это все еще звучит как попытка поймать голубя, сидя на дереве с поднятой рукой. Окольцованного. С конкретным номером.

– Я знаю. Как только вы подскажете мне лучший способ, я незамедлительно им воспользуюсь, – процедил Илия и сде-

лал отмашку, показывая, что разговор завершен.

Дакатайя уже встала чтобы уйти, но вдруг обернулась.

– Вы добавите на карту еще крестик или два, но все равно не сможете объяснить, как произошло перемещение образа.

На секунду Илия встретился с ее взглядом и различил в нем ледяное любопытство. Ей было действительно интересно, как он выберется из этой ямы. Илия вдруг увидел себя ее глазами: прокуренный насквозь мужчина с кругами вокруг глаз, взлохмаченными волосами, давно нуждающимися в стрижке, и осунувшимся, виноватым видом, как будто он что-то украл и знает, что кара грядет. Илия уловил, что Дакатайя презирает его, и отреагировал агрессией:

– А не вы ли должны мне объяснить, как это происходит? Будучи экспертом в сфере перемещения спирита? Так объясните – почему в этой серии все происходит не так, как обычно?

– Вы не можете упрекнуть меня в некачественной работе, – отбила мяч Дакатайя. – Даже если я прихожу не к тем выводам, которые вас устраивают... – она еще раз посмотрела прямо на него, – ...я делаю что могу.

«Я тоже!» – мысленно проорал Илия. Ему захотелось ударить по столу в праведном гневе. Но в глубине души он знал, что лжет.

– Можете идти, – холодно отпустил он Дакатайю. – Выполняйте поручение. Жду информации от вас уже сегодня. Послав ей в затылок злобный взгляд, он скрестил дрожа-

щие руки и обмяк в кресле. «Ненавижу эту женщину с ее кудряшками, сосками и высокомерием. И ведь не она одна...» – подумал он. В приступе острой паранойи он представил, как все здание СЛ гудит, точно осиное гнездо, обсуждая его:

«Он никуда не годится».

«Он не справится».

«Он только ерундой занимается для видимости».

Если бы они оказались на его месте, они бы поняли, как все сложно. Они бы поняли, что он... Илия оттянул ворот футболки, чувствуя, что ему становится сложно дышать.

В дверь постучали. Он вздрогнул, резко втянул в себя воздух и выпрямился.

– Да?

– Время обеда.

Гайя.

– Уже? – он посмотрел на часы. И речи не шло о том, чтобы спуститься в кафетерий и сесть за столик, ощущая, как взгляды всех присутствующих вонзаются в него, будто стрелы. Там он и куска не сможет проглотить.

– Я иду вниз. Хотите, прихвачу вам что-нибудь?

Он вдруг по-новому, с большим вниманием, посмотрел на Гайю. Стоя перед ним, она излучала искреннее участие. Она знает, как он себя чувствует, осознал Илия. И пытается облегчить его существование. И эти ее вечно улыбающиеся губы... он не мог отвести от них взгляд.

– Что-нибудь на ваше усмотрение. Спасибо, – произнес он со смесью стыда и признательности. – Гайя, почему вы поступили на службу в «Серебряную Лисицу»?

– Мой отец служил в полиции... он погиб пять лет назад. Я всегда им восхищалась и немного завидовала. Хотя видела, как ему нелегко, – печально улыбнувшись, Гайя просверлила его напоследок взглядом и удалилась, покачивая бедрами.

Он пообедал в своем кабинете в одиночестве, под предлогом занятости отказавшись от предложения Гайи составить ему компанию. В четверть второго на его мобильный позвонила мать. Плотнo скрестив руки на груди, Илия ждал, пока звонок не оборвался. Он понимал, что ему придется перезвонить. Но сегодня у него не было ресурсов для этого разговора. Может быть, завтра.

В два часа подошел Айла. Прежде Илия созывал собрание, следуя установленной Медведем традиции. Однако сейчас ему не хватало смелости, чтобы в очередной раз пройти через акт публичного самоунижения, когда ты переливаешь из пустого в порожнее, а все смотрят на тебя и понимают, что у тебя нет ни малейшей идеи, что делать. Нет уж. Куда как лучше индивидуальная беседа с основным ответственным.

Облаченный в по-летнему яркие шорты, Айла демонстрировал, что, как и чересчур короткие, чрезмерно длинные ноги – это тоже диспропорционально и некрасиво. Привычно отыскивая удобное положение в слишком тесном для него

мире, он сел на стул для посетителей боком, вытянув конечности вдоль стола.

– Я не думаю, что дело Малиссы было первым, – сразу заявил Илия.

– Да, – Айла чуть качнул головой. – Я высказывал те же сомнения. В самом начале.

– Тогда где источник?

– Я перебрал все критерии поиска. Бесполезно.

– Мы что-то упускаем, Айла. Давай обсудим детали еще раз.

Полтора часа они нудно разбирали детали. Спрашивая в сотый раз, было ли сделано то или это, и снова получая утвердительный ответ, Илия проникался ощущением тщетности.

– Продолжайте проверять круг общения жертв, – без надобности напомнил он. Это была давно установившаяся странная практика в расследовании Дождевой серии – проверять участников каждого эпизода на взаимосвязь с пострадавшими в предыдущих, как будто безумие могло передаваться от человека к человеку, словно насморк. Разумеется, никаких связей так и не выявили.

– Мы проверяем, – поднявшись на ноги, Айла замер в ожидании заключительной реплики.

Илия понимал, что должен сказать что-то невероятно умное, редкостно проницательное, способное резко развернуть запутавшее расследование и направить его к финишной

прямой. Но после затянувшейся паузы выдал только:

– Проверяйте.

Вскоре после завершения беседы с Айлой от Дакатайи начали прибывать первые распечатки с пометками шариковой ручкой вроде: «12:15 – 14:05 джд млк» (мелкий дождь), или «18:10 – 18:27 лвн» (ливень), или «23:50-00:45 кс-хлст» (что?). Илия начал читать и быстро понял, что поймать окольцованного голубя кажется более простой задачей.

В шесть он отпустил Гайю домой. Ближе к семи, когда голова распухла от боли, пальцы пожелтели от никотина, а поверх каждого текста повисло слово «тщетность» (*тицтнст*), объявился Деметриус.

– А где Лиза? – Деметриусу нравилась Лиза – даже при том, что она начала относиться к нему заметно прохладнее с тех пор, как он начал пить с ее мужем. Илия предполагал, что Лиза единственная женщина, чье имя Деметриус сумел запомнить и которую он узнает в лицо.

– Она простудилась.

– Вот бедняга. А я проснулся в два.

– Я так рад, что ты выспался за нас обоих, Деметриус.

– Потягал железки и поехал обсудить новую татуху со своим мастером...

– Хоть кто-то в этой стране занимается чем-то достойным.

– К этим рукавам со змеями я хочу добавить череп на груди. Змеи к нему ползут, обвивают, одна вылезает прямо из глазницы, представляешь?

– Твое тонкое эстетическое чувство заставляет меня пищать от восторга.

– Ты издеваешься?

– Как можно, Деметриус. Над таким человеком, как ты?

– Ты какой-то смурной...

Деметриус не первый раз надевал эту футболку, но Илия впервые обратил внимание, что на ней изображено, и сейчас так и застыл, пристально рассматривая рисунок. Хищная жаба, пожирающая мышь. Спазмированные лапки беспомощно торчат из жабьей пасти, голова исчезла в утробе. Вот так и он себя чувствовал – на работе, с коллегами, в жизни. Оторванный от земли, перевернутый вверх тормашками, стиснутый чем-то, что намного его сильнее. Илии вдруг стало невыразимо жалко себя.

– Я не спал тридцать шесть часов. На мне двенадцать человеческих трупов и один собачий, а я все еще не понимаю, что случилось и на каком количестве смертей счет остановится. Меня увольняют с работы, все в СЛ смотрят на меня, как будто я мальчик, наложивший в штаны во время урока, и Джулиус хлопает меня по плечу. Чего ты ждешь от меня?

– Ладно, не ори. Я же все бросил и приехал к тебе на помощь.

– Ага, даже «покеда» не сказал своему тату-мастеру.

– Seriously, я пытаюсь о тебе заботиться. Вот, решил приготовить ужин сегодня.

– Откупорить бутылку пива не значит приготовить ужин,

Деметриус.

– Тебе явно надо остыть, а здесь слишком жарко. Пошли к моей машине.

Когда они выехали с парковки, Илия сразу зажег сигарету.

– Я больше не рассматриваю дело Малиссы как источник. Айла согласен со мной. И у нас проблема с образом. Он либо перемещается в хаотичной манере – что невозможно в принципе. Либо его нет вовсе, дела не связаны друг с другом, спирит вообще ни при чем, а мы два месяца гробим свою нервную систему зря – и это невозможно принять.

– Ну или здесь что-то третье.

Илия перестал грызть ноготь и обратил мутный взгляд на Деметриуса.

– Что третье?

– Я не знаю, – пожал плечами Деметриус. – Но, если первые два объяснения дурацкие и невозможные, значит, должно быть еще одно. Истинное.

– Да не может быть третьего. Образ есть и оказывается там, где должен, а мы чего-то не понимаем. Или же люди сошли с ума по, так сказать, собственной инициативе и никакого довлеющего над ними образа не существует.

– Однако сейчас явно происходит что-то другое. Вам потому и кажется, что все странно и все не так. Ты помнишь Киношника?⁴ Того парня, который создавал мороки, гробившие людей?

---

⁴ Подробнее о Киношнике в историях «Синие цветы», «Связи».

– Если ты покопаешься в своих мозгах, Деметриус, то, возможно, сумеешь вспомнить, что я участвовал в расследовании его дела.

– Точно. После того, как Эфил меня тогда двинул по башке, многие из тех событий как в тумане.

– Ты намекаешь, что происходящее может быть чьим-то деянием? Но Киношник же был уникальный вариант. У него были сверхспособности. Мы не сталкивались с такими, как он, ни до, ни после. Однако даже он не мог создавать монстров, способных просуществовать длительное время. Его создания просто атаквали первого встречного, если успевали натолкнуться на кого-то прежде, чем развалятся. Да и в Дождевой серии все слишком... специфично. Такого не организовать методом случайного тыка. Воздействию подвергаются только люди, находящиеся в определенной жизненной ситуации – они вынуждены заботиться о ком-то беспомощном. Не забывай, что есть еще и триггер – дождь. Без него программа действий не запустится.

– То есть, при отсутствии дождя и убогих под опекой, образ может и вовсе не сработать? – уточнил Деметриус и поскреб подбородок, на котором к вечеру выступила щетина.

– Да. У людей, не попадающих под определение «заботящийся», не будет отклика.

– Интересненько... А ты не допускаешь, что тогда гораздо большее количество людей может подвергаться воздействию, не откликаясь на него? Вот прям в эту минуту? Про-

сто, поскольку все живы и относительно в своем уме, мы о том и не знаем?

У Илии вдруг возникло ощущение, что ему вспороли живот и запихнули внутрь пакет льда.

– Образ, находящийся в нескольких местах одновременно?

– Ну да. Это объясняет, как он то тут, то там. Просто он никуда и не перемещался, он располагался там сразу. А эпизоды происходили неодновременно потому, что у людей восприимчивость разная. Кого сегодня проперло, кого завтра накроет. А кого вообще никогда – и об этой проблемной точке вы никогда не узнаете.

– Как такое может быть? Источник же все равно один.

– Если ты сядешь на ксерокс и нажмешь кнопку пять раз, картинок с задницей у тебя будет пять. А жопа по-прежнему одна.

Илия вцепился в агонизирующую голову.

– Отличная теория. Отличный пример. И если бы хоть что-то прояснилось.

На самом деле Илия допускал возможность, что в рассуждениях Деметриуса присутствует крупница здравого смысла. Он попытался поразмыслить над этим, но от усталости уже слышал в своем мозге белый шум – такой, что издает телевизор, когда закончилась трансляция. Смирившись, Илия устроился поудобнее в черном, как смерть, но весьма комфортабельном салоне автомобиля Деметриуса и попытался

успокоиться.

– Сними эту футболку, – потребовал Илия, как только они оказались в квартире.

– Оденься, разденься. Признай уже – у тебя бзик на моем теле.

– Нет, я сблую, если увижу эту полупереваренную мышшь снова.

Когда Илия вышел из душа, Деметриус сидел на единственной табуретке и небрежно резал зелень. Илия замер, решив, что недосып заставляет его видеть странные вещи.

– Ты что, действительно занялся ужином?

– Ну да. У тебя такой вид, что я решил: еще один вечер на пиве ты не протянешь. Купил вот днем продукты.

– Вот уж не ожидал, что ты умеешь готовить...

– Эфил умеет готовить. Я только помогаю. Но это же не означает, что я вообще ни с чем без него не справлюсь, да?

Илия сел на пол возле батареи, потому что ноги едва его держали.

– Глядя на тебя, скорее поверишь, что ты способен забить кабана разделочной доской, нежели приготовить его.

– Внешность обманчива.

Полуголый, невозмутимо шинкующий лук на дощечке, Деметриус смотрелся как женская сексуальная фантазия. Но, учитывая его нулевую заинтересованность в женщинах, внешность обманывала и здесь.

– Рис жестковат, – прокомментировал Илия, попробо-

вав. – Мясо ничего.

– Заткнись и жри, – посоветовал Деметриус, запивая еду пивом.

– Никаких видеоигр сегодня. Я ложусь спать. И я не хочу всю ночь слушать, как ты щелкаешь кнопочками.

– Я заберу телевизор в кухню. Устроюсь и здесь.

– Все еще не собираешься к себе? Деметриус, это нелепо – спотыкаться друг о друга на моих двадцати шести метрах. Уверен, одна твоя спальня большего размера.

– Зануды в правительстве...

– Правитель Ровенны прячется от своих обязанностей в убогой обители подданного?

– Можешь считать это попыткой стать ближе к народу.

– Деметриус, я благодарен всем богам, что такой человек, как ты, не принимает все важные решения в Ровенне в одиночку, но умолчу об этом, потому что твой напарник как раз тот, кто собирается меня уволить.

Деметриус сощурился.

– Но ты же только что это сказал, нет?

Илия лег в кровать, но заснуть не мог. Ему было неудобно без одеяла и жарко под ним. Каждый шорох в квартире или с улицы отзывался в измученной голове воющей болью. И даже из кухни до него доносились щелчки, когда Деметриус нажимал на кнопки контроллера. Он встал.

– Ложись спать, Деметриус.

– С ума сошел? Половина десятого.

– Ты мне мешаешь, и я приказываю тебе. Это моя квартира, здесь я главный.

– Твоя квартира в моей стране.

– Деметриус, ты не можешь использовать аргумент «моя страна» все время.

– А что мне мешает?

Спустя полчаса Деметриус все еще громыхал в ванной. Илия лежал в постели и курил. Он вспоминал ушедший день, полный эмоционального напряжения, истерического курения, тревожащих взглядов и вопросов, оставшихся неотвеченными. В его душе был надлом, и он чувствовал, что поверхности там, где части отделились друг от друга, кровоточат. С ним что-то случилось. Он больше не мог это отрицать.

Деметриус вошел в комнату и лег на свой матрас, перед сном долго ворочаясь, как пес.

Всю жизнь Илия боролся с чувством ущербности. Ему хотелось вызывать симпатию, хотелось, чтобы его любили, уважали, признавали, что он занимается чем-то важным. Но добиваться этого изо дня в день требовало усилий, на которые у него не осталось сил, когда что-то в его психике обвалилось и поползло, как лавина. Теперь он терял даже то, что нарабатывал ранее. Эфил вдруг представился ему огромной фигурой. Он смотрел на Илию сверху, хмуря бревнообразные брови, и видел его насквозь, как если бы Илия был насекомым с прозрачным брюшком. Различал все его слабости, сомнения и лень. То «не так», что присутствовало в нем изначально.

– Деметриус, я не могу уснуть.

Деметриус перевернулся на спину.

– Я не знаю, что еще придумать. Разве что по голове тебя погладить.

– Мне нужно поговорить с Эфилом.

– Ничего хорошего он тебе не скажет.

– Я понимаю. Но я не позволю ему вышвырнуть меня без комментариев.

– Рад бы помочь, но не могу. Он не поставил меня в известность, в какую клинику направляется.

– Я хочу ему позвонить. Прямо сейчас.

– С этим тоже не помогу.

– Как у тебя может не быть даже номера его телефона?

– У меня есть. Проблема в том, что, прохлаждаясь в дурке, Эфил использует телефон только если сам надумает позвонить мне, а все остальное время держит его выключенным.

– При его должности он не может позволить себе остаться без связи.

– У него есть еще два телефона. Один для того, кого он обязал сообщать ему о чрезвычайных ситуациях, и я не в курсе, кто это. Второй для его бывшей.

– Ты хочешь сказать, что с работы ему могут позвонить, бывшая жена в любой момент может с ним связаться, а ты не можешь?

– Он считает меня одним из тех раздражающих факторов, от которых ему следует отдохнуть в первую очередь.

– Я прям без идеи, почему. Что, если попытаться добыть номер Эфила у его жены?

– Бывшей жены, – поправил Деметриус. – И ты серьезно считаешь, что мне она что-то скажет?

– Тогда я попробую ее спросить.

– Илия, это глупая затея. Ты только вызверишь Эфила, если попробуешь добраться до него. Он и без того говорит про тебя достаточно гадостей в последнее время.

– Что-то мне подсказывает, что я уже вызверил Эфила, так что какая разница. Ситуация не может стать хуже.

– Эта чокнутая баба ничего тебе не скажет. В любом случае ее телефонного номера у меня нет.

– Деметриус, я ни за что не поверю, что ты без понятия, как до нее добраться. Это важно для меня. Помоги мне.

– Ладно, – смягчился Деметриус. – Я не знаю ее адрес, но помню, как к ней доехать. За час доберемся.

– Отлично. Она работает?

– В дипломатическом консульстве.

– Выезжаем в 5:30 утра. Чтобы успеть застать ее дома.

– В 5:30? Ты с дуба упал? С чего ты вообще раскомандовался? Забыл, кто я?

– Человек, который вселился в мою квартиру без разрешения, – отрезал Илия.

Он включил на телефоне будильник, повернулся на другой бок и заснул.

20 АВГ, ВТ

В пять часов утра Илии удалось разбудить Деметриуса угрозой подать кофе в постель (непосредственно в постель, выплеснув из чашки на простыню). Слоняясь по квартире в процессе сборов, Деметриус причитал для вида, но в целом выглядел вполне энергичным. Илия тоже чувствовал себя получше, вероятно потому, что не пил перед сном накануне. Вчера он начисто забыл о необходимости постирать белье, так что сегодня ему пришлось нацепить зеленую клетчатую рубашку и льняные шорты, которые оставались мятыми, сколько их не гладь. Деметриус в честь жары влез в черные шорты, шлепанцы и черную же рубашку без рукавов, увешанную цепочками и ремешками.

– Ты уверен, что тебе хватит ремешков, Деметриус? Возможно, стоит навесить на себя что-то еще. Или мы можем прицепить к твоим цепочкам штопор, ключи и перочинный нож – пусть держат все под рукой, хоть какое-то обоснование для их существования.

– Вот уж не думал, что встречу кого-то зануднее Эфила.

В машине Деметриус включил кондиционер, и установившаяся в салоне благодатная прохлада заставила Илию приосмиреть. «Хорошо быть богатым и иметь шикарную машину, – подумал он. – Плохо быть мной».

– Надеюсь, я найду дорогу, – пробормотал Деметриус. –

Последний раз я был там полгода назад. Эфил пытался установить между нами – ну, в смысле между мной и этой стервой – концентус.

– Консенсус? И к чему вы пришли?

– К соглашению, что между нами не может быть консенсуса.

– Зная твой вздорный характер, я не удивлен...

– Мой характер? Ты не представляешь, что это за женщина. Она упоротая. Прожила с ним каких-то пять-шесть лет и уже уверена, что имеет кучу прав.

– У нее с Эфилом дети.

– А у нас с Эфилом страна, – отрезал Деметриус.

– Даже если так. У нее есть основания, чтобы выразить недовольство, ты не считаешь?

– Эфил говорит, что если человека хватает на переживания о том, в кого засовывает член благоверный, то это не иначе как от избытка свободного времени.

– Эфил так рассуждает потому, что он как раз тот, кто изменял.

– Поверь мне, он живет как проповедует.

– То есть против твоих измен он не возражает?

Деметриус хлопнул ладонью по рулю.

– Тебе не кажется, что слово «измена» звучит слишком пафосно? Как будто я страну предал? Если мне было скучно, и я с кем-то перепихнулся, это не значит ИЗМЕНА – флаги опущены, суды начаты, расстрельная команда наготове. Это

просто времяпровождение, такое же, как выпить пойти, например. Я же не возражаю, что Эфил грохает почти все свое свободное время на детей его бывшей.

– Его детей, – указал Илия. – Ты *не возражаешь*. Это поразительно благородно с твоей стороны, Деметриус.

– Я не верю в моногамию. Какой-то дурак придумал – если ты с человеком, так ни шага от него в сторону. И все, как бараны, послушались. Это неестественно, это странно. Не представляю, как быть всю жизнь с кем-то одним и при этом не сдохнуть со скуки.

– Но ты с Эфилом с подросткового возраста. Разве это, пусть и в вашей разгульной интерпретации, не есть моногамия?

– И все эти годы я не верю в моногамию, – привел мощный аргумент Деметриус.

Илия отвернулся к окну, пряча усмешку.

– А ты изменял жене? – спросил Деметриус.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я любил ее и мне не хотелось совершать поступки, которые бы ее расстроили.

– Жуть какая. Вы же женаты целую вечность. Ты все это время был хорошим мальчиком? Тогда на твоём месте я бы тоже впал в депрессию, друг.

Илия молча опустил окно и достал сигарету. Он курил и чувствовал, как гнев приподнимается, расправляется, встает

в полный рост. Он уже не мог понять, выдыхает он дым или пар, потому что внутри него все кипело.

– Ты прав, – признался он, когда зажег уже вторую сигарету. – Я был хорошим мальчиком. Старался на работе, занимался детьми и домом, слушался жену. Не позволял себе лишнего, даже если мне было скучно до смерти. Не изменял, хотя до Лизы у меня была только одна женщина и периодически мне хотелось количественно расширить свой опыт. А в итоге я позволил всему пройти мимо. Лучше бы я устраивал оргии и проводил ночи в наркотическом угаре. Возможно, я бы уже помер, но хотя бы прожил жизнь веселее.

– Сейчас тебе ничего не мешает устраивать оргии.

– Подожди, вот меня уволят. А то оргии и наркотический угар трудно совмещать с профессиональными обязанностями. Я пьянствовать-то еле успеваю.

– Я не шучу. Не уверен, что наркотики пойдут тебе на пользу, но с женщинами все намного проще.

– Чего? – неловко рассмеялся Илия. – О чем ты вообще?

– Ну а что? Найди девку. С Лизой ты разбежался. К тому же ты все равно ее обидел. Раз она уже считает, что ты дурак и безнадёжен, так хуже не будет.

– Я не думал об этом, – странно, но возможность измены действительно не приходила ему в голову. Зато он часто задумывался, как бы досадить Лизе другими способами. – Я даже не знаю, как кого-то найти. Девушки всегда вешались на меня сами.

– Я боюсь, дружище, сейчас тебе это не грозит, – сочувственно констатировал Деметриус. – Ну, давай же. Трахни кого-нибудь. Открой сток для этого дерьма в твоей голове.

– Дерьмо из головы вытекает через член. Жесть. Твоя физиологическая метафора, Деметриус, потрясла мое воображение.

– Я остановлю машину здесь. Если эта стерва увидит, что ты приехал со мной, то взбеленится, и ты уже точно ничего от нее не добьешься. Давай один. Прямо по этой дороге, там белый двухэтажный дом. Я буду тебя ждать.

Илия побрел по грунтовой дороге, не встречая ни души по пути. Ничем другим, кроме проявления крайнего эскапизма, объяснить чье-то желание переселиться в столь глухую местность он не мог. Дом стоял один-единственный, без соседей, окруженный рябиновыми деревьями и глухим забором. К счастью, ворота на подъездной дороге были раскрыты.

Илия поднялся на крыльцо, стукнул в литую стальную дверь, и та распахнулась так резко, что его кулак повис в воздухе. Первое, о чем он подумал, увидев жену Эфила: она потрясающе красивая. Не в том смысле, в каком этого обычно ждут от женщин: улыбающаяся пухлогубая очаровашка с волнистыми пушистыми локонами. Это была высокая худощавая женщина с длинными русыми волосами, прямыми, как палки. Нахмутив брови, она сжала губы и уставилась на него взглядом, способным отрезать мужчине яйца. Словно

лазерный скальпель. Чик.

– Чего тебе?

Она была босая на одну ногу, а другой стояла в туфле с острым каблуком и треугольным носом. На ней был серый официальный брючный костюм, выглядящий жестким и неудобным, как броня. Уже обутые, дети Эфила, мальчик и девочка, стояли у стены и молча ждали.

– Здравствуйте, Элин. Я...

– Я знаю, кто ты – она сунула ступню во вторую туфлю и потянулась за сумочкой.

Что ж, хотя бы не придется думать, как ей представиться. Интересно, что ей вообще о нем известно...

– Мне нужно поговорить с вами.

– Дети, идем, – Элин вышла на крыльцо, стрельнув по Илию колючим взглядом. Глаза у нее были светло-серые, как лед на осенних лужах. – Я везу детей в сад и не собираюсь опаздывать. Если ты намерен потрещать, садись с нами в машину.

– Только один вопрос, – возразил Илия. – Один. Это не займет у вас больше минуты.

Элин не слушала его. Дети забрались на заднее сиденье. Илия поспешил занять место рядом с Элин, догадываясь, что ждать его не станут. Действительно, Элин вдарила по педали газа раньше, чем он захлопнул дверь.

Даже за рулем она не позволила себе расслабиться, откинуться на спинку кресла, и сидела очень прямо. Да уж, едва

ли ей когда-то кричали «Милашка!» на улице. Илия изучал ее суровый профиль, гадая, как это Эфилу вздумалось связаться с такой женщиной.

– Чего ты на меня уставился? Переходи к делу.

– Мне нужно связаться с Эфилом.

– Попроси телефон у этого... этой человекообразной обезьяны. Вы же с ним вроде как друзья.

Хм. Ее осведомленность указывала, что даже после развода Эфил поддерживал близость с женой, достаточную чтобы посплетничать с ней о подчиненных.

– Тот номер недоступен.

Выражение торжества лишь на секунду проступило на лице Элин, прорвав баррикаду самоконтроля, но Илия узнал его безошибочно.

– Зачем тебе его телефон?

– Он собирается меня уволить. Я хочу поговорить с ним об этом.

– Решил пообтекать напоследок? – усмехнулась Элин. – Этот номер знаю только я. Эфил сразу поймет, кто его сдал. А у нас едва-едва нормализовались отношения.

Пытаясь найти аргумент в свою пользу, Илия взял пару минут на раздумье. В зеркало над ветровым стеклом он видел, что дети Эфила рассматривают его. Синеглазые, они очень походили на отца, особенно девочка. Тот же холодный, внимательный взгляд, одновременно отстраненный и изучающий. Как будто препарирует тебя, извлекая внутренности

одну за другой.

– Нана, нельзя так пялиться на людей, сколько раз говорила, – одернула дочь Элин – больше по привычке, чем из заботы о его чувствах. Мысли ее явно витали где-то далеко. – Зачем он вообще сбегает в психушку? Почему бы ему просто не отдохнуть где-нибудь у моря?

– Деметриус задается тем же вопросом.

Она так резко остановила машину, что он чуть не тюкнулся носом в ветровое стекло.

– Дети могли пострадать, – мягко напомнил Илия.

– Мои дети пристегнуты, – ледяным тоном возразила Элин. – Выползай из моей машины. И больше не произноси это имя, иначе я перееду тебя на полном ходу.

М-да. Кажется, она не настолько легко перенесла развод, как полагал Эфил.

Ее взгляд был так выразителен, что с тем же успехом она могла бы бить его по голове сумочкой и кричать: «Убирайся!» Признавая поражение, Илия неуклюже выбрался на шоссе.

– То есть ты не дашь мне его телефонный номер? – уточнил он на всякий случай.

– Нет. Хотя... он четыре года изменял мне с мужиком. Я напишу тебе адрес клиники. Только не говори ему, что это от меня. И не дергай его лишний раз. Вы все его достали.

Илия кивнул. Элин вытащила из сумочки блокнот и ручку, написала адрес размашистым прямым почерком и пере-

дала Илию со словами:

– А мне он звонит каждый вечер. Каждый. Расскажи его придурку об этом.

Дети помахали Илию на прощание. Они были хорошо воспитаны и, судя по всему, крайне устойчивы психологически. Машина сорвалась с места прежде, чем Илия успел помахать им в ответ. Илия проводил машину взглядом. Ну и женщина. Вот такой Эфил изменил и потом с ней развелся? Смелый.

Он осмотрелся, сраженный печальным осознанием, что находится в отдаленной безлюдной местности, вокруг лишь дорога да лес. Достал мобильник, понажимал на кнопки и громко застонал. Разряжен.

Когда час спустя он, прихрамывая из-за свежей мозоли, добрался до машины Деметриуса, тот только сказал ему:

– Видел? Бритва.

На работу Илия опоздал. Секретарский стол закрывали кипы бумаг, и, заглянув за них, он увидел Гайю. Значит, Ли-за все еще болеет.

– Что происходит?

– Эта безумная кудрявая женщина решила известить годовой запас бумаги.

Дакатайя. Не иначе как издевается над ним.

– Позвони ей и скажи, чтобы она присылала файлы мне на электронную почту.

– Хорошо. Кофе?

Он кивнул. Отчасти он чувствовал разочарование, что

Лиза еще не вернулась. С другой стороны, Гайя начинала ему нравится. Сегодня ее обтягивало винного цвета платье с полоской пуговиц по всей длине. Верхние две были расстегнуты. При желании, чуть подавшись вперед над кипой бумаг, он смог бы рассмотреть бабочку. К тому же у Гайи не было дурацкой новоприобретенной привычки Лизы стягивать волосы в пучок, и блестящие темно-каштановые пряди радовали взгляд.

Илии вдруг припомнились некоторые фрагменты утренней беседы с Деметриусом. Возможно, Деметриус был прав в том, что пора прервать это затянувшееся воздержание. Илия не надеялся, что секс с посторонней женщиной доставит ему хоть какое-то удовольствие, учитывая весь тот невыносимый психологический дискомфорт, который почти неизбежно будет сопутствовать процессу. Однако Илия был готов на что угодно, лишь бы ослабить удручающее ощущение, что, спустя одиннадцать месяцев после их расставания, Лиза все еще довлеет над его мыслями.

– Сколько вам лет, Гайя?

– Двадцать четыре.

– Как долго вы здесь работаете?

– Три года.

Странно, что он ее не запомнил.

– В Первом отделе?

– Нет, сначала во Втором. Полгода назад перевелась в Первый.

– Почему вы перевелись?

Она посмотрела на него своим занырывающим взглядом, на этот раз, кажется, дотянувшись до самых тестикул.

– Я решила, что у Первого отдела есть одно неоспоримое преимущество.

– Какое?

– Привлекательный руководитель.

Илии наконец удалось выцепить свой взгляд и отвернуться.

– Думаю, это не тот параметр, на основе которого следует принимать карьерные решения, – пробубнил он, поспешно сбегая к себе. Он был не в том состоянии и настроении, чтобы флиртовать на работе, но чистое обожание, сладкой нотой прозвучавшее в ее голосе, на секунду всколыхнуло все его чувства. О да, он был польщен, определенно.

Он погрузился в распечатки, присланные Дакатайей, и быстро позабыл о романтических поползновениях. Дакатайя действительно не стала заморачиваться и свалила ему все подряд. «Начиная с 18 марта, систематически травила тетку средством для обработки растений от паразитов, что привело к...» Это можно даже не читать дальше.

– Кофе, творожный пирог и пустая чашка отдельно, – перечислила вошедшая с подносом Гайя. – Что-нибудь еще?

– Очень аппетитный пирог, спасибо. Позовите Айлуса к двенадцати, пожалуйста.

– Хорошо. Дакатайя пообещала присылать файлы вам на

почту. Вот только сначала занесет те, что уже распечатала.

– Сообщите завхозу, что надо срочно пополнить запасы бумаги.

Илия проводил Гайю взглядом, не упустив возможность еще раз полюбоваться на винное платье и тело под ним. Высокий рост в сочетании с хорошими пропорциями придавал фигуре Гайи эффектность, недоступную миниатюрным женщинам вроде Лизы, и он почувствовал тепло в животе. Похоже, разговор с Деметриусом действительно перекрутил что-то в его мозге. «Хватит, – сказал себе Илия. – Эта девушка тебе в дочери годится. Читай дальше про свои убийства».

Минута в минуту подошел Айла (все в тех же нелепых цветастых шортах) и поднял длиннопалую кисть в приветственном жесте. Илии показалось забавным видеть Айлу в беззаботной летней одежде и с этим его вечно бесстрастным видом, зная, что Айла – как возглавляющий расследование Дождевой серии – пусть и не застрял так глубоко в фекальных массах, как сам Илия, но по факту тоже в заднице.

– Отныне вы рассматриваете эпизоды Дождевой серии не как последовательные, а как параллельные.

Айла невозмутимо заправил за ухо кончик длинной косой челки.

– Без проблем, как только вы мне объясните, что это вообще значит.

– Я полагаю, что у нас есть несколько образов, происходящих от одного источника, – возможно, у Илии не было ре-

альных оснований для такого вывода, но он размышлял над вопросом все то время, пока волок себя по лесной дороге, и с каждым шагом ему казалось, что это единственное логичное объяснение происходящему.

– Это невозможно, – спокойно возразил Айла. – Источник порождает образ. Образ не самокопируется и не делится на части. Он остается едиными.

– Мы используем брикеты «Спирита 3013», способного впитать в себя структурированный спирт, очистив пространство. Если используется несколько брикетов одновременно, то каждый в итоге будет содержать идентичный образ. То есть технически существование нескольких одинаковых образов возможно, – возразил Илия.

– Да, если речь идет о «Спирите 3013». Однако к нашему делу он не относится. «Спирит 3013» несъедобный, он не переваривается. И если бы кто-то из наших одноруких убийц умудрился употребить в пищу непредназначенный для этого брикет, наличие в желудке странных веществ привлекло бы внимание на вскрытии. А еще раньше внимание окружающих – это же концентрат, дозы спирита в нем будет достаточно, чтобы спятить не дожидаясь перемены погоды.

– Не обязательно целый брикет. Может быть, маленький кусочек.

– Это в любом случае невозможно. Брикеты «Спирита 3013» на дороге не валяются. Они все под строгим учетом.

– Если только у нас нет нелегального производства на сто-

роне. Помнишь синие таблетки? В их состав входил «Спирит 3013» с записанной на него определенной информацией. Все люди, которые принимали их, видели одинаковые вещи.

– Синие таблетки не распространяются уже много лет. Кроме того, в их составе были и наркотические вещества, которые бы обнаружила токсикологическая экспертиза.

– Программа убийства включается на триггер, дождь. Ко времени дождя следа наркотика уже могло не остаться в организме, – предположил Илия.

– Следы от некоторых наркотиков можно обнаружить в волосах даже через месяц после употребления. Хотя едва ли к столь печальным последствиям могла привести одна таблетка, полученная от кого-то вне дома. А если бы они что-то принимали систематически, мы нашли бы сами таблетки.

– И все-таки, вы тщательно изучили содержимое их аптечек?

– Да. Визуально ничего подозрительного.

– Отправьте все в лабораторию, сегодня же. Что по анализу крови последних двух жертв?

– У дочери анемия. Будь она жива, порекомендовали бы ей сходить к терапевту. В целом ничего привлекающего внимания.

– Айла, распредели команду. Я хочу, чтобы все пищевые продукты, сохранившиеся в домах жертв, были взяты в лабораторию и изучены.

– Хорошо.

– И произведите обыск, всех шести мест, – добавил Илия после секундного сомнения.

– А что мы ищем?

– Я не знаю. Что-нибудь, – выдавил Илия, ощущая, что его статус руководителя после столь блестяще сформулированного задания пробивает дно. Он непроизвольно запустил руки в волосы. – Возможно, что-то привлечет ваше внимание.

– Ясно, – кивнул Айла, пристально изучая лицо Илии. – Хорошо. Произведем.

Илия продолжил дымить и читать. Позвонила его мать, но он был слишком занят, слишком подавлен, чтобы ответить. Завитки дыма над его головой упорно складывались в слово БЕЗНАДЕГА. Он прервался на пару минут, чтобы отыскать на карте адрес, данный Элин. Далековато. Можно опять запрячь Деметриуса, но Илия решил, что хочет сделать это один. Что ж, давно пора вытребовать у Лизы свою машину. Он даже обрадовался, что у него появился повод нагреться к ней и вывести ее на чистую воду. Болеет она, как же.

К вечеру у него двоилось в глазах после бесчисленных сигарет и теплого пива, выпитого тайком, а детали всех криминальных историй, что он прочитал, смешались в серую однородную массу. Он сам не знал, что ищет, иначе бы давно сформулировал критерии и привлек к этому унылому занятию еще несколько человек. Где-то в глубине души он надеялся, что в какой-то момент, листая страницы очередного

описания очередного лишения кого-то жизни, услышит щелчок, какой издает ключ, повернувшись в замке. Ведь есть же где-то объяснение происходящему? Скорее всего, простое и банальное, находящееся рядом. Сегодня же его поиски закончились лишь потерянным временем и головной болью.

– Вы еще здесь? Я думал, давно дома, – удивился он, увидев Гайю за монитором в приемной.

– Я же вам кофе заносила двадцать минут назад.

– Я не заметил.

– Вы его выпили.

– Видимо, я совсем утонул мыслями в работе.

– Даже на обед не ходили.

– Я забыл про обед.

– Я вот тоже увлеклась, делала кое-что для своего отдела.

Иначе меня ожидает завал по возвращению.

Он так и не поручил ей никакого дела. И до сих пор не удосужился узнать, какой у нее уровень доступа к секретной информации. Лиза сама знала свои обязанности и, не вовлекая его, контролировала множество вещей, так что в ее отсутствие наверняка назревает коллапс. Впрочем, он и свои обязанности складировал в кучу, сосредоточившись исключительно на Дождевой серии. Он мог бы встревожиться, как будет потом разгребать все накопившееся, но обстоятельства вели к тому, что это будет уже чьей-то чужой проблемой. Возможно, Джулиуса. Дохлопался по плечу, умник.

Илия уже сказал «до завтра» и развернулся к двери, когда

Гайя пробормотала:

– Они неправы, что говорят о вас такие вещи.

Илия прекрасно понимал, что поступить правильно – это не развивать тему и удалиться. Но он уже давно не поступал правильно.

– Что обо мне говорят? – спросил он и сел на стул для посетителей.

Гайя начала рассказывать. У нее была прекрасная память на едкие фразочки, брошенные критично настроенными сотрудниками в курилке, кафетерии или туалете. Илия хранил на лице каменное выражение, надеясь, что у него получается скрывать тот унижительный факт, что ему неприятно и больно. С одной стороны, неудивительно, что, заметив признаки эмоционального разброда, коллеги начали судачить о нем. С другой стороны, его поразило, как много они подмечают. Как если бы его кабинет был прозрачным аквариумом, где он съезжал весь день с катушек всем на обозрение.

Рассказывая, Гайя в какой-то момент обошла стол и теперь стояла справа от Илии, прислонившись задом к столешнице и соблазнительно подогнув одну ногу. Вблизи он уловил терпко-сладкий аромат ее духов. Илия не мог решить, нравится ему этот запах или нет, но он определенно делал близость Гайи более ощутимой. В какой-то момент ее колено соприкоснулось с его коленом, и тогда он начал слышать ее речь с перебоями.

– Некоторые считают, что вас сместят. Я так не думаю.

Если уж сам правитель...

В следующий момент она вспрыгнула ему на колени, при-
тиснула его к себе и впилась в его губы поцелуем. Это бы-
ло настолько внезапно и никак не обозначено предшествую-
ющим ходом разговора, что Илия растерянно приобнял ее,
не делая попытки отстраниться. Впрочем, не предпринял он
попытки отстраниться и после того, как первый шок прошел.
Ее губы были чуть сладковатые от помады, ощущать вес жен-
ского тела на себе было приятно. Происходящее представ-
ляло собой умопомрачительный контраст с его бесплотной
жизнью в предшествующие месяцы, когда единственное, что
могло сойти за эротику – Деметриус, расхаживающий в ниж-
нем белье (зрелище, без которого Илия предпочел бы обой-
тись). К тому же напряжение в паху приятно напомнило, что
он еще не стал импотентом, даже если уже давно подозревал,
что стал.

Когда поцелуй затянулся минуты на три долее, чем это
было пристойно с женатым начальником, под чьим руковод-
ством работаешь всего два дня, Гайя неохотно оторвалась от
него.

– Простите, – слезая с его коленей, она была само смуще-
ние. Красная помада размазалась вокруг ее рта, как будто
она насосалась крови. – Не знаю, что на меня нашло. У вас
был такой печальный вид... Если бы только они знали, как
тяжело вы работаете над этим делом...

– Ладно, – мягко прервал Илия. – Уже поздно. Нам пора

по домам.

Он поднялся, смущенный из-за заметной эрекции, и направился к выходу, стремясь поскорее сбежать от Гайи. Наклонился над раковиной в углу, яростно оттер помаду с лица. И, уже схватившись за дверную ручку, заметил: на кресле в противоположном углу лежала толстая стопка бумаг, которой раньше там не было. Приблизившись, он взглянул на верхний лист. «16:56 – 17:23 грз», извещала пометка в правом верхнем углу. Гроза. Вот уж точно. Он прямо ощутил, как его прошила молния.

– Дакатайя заходила сюда?

– Я не видела.

– Странно. С вашей позиции был прекрасный обзор на дверь в приемную.

– Возможно, это произошло во время нашего поцелуя, – Гайя смущенно порылась в сумочке, нашла зеркальце и раскрыла его.

– У Лизы есть салфетки. В верхнем ящике, – сухо проинформировал Илия.

Он вышел из здания, дошел до остановки и сел в автобус, направляющийся в сторону дома, где он жил раньше. Возбуждение остыло, оставив холод и беспокойство. Видела ли Дакатайя? Судя по вчерашнему разговору, она не была его сторонницей или хотя бы сочувствующей. И она знала Лизу. Не то чтобы они были закадычные подружки, но, кажется, вполне себе приятельницы. Ему впервые пришло в голо-

ву, что враждебность Дакатайи, которую он испытал на себе вчера, могла объясняться именно этим. И, возможно, враждебность всех прочих в СЛ... симпатии наблюдающих его конфликт с женой оказались не на его стороне. Ха. Если бы они только знали, что она сделала! Хотя... они наверняка бы решили, что он раздул драму из ничего, и получили бы лишний повод его критиковать.

Ему отчетливо представилось, как Дакатайя, едва выскочив из приемной, набирает номер и выкладывает Лизе все, чему стала свидетельницей. Хотя все же не факт, что она попала именно на *тот* момент. Или что у нее есть номер Лизы. Или что она вообще решит позвонить. Хотя решит, наверное. Илия вздрогнул, когда по его шее прокатилась капля холодного пота.

Затем его мысли переключились на Гайю. Интересно, как так получилось, что на место Лизы прислали именно Гайю? Она же ни черта не разбирается в обязанностях секретаря. Он мог бы порасспрашивать в отделе кадров о причине такого решения, но, во-первых, едва ли стоило придавать значение тому, что похоже на очередной приступ его паранойи, а во-вторых, его любопытство могло поднять волну очередных обсуждений.

А все же, узнает ли Лиза? Ладно, он поймет по ее реакции при встрече.

Выйдя из автобуса, он двадцать минут шел пешком, срезая путь по тонкой тропинке сквозь заросли. Вечер не при-

нес прохлады, и по-прежнему висела душная, плотная жара. Илия подумал, что вот сейчас у него будет возможность отчитать Лизу за ее вранье про простуду. Она обидится. Может быть, предъявит ему поцелуй с секретаршей. Он заявит, что это не ее дело. Она возразит, что все еще его жена. Они начнут орать и швыряться вещами, чего никогда не делали раньше. Он не понимал, почему скандал представляется ему таким притягательным, но точно знал, что хочет его – хочет так, что аж больно.

Он поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Хотя он не расслышал шаги, но отчетливо почувствовал, как Лиза долго рассматривает его в глазок, прежде чем впустить.

– Привет, – сиплый, едва слышный голос Лизы сломал все его планы.

У нее были непричесанные топорщащиеся волосы и такие красные глаза и нос, будто она рыдала весь день. Без сомнения, она страдала от сильнейшей простуды.

– Привет, – ответил Илия, стараясь звучать нейтрально. Лиза смотрела на него настороженно, как будто подозревала, что он явился к ней с ножом за спиной, и он пояснил: – Я хочу забрать свою машину. В конце концов, зачем тебе две.

На секунду он понадеялся, что она возмутится. Затеет пустой спор, лишь бы выпустить эмоции. Но она только произнесла, напрягая обложенные голосовые связки:

– Хорошо. Что-то еще?

– Да. Пара вещей, – он понятия не имел, каких. Он при-

думал это только что.

Лиза посторонилась. Илия вошел и разулся, надеясь, что она не заметит, что его носки из разных пар и отличаются в оттенке. Дом выглядел чистым и просторным, особенно после его захлавленной клетушки. Впрочем, сегодня и сама Лиза дисгармонировала с этим аккуратным фоном, одетая в мятую оранжевую футболку и старые желтые шорты. Обычно она следила за своим внешним видом. Вероятно, она совсем разболелась, раз такая расхристанная.

– Где дети?

– Один гуляет с подружкой. Второй... ты же знаешь Сета. От него невозможно добиться, куда он идет и зачем.

Отсутствие сыновей Илия воспринял с облегчением – ему хватало и того напряжения, что витало между ним и Лизой. На автомате он прошел в ванную и вымыл руки, как делал всегда по приходу. В ванной было удивительно мало вещей и тоже очень чисто, только на краю раковины валялся пустой блистер из-под таблеток. Он перевернул его и прочитал название. Обычное обезболивающее, которое Лиза пьет от головной боли. На выходе его встретила их собака Мирта, неуверенно потыкавшись носом ему в бедро.

– Ключи от машины, – Лиза протянула их ему, держа за колечко. – Гараж не заперт. Там замок сломался.

Илия открыл было рот, чтобы предложить починить замок, но передумал. В конце концов, у нее два взрослых, ужасно преданных матери сына, и по крайней мере у одного

из них хватает энергии, чтобы названивать отцу с утра пораньше и громогласно его отчитывать. Вот пусть лучше делает что-нибудь действительно полезное.

Подцепив пальцем ключи за колечко, он убрал их в карман и рассеянно заозирался, как будто не мог вспомнить, что еще должен сделать.

– Ты вроде собирался что-то забрать, – напомнила Лиза, с усилием и хрипом выговаривая слова.

– Да, точно.

Оттеснив жмущуюся к ногам собаку, он направился к спальне, испытывая странное ощущение, будто в груди собрался пульсирующий узел. В спальне Лиза села на кровать и сторбилась. За многие годы их брака она не стала тяжелее ни на килограмм и сейчас вдруг показалась ему совсем маленькой. Эти ее голые босые ноги придавали ей беззащитный вид. Он заметил, что ее коленки дрожат.

– У тебя высокая температура?

Лиза мотнула головой, и обесцвеченные волосы упали занавеской на ее опущенное лицо.

– Просто мышцы болят и горло. Скоро пройдет.

– Хорошо бы. Не забывай: у тебя работа копится, – произнес он нудным тоном.

Лиза упустила очередную возможность огрызнуться и только уныло кивнула. Интересно, как она отреагирует, если он подойдет и обнимет ее? Оттолкнет его или обрадуется? Хотя с чего бы ему захотелось ее обнять...

Илия раскрыл шкаф и тупо посмотрел внутрь. Он так давно не был в этом доме, что перестал считать его родным, а этот шкаф своим. Уезжая, он забрал всю одежду, что планировал носить, оставив полку, ломящуюся от красных свитеров и маек.

Мирта упорно лезла под ноги, мешая сосредоточиться. Он заметил футболку большего, чем носила Лиза, размера и достал ее. Мирта наступила ему на большой палец и капнула слюной на колено.

– Да отойди ты, – сказал Илия.

– Погладь собаку, – не выдержала Лиза.

– Да-да, хорошая собака, Мирта, – Илия безразлично провел ладонью по гладкой собачьей макушке. Мирта вильнула хвостом, но взгляд ее выражал скорее разочарование, чем радость. – Я забираю вот это.

Лиза подняла на него тусклый взгляд.

– Это моя футболка.

– Нет, моя.

– Это моя футболка.

Илия развернул футболку.

– Видишь, она мужская.

– Но она не твоя.

У него в виске завращалась металлическая спираль.

– Откуда у тебя мужская футболка?

Все звуки вдруг поблекли. Поле зрения сузилось. Странное ощущение. Как будто сейчас молния шархнет. Или са-

мо небо обрушится ему на голову. Он ждал. Если она действительно приводила в дом постороннего мужчину, это даже неплохо. По крайней мере, он сможет начать орать.

– Я в таких сплю. Покупаю вместо ночнушек. Ты забыл?

– А-а, да...

Он выдохнул и опустил плечи. Не случилось. Ушло. Мирта заскулила и чуть прикусила его бедро, пытаясь обратить на себя внимание. Илия сгреб наугад несколько красных футболок, на которые и смотреть не мог. Жгучий, раздражающий, утомительный цвет.

Все сделал. Должен идти. Лиза осталась сидеть на краю слишком большой для нее кровати, давая понять, что провожать его до выхода не станет. Надо идти. Вот сейчас. Он подумал, что вряд ли увидит ее на этой неделе еще раз.

– Может, за лекарствами сбегать? – вырвалось у него. – И замок в гараже нужно починить...

Лиза молчала с полминуты, и он вдруг понял, что она едва его терпит. Как будто стоит по колено в горячей-горячей воде.

– Нет, просто уезжай. Уезжай поскорее.

Илия сел в свою машину, швырнул футболки на заднее сиденье, мгновенно позабыв о них, и уехал, пусто глядя перед собой.

Он заехал на автозаправку и в табачную лавку, в итоге добравшись до своей съемной лачуги уже после десяти, усталый в терминальной стадии. Деметриус лежал на его кровати

и играл в видеоигру. На экране телевизора девушка лет пятнадцати тщетно пыталась одолеть шкафообразного монстра перочинным ножом.

– Эта игра заставляет меня вспоминать мой рабочий день.

Выключи.

– Ты ничего не замечаешь?

– Ты лежишь на моей кровати. На МОЕЙ кровати. И, как всегда, полуголый.

– Отвлекись от своего комплекса наготы. У меня новая татуировка.

Илия бросил взгляд на свежееукрашивший грудную мышцу Деметриуса череп со змеями.

– Восхитительно. Ты стал прелестнее на пять процентов.

– Я купил тебе еды в ресторане.

– А теперь на шестьдесят процентов. Еще немного, и я смогу полюбить тебя, Деметриус.

В кухне Илия запихнул пластиковый пакет с едой в микроволновую печь.

– Где ты был? – спросил Деметриус. Он вынул пакет, переложил еду на тарелку и сунул ее обратно в микроволновку.

– Забирал у Лизы мою машину.

– Так ты все-таки разводишься?

– Видимо.

– Я удивлен.

– Почему?

– Ты так сильно любил Лизу.

В груди Илии взорвалась такая боль, как будто его лягнула лошадь.

– Я разлюбил ее.

– Из-за чего? Из-за того, что она наплела, будто тебе изменила?

– Иди играй в свои видеоигры, Деметриус.

Деметриус уже выключил приставку и погасил свет, а Илия все равно не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок, но в любом положении ощущал боль и дискомфорт. Память навязчиво возвращала ему Лизу, сидящую на краю огромной кровати и измученно глядящую на свои хрупкие колени. Затем ему припомнились времена, когда они только съехались и спали на этой самой односпальной кровати. С утра он просыпался, чувствуя пахом ее маленький задик, ее спину, плотно прижатую к его груди, и ее волосы на своем лице. Но им никогда не казалось, что им тесно, что следует купить кровать побольше. Они так много трахались, им было так весело. А потом она не приняла таблетку вовремя. Проклятую маленькую таблетку. Эйфория закончилась. Они и потом бывали счастливы, и довольно часто, но уже потеряли ту птичью легкость – словно твои кости полые, словно нет ничего, что мешает тебе вспорхнуть в небо.

Когда Илия уже не мог выносить темноту, не ограждающую его от видений, он встал и разбудил Деметриуса.

– Давай включим свет. Выпьем чаю. Поиграем в видеоигру.

Отчаянно зевая, Деметриус поставил на плиту чайник, но сказал:

– Тебе просто надо спать, – он приблизил лицо к микроволновой печи, вглядываясь сквозь затемненное стекло в дверце. – И есть.

21 АВГ, СР

Илия поднялся в семь и натянул вчерашние рубашку и шорты. Заглянул в холодильник – все та же пачка тухлого молока, жухлое яблоко, замотанная в пленку тарелка с ресторанной едой, которую Деметриус достал из микроволновки и убрал в холодильник. Любое проявление организованности со стороны Деметриуса поражало, заставляло почти поверить, что на посту правителя страны он тоже худо-бедно справляется.

Илия едва одолел треть порции, чувствуя ком в горле и камень в желудке. Он понимал, что разговор с советником лишь углубит его рану, но все же считал, что это нужно сделать. Ему предстояло провести в дороге около двух часов. Несомненно, Эфил отметит факт его появления в то время, когда он должен быть на работе, изо всех сил доказывая свою полезность, однако это меньшая из бед.

Клиника лечения психоневрологических расстройств располагалась в живописной местности, которой придавала особое очарование цепочка чистейших озер. Вода отражала небо. Ветер шелестел в кронах дубов. Идиллия. Депрессивные и биполярные оценят. Кататоники вряд ли.

Илия поплевал на ладони и перелез через ограду. Дыхание сбилось на пару минут. Поразительно, каким слабым становишься, стоит забросить тренировки на какие-то жалкие

одиннадцать месяцев. Звонить в звонок у ворот он не стал, понимая, что у него больше шансов проникнуть на территорию клиники тайком, чем уговорить впустить его на основании подозрительного (и даже тревожащего, учитывая специфику здания) аргумента «мне очень надо».

Приняв будничныи вид, он уселся под деревом с обзором на кирпичное здание клиники и стал ждать. В одиннадцать начали появляться первые пациенты, вышедшие на прогулку. Сложно сказать, с какими проблемами они обратились, но на расстоянии ему показалось, что выглядят они лучше, чем он сам. Около половины двенадцатого он запеленговал некого растрепанного человека, смутно напоминающего советника.

Когда тот приблизился, Илия убедился, что это действительно Эфил, одетый в пижамные шорты и серую рубашку с короткими рукавами, застегнутую на две пуговицы из шести. Обувь на советнике, удивленно отметил Илия, не было. Если не обращать внимания на сомнительный выбор одежды и пренебрежение расческой, состояние советника значительно улучшилось со времен его забегов по СЛ. Напряженные мышцы лица расслабились, кожа посвежела и разгладилась. В сочетании с каштановой краской для волос, которой Эфил пару месяцев назад начал скрывать раннюю седину, он казался поразительно помолодевшим, а без привычной черной робы выглядел изящнее и легче. В сущности, у него была очень мягкая внешность, с его синими глазами и гармонич-

ными, не слишком выразительными чертами лица. Но это не отменяло того факта, что в его власти пустить жизнь Илии под откос. Что советник и намеревался сделать.

Безучастный, как призрак, Эфил прошел мимо Илии и побрел себе дальше по тропинке среди деревьев.

– Отлично смотришься, – сказал Илия, поднимаясь и следуя за ним.

– Да? – обернулся Эфил, будто только что заметив Илию. – Антидепрессанты в сочетании с седативами дают хороший эффект. Хотя не то чтобы я раньше не принимал седативы, – улыбнувшись пространству, Эфил устремил взгляд в синее небо. – Отличная погода сегодня. Было бы совсем отлично без тебя. Кто дал тебе адрес? Элин?

– Нет. Не совсем. То есть...

– Как она? – перебил Эфил. – В хорошем настроении?

– Как тебе сказать...

– Иногда мне кажется, что она еще испытывает чувства, неуместные после нашего развода, – вздохнул Эфил. – Как ты думаешь, может быть такое, что она не совсем остыла ко мне?

– Нет, конечно, нет, – неуверенно соврал Илия. Он совсем не так представлял себе начало разговора с советником.

– Какое-то время я еще надеялся восстановить наш брак. Но затем, обдумывая все случившееся, понял, что есть много причин, почему это уже невозможно сделать.

«Много причин, – мысленно фыркнул Илия. – Скорее уж

одна. Но большая. И тяжелая. Килограммов сто».

– Уверен, она намерена поддерживать с тобой чисто дружеские отношения, – заверил он.

Эфил, казалось, успокоился, и Илия осторожно начал:

– Эфил, я узнал, что ты собираешься меня уволить.

– Вот как? – откликнулся Эфил в раздражающей легкомысленной манере.

Еще пару секунд, озаренный пламенем быстро сгорающей надежды, Илия ждал опровержения. Его не последовало.

– И это все? Финал? – в отчаянье осведомился он. – Я отдал «Серебряной Лисице» половину жизни. Я не заслужил хотя бы пояснения? Или предупреждения? Вместо того чтобы просто поставить меня перед фактом в самый последний момент?

Эфил остановился чтобы перевернуть камень на дороге большим пальцем ноги. Он был бы действительно сосредоточен на этом занятии, если бы только находящийся рядом Илия не отвлекал его со всякой ерундой вроде желания обсудить причину увольнения после двадцати двух лет напряженной работы.

– Я не предупреждаю. И не объясняю. У меня нет времени на сантименты. Если человек не справляется со своими обязанностями, я убираю его. В понедельник ты получишь официальное уведомление и тогда же будешь отстранен от работы. Не беспокойся – положенные законом десять рабочих дней от даты уведомления тебе оплатят в полном объе-

ме.

– Я жду объяснений! – выпалил Илия. – Я не уйду! Я буду надоедать тебе, пока не добьюсь ответа!

– Или пока тебя не выпроводят санитары, – ухмыльнулся Эфил. – Ладно, пошли к пруду. Посмотрим на рыбок. Это нервы успокаивает. Тебе надо. Я вообще советую – лежи в стационаре. Только не в этой клинике. Подальше от меня.

У пруда Эфил прилег на траву, щурясь от света и медикаментозно улыбаясь.

– Видишь ли, Илия. Твое отношение к работе я могу охарактеризовать как весьма прохладное. Что самое печальное, это замечаю не только я, но и все твои коллеги. Это подает им дурной пример, понимаешь?

– Так это показательная казнь? Чтобы остальные не расслаблялись?

Эфил наконец соизволил взглянуть на Илию.

– А ты считаешь, ты хорошо справляешься? Шесть случаев с конца июня, Илия. Люди умирают, пока ты вяло изображаешь деятельность и жалеешь себя.

Илия почувствовал, как к щекам прилила кровь. У него едва не вырвалось: «Но я действительно стараюсь!» Но он себе не верил. И Эфил тоже ему не поверит. Илия все еще был на ногах, нависая над Эфилом и создавая неудобную диспозицию. Он ощущал себя слишком заметным – легкая мишень для остракизма, поэтому сел и подтянул коленки к груди.

Эфил запрокинул голову и закрыл глаза от солнца. Все его конечности были так расслаблены, что казалось, он готов расплыться по берегу, как желе.

– С самого начала я был категорически против твоей кандидатуры. У нас просто не было лучшего варианта. Я подзревал, что ты не справишься. Так оно и получилось. Ты приходишь утром и уходишь вечером, в промежутке выполняя свои формальные обязанности. Все это было бы приемлемо, работай ты уборщиком в парке – мети себе метлой, думая о своем. Но на твоей должности отсутствие вовлеченности – это не просто вопрос пары бумажек и банки от газировки, портящих эстетический вид газона. Пока ты бездействуешь, мнешься и отвлекаешься на более интересные тебе вещи, с людьми происходят несчастья, страна утопает в беспорядке, все отбивается от рук. И это следствие твоей безответственности. Понимаешь? Ты просто стоишь, ничего не делая, но при этом становишь все худшим и худшим человеком с каждой минутой. Быть тем, кто действует, всегда тяжело, это выжигает, я знаю. Но слабость – не оправдание. И если ты не готов отдать делу то, что требуется, я возьму вместо тебя другого.

Илия сжал виски ладонями, пытаясь приглушить эхо этих слов у себя в голове.

– Можешь вернуться к своей прежней работе в архиве, на той должности ты показал себя отличным специалистом. Можешь уйти из СЛ. Как считаешь нужным, – безжалостно,

несмотря на весь его благодушный вид, продолжил Эфил. – Если ты надеешься, что тебя сможет прикрыть Деметриус, не рассчитывай на это. Поверь мне, с Деметриусом я научился справляться.

Илия никогда бы не попросил Деметриуса вступить за него. Само предположение, что он может так сделать, возмутило его до глубины души. Он почувствовал боль в челюстях и осознал, что крепко стискивает зубы, но затем приоткрыл рот, чувствуя нарастающую нехватку воздуха.

– Ты уже нашел мне замену?

– Пока нет. Думаю, на какое-то время Джулиус сможет взять на себя часть твоих обязанностей. Зависшее дело я передам Второму отделу.

Эфил сунул в рот травинку и, вяло пожевывая ее, подложил под голову руки и закрыл глаза. У него действительно был очень посвежевший и отдохнувший вид. Морщины, исчерчивающие прежде его лоб, разгладились все до единой. Илия вдруг испытал приступ острой ненависти к этому человеку, к этой ситуации, ко всей своей жизни, когда ему вечно приходилось что-то кому-то доказывать.

– Ты сказал, что был с самого начала настроен против меня. Почему? Ты помнишь то расследование в сентябре? Я хорошо проявил себя, разве нет?

– Это было начало конца. Ты всегда был неустойчивым. Ты бы потерял баланс рано или поздно. Впрочем, не придавай сказанному мной чрезмерное значение. Все люди уязви-

мы. Один, максимум два выстрела в голову или единственный в сердце – и мы умираем. Просто кто-то способен продержаться чуть дольше других.

Тон маленького самодовольного божка, который все про всех знает, заставлял сердце Илии содрогаться от злобы. Он прилагал максимум усилий, чтобы не заорать. Только скрипнул зубами.

– Что-то еще? – осведомился Эфил. – Я ответил на все твои вопросы?

– Что со мной не так? – спросил Илия.

– В каком смысле? В экзистенциальном? Я пока принимаю недостаточное количество медикаментов, чтобы ответить на этот вопрос. Приходи, когда я удолблюсь.

– В психологическом.

– В психологическом... Ты слышал про зефирный тест?

– Нет... при чем здесь зефир?

– Исследователь предлагал ребенку зефир и ставил его перед выбором: съесть зефирку сейчас или подождать какое-то время, не трогая ее – и тогда получишь две. Большинство детей предпочли съесть сладкое сразу. Но некоторые все-таки сумели подавить свои сиюминутные влечения с целью получить дополнительную выгоду. Проанализировав, как сложилась жизнь участников эксперимента в последующие двадцать лет, исследователи выяснили, что «терпеливые» дети добились куда больших успехов. Такой вот простой тест, но, как по мне, он вызывает массу вопросов.

У Илии тоже возникла масса вопросов. И основной из них – зачем ему все это втирают.

– Представь себя на месте подопытного ребенка, – лениво продолжал Эфил, прищуривая глаза от солнца. – Никто не гарантирует тебе, что экспериментатор говорит правду. Что, если второй зефирки нет вовсе? Сколько вообще нужно ждать? Вдруг слишком долго? Зефир засохнет. Или же за это время ты успеешь навсегда разлюбить сладкое. Вдруг, съев награду, ты покроешься аллергической сыпью, которой будет в два раза больше, спасибо твоему терпению? А что если ты обнаружишь, что никакой зефир не стоит испытанных в ожидании страданий?

– Эфил... – попытался прервать эту тираду Илия, но советник невозмутимо рассуждал дальше:

– Весь тест базируется на идее, что самоконтроль и умение подавлять свои сиюминутные желания ведут к выигрышу. Но любой выигрыш субъективен. У вещей есть объективные характеристики, но то, что мы называем «значимость», существует только у нас в голове, зависит от множества действующих на нас факторов. И если в итоге ты окажешься разочарован финальной наградой, что тебе останется, кроме сожаления, что ты просто не схватил то, что само шло в руки? Ведь не пройди ты через период болезненного подавления своих желаний, тебе не было бы так грустно, даже окажись зефир действительно неудовлетворительным, да?

– По-моему, ты уже достаточно удалбан, – протянул Илия

и поплелся прочь.

– Лиса или череп? – поинтересовался Эфил, не предпринимая попытки подняться.

– Что? – не понял Илия.

– Я о татуировке, которую он собирался сделать.

– Череп.

– Хорошо, – Эфил удовлетворенно вгрызся в травинку.

– Я думал, тебе не нравятся его татуировки.

– Если бы они мне не нравились, у него бы их не было, – возразил Эфил и продолжил тем же небрежным тоном: – Когда у тебя начались панические атаки?

Сердце Илии совершило кувырок, а затем истерически забилось.

– У меня нет панических атак, – возразил он, жадно глотнув воздух.

– Это неверный ответ. Попробуй считать предметы. Помогает, – посоветовал Эфил. – Кстати, погода портится. Ты за рулем? Будь осторожнее на дороге. А то, случается, люди погибают во время дождя.

– Все-то ты знаешь, Эфил.

Смешок.

– Я всего лишь прочитал прогноз погоды.

Илия зашагал прочь от советника, стремительно набирая скорость. Он часто дышал, но даже чистейший местный воздух не мог удовлетворить его потребность в кислороде. Дождь, как же. На небе ни облачка. Ему представилась ги-

гантская лупа между ним и солнцем. Он чувствовал, как обугливается. Хотелось укрыться в безопасном месте, в своей машине, где он сможет задыхаться и агонизировать в открытую.

Приступ продлился не более десяти минут, но оставил ощущение тотального изнеможения.

Всю обратную дорогу, сжимая руль дрожащими руками, Илия думал: «Все кончено. Все кончено». Все усилия и переживания, которые он вложил в эту работу, не имеют больше значения. На него веяло холодом, как будто он стоял на краю глубокой разверстой могилы, – хотя в действительности он был весь покрыт липким, горячим потом.

По пути ему множество раз кто-то звонил – кудрявый номер сплошь из восьмерок и девяток. Гайя – как выяснилось, когда он наконец ответил.

– Где вы? Я не знаю, как объяснить ваше отсутствие, если начнут спрашивать.

– Извини, забыл предупредить, – промямлил он в телефон. – Сегодня в разъездах, в СЛ не приеду.

В своей квартире он стянул с себя влажную одежду и рухнул на кровать. Комнату заливало светом, но его окружала тухлая, заросшая тиной вода. Ему не дали шанса, он проиграл. Нет причин ехать на работу, да и просто вставать. Так и будет лежать, пока не загниет и не начнет просачиваться в матрас. Илия перевернулся на живот, уткнулся лицом в подушку и попытался успокоиться. Однако обидные

слова Эфила продолжали звучать в его голове, и постепенно сквозь плотный слой апатии начинал поблескивать гнев. Пульс Илии ускорился, к мышцам прилила кровь. Нет, он не будет валяться здесь и кровоточить, как побитая собака. Даже если кто-то уже убежден, что с ним покончено.

– Не решай за меня, какой я, – потребовал он от пустой комнаты.

Он вытащил из кармана шорт мобильник и позвонил Деметриусу, одновременно пытаясь натянуть на себя еще не просохшую рубашку.

– Гони сюда. Да. Едем на твоей машине. Там кондиционер.

Затем набрал мобильный Айлы и прослушал отчет. Как обычно – никаких подвижек.

Деметриус явился через двадцать минут, одетый в черные шорты, черные шлепанцы и черную футболку с надписью «око ночи» и изображением глаза, истекающего красными и фиолетовыми потоками.

– Я думал, такие выпускают только в подростковом размере.

– Это единичный экземпляр. На заказ.

– Мне следовало догадаться, что столь изысканная модель не представлена в масс-маркете.

– Куда мы едем?

– Приречная, 15.

– О чем вы говорили с Эфилом?

Воспоминания заставили Илию поморщиться.

– Сначала я покурю.

Когда он вцепился уже в третью подряд сигарету, выдыхая дым в салон, Деметриус снова спросил:

– О чем вы говорили?

– О зефирках. Ну и что я никчемный руководитель и он меня сливает, конечно.

– Второе понятно, но зефирки?

– Это был эксперимент такой, психологический.

– Очередная мозготрахательная дребедень. Он никуда без нее, как пес без блох. Он же ж психолог. Последние лет пять, если начнет заливать на эту тему, я его уже и не слушаю. Думает, что может управлять людьми. Херня это все.

Илия сунул руку в волосы и помассировал кожу под ними. У него начинала болеть голова. Все то же: сначала сдавливает лоб, потом боль заливает весь череп и пульсирует в висках.

– Деметриус, что ты почувствовал, когда на тебя подействовал спирит?

– Сначала было как во сне. Таким, знаешь, где ты – не ты, а вокруг все странное, но для этого не-тебя кажется нормальным. А потом черная яма, ничего не помню.

– Этому можно сопротивляться?

– Теоретически. Только нужно быть очень сильным.

Илия подумал о своих проблемах. О головной боли, бессоннице и приступах удушья. Этому всему можно сопротивляться. Только у него не получается, потому что он слабак.

– Мне кажется, Эфил многое помнит, – протянул Деметриус. – Но он никогда не говорит об этом.

– Деметриус, я предпочел бы отдохнуть от Эфила некоторое время.

В доме Малиссы все было перевернуто, сотрудники СЛ вели обыск. Наблюдая за работами, Илия прошелся по комнатам. Айла отсутствовал. Илия не находил в себе сил на разговоры, поэтому лишь молча кивал коллегам в качестве приветствия.

Спустя положенный срок коттедж прекратит именоваться местом преступления и снова станет жилым домом. Илии представился муж Малиссы, вернувшийся сюда и видящий ее нижнее белье, вытащенное из ящиков и бело-розовой грудой сваленное на кровати. Нужно будет напомнить подчиненным, чтобы прибрали за собой. Пока же Илия выставил всех вон с требованием продолжить на следующий день. Ему было уже плевать, что о нем подумают. Сегодня он не намеревался терпеть кого-либо кроме Деметриуса, на которого можно и внимания не обращать.

– Начнем с верхнего этажа.

– Зачем мы здесь? – поинтересовался Деметриус.

– Ищем что-нибудь, способное навести нас на мысль.

Возможно, он просто не хотел возвращаться в аквариум своего кабинета. Завтра, когда порезы затянутся корочкой. Или хотя бы перестанут сочиться кровью.

Они поднялись по глянцевитой лакированной лестнице

на верхний этаж, минуя развешанные вдоль лестницы семейные фотографии, и вошли в детскую. Деметриус перешагнул стопки детской одежды, разложенные на ковре, и глянул на запятнанный побуревшей кровью оголенный матрас в детской кровати.

– Что-то должно быть, – пробормотал Илия.

Он рассматривал обстановку. Цеплял взглядом каждый предмет. Даже в разгромленном виде бросалось в глаза насколько продумана обстановка в этой комнате, сколько в ней милых мелочей. Воздух в комнате стоял плотный, душный. Втягивался в легкие с усилием и оседал в них тяжестью. Он оглянулся в поисках подобия моральной поддержки со стороны Деметриуса, но тот как испарился. Илия расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и оттянул ворот, надеясь, что ему станет легче дышать. Переживая приступ, убрал стопку одеялец с кресла в углу комнаты и сел.

– Вот, – объявил снова возникший Деметриус, вкладывая ему в руку откупоренную бутылку пива. – Из холодильника в моей машине. Тебе будет полезно.

Странно, но ощущение холода в пальцах действительно помогло собраться. Все еще тяжело дыша, Илия сделал глоток.

– Ты замечал, что у тебя руки дрожат? – спросил Деметриус.

– Периодически, – выдал полуправду Илия. Говоря с кем-то, он прятал предательские конечности под стол. Момент,

когда ему требовалось что-то кому-то протянуть, требовал от него сосредоточенности и концентрации.

– Пиво не расплескивается?

– Пепел с сигарет на штаны стряхивается.

На пустой желудок Илия сразу ощутил легкое опьянение. Алкоголь приглушил цвета, сделал эмоции менее острыми. Да, теперь он был готов к работе.

– Итак, источник до сих пор не обнаружен, поэтому пока обсудим образ. Если исключить самопроизвольное перемещение, у нас остается два варианта – образ был занесен умышленно или же оказался в домах жертв случайно. Разберем первый, каким бы абсурдным он ни казался. Поскольку спирт сам по себе не материален и в ладошках его не пронесешь, то единственный приходящий в голову способ его куда-то занести – это в поглощенном «Спиритом 3013» виде. Однако «Спирит 3013» создан чтобы вбирать в себя спирт, а не излучать его. Единственный способ подвергнуться воздействию – это съесть кусок. Я попросил Айлу исследовать все медикаменты и пищевые продукты в домах жертв. Результаты уже начали поступать. Все чисто, у нас тупик, – Илия глянул в сторону кровати, потом на очерченное мелом ржавое пятно на ковре ближе ко входу в комнату. – Перейдем в спальню.

В спальне обилие женской одежды подействовало на Деметриуса угнетающе, и они спустились на второй этаж в гостиную. Там был относительный порядок, потому что со-

трудники СЛ были выставлены из дома прежде, чем успели до нее добраться. Деметриус расслабленно растянулся на диване, поставив бутылку на живот. Илия сгорбился в кресле, то отпивая из бутылки, то уныло заглядывая в горлышко.

– Если вы не знаете, как это было сделано, попробуйте сначала разобраться, кем это было сделано, – предложил Деметриус. – Замечали ли кого-то подозрительного, преследующего жертв, пытающегося пробраться в их дома?

– Разве что пришлый пьяница клянчил монетку. Но не думаю, что он наш злодей.

– Значит, пусть проверят круг знакомств пострадавших. Если у них обнаружится любезный общий друг, с ним стоит доверительно побеседовать.

– Сделано. Общих знакомых не выявлено. У тебя есть еще пиво, Деметриус?

– Я притащу из машины весь холодильник.

– Мудрое решение.

– Если наш злодей действительно существует, то он человек с редким талантом не привлекать к себе внимание, – продолжил тему Илия, когда они открыли по второй.

– Или он не человек вовсе.

Илия ошалело помотал головой.

– Что?

– Ну, наш второй вариант – образ был занесен случайно. Как в роанских фильмах ужасов. Мамашка купила у зловещей старухи куклу для любимой дочери, а кукла проклята,

бу.

– Спирит восприимчив к эмоциям, чувствам, мыслям и идеям. Изобилие его в нашей стране привело к тому, что некие распространенные верования действительно нашли выражение в реальности. То есть белые голубоглазые кошки, считающиеся несчастливymi, на самом деле начали навлекать на владельцев неудачи, а розовый кварц, наоборот, приобрел способность повышать вероятность успеха.

– Тогда нам нужен розовый кварц. Тонна или две. Продолжим расследование после того, как он будет доставлен.

– Сейчас в его возможности верит так мало людей, что эффект свелся к минимуму, если вообще сохраняется. И уж тем более чьей-то персональной веры недостаточно для того, чтобы обычная кукла приобрела способность наносить вред. Нет, опасность могут представлять только объекты, традиционно считающиеся несчастливymi, чьи негативные свойства подкреплены верой значительной части населения страны. А такие объекты отлично известны любому управомоченному, особенно из Первого отдела, поэтому бы моментально привлекли к себе внимание.

– Не будем отметать мою идею так быстро. Вот, допустим, Долина Пыли и подобные места, где структурированного всякой дрянью спирита достаточно, чтобы крыши поехали у целого города. Предположим, какая-то вещь оттуда попадает людям. Она может «фонить»?

– Теоретически, – пожал плечами Илия. – Я не знаю.

Трудно предсказать, как именно спирт будет взаимодействовать с различными материалами. На практике мы с такими случаями не сталкивались. Да и самые опасные зоны давно стоят закрытые и приходят в упадок. Не представляю, как кому-то придет в голову что-то волоочь оттуда. Посмотри на этот дом. Если ей было что-то нужно, она отправлялась в магазин пофешенебельнее.

– А вдруг? Это может быть чем-то совсем неочевидным. Давай пройдемся.

Постепенно напиваясь и в формате мозгового штурма обсуждая буквально все, что видят, они обошли весь дом и спустились до первого этажа, занятого хозяйственными помещениями и кухней. По крайней мере, опьянение позволило Илии чуть дальше отпихнуть от себя слово «тщетность» и хотя бы попытаться рассуждать, несмотря на болезненное ощущение нелепости всех попыток.

Деметриус даже заглянул в подвал и внимательно ощупал вентили.

– Возвращаясь к Долине Пыли. Илия, ты же помнишь, как она повлияла на подземные воды, приведя к отравлению жителей соседнего города?

– Во-первых, эпизоды Дождевой серии произошли в районах, обеспечиваемых водой из разных источников. Во-вторых, будь проблема в воде, масштаб поражения был бы гораздо выше.

– Ладно, это не зараженная вода и не проклятый предмет.

Тогда мы вернулись к тому, о чем говорили ранее: к еде.

– В еду спирт можно поместить в составе «Спирита 3013» – эту версию мы уже отмели. Либо же спирт проникает внутрь пищи из внешней среды, что опять отправляет нас в закрытые зоны, но я с трудом представляю себе людей, проползающих под колючей проволокой с продуктовой корзиной. Тем более я не представляю себе респектабельную жену бизнесмена, приобретающую пищевые продукты сомнительного происхождения, лишь бы немного сэкономить.

– Нелегальная поставка в магазины? – предположил Деметриус.

– Да что в заброшенных местах может остаться съедобного, после десятков лет? К тому же закрытые зоны сейчас охраняются намного тщательнее, чем раньше.

– Так уж прям охраняются, при их-то размерах. И не забывай, есть еда, которая сама себя выращивает. Сорвал яблоко, пошел дальше. К вечеру мысли пошли интересные.

– Даже если представить, что в продажу поступило что-то, выращенное на загрязненной территории, то это единичный случай. И пострадали бы прежде всего люди, живущие в пределах одного района. Люди готовы предпринять длительную поездку ради некоего крупного специализированного магазина, но продукты приобретают поблизости. Мы бы не получили точечные инциденты в разных частях города. Если же предположить, что опасные поставки были массовым явлением, то последствия были бы куда масштабнее.

– Сколько вообще в городе людей, подходящих под профиль? Заботящихся о ком-то?

– Полагаю, довольно много. Шестью случаями бы дело не ограничилось. Ты серьезно полагаешь, что кто-то вознамерится нелегально выращивать что-либо на территории, отгороженной колючей проволокой? В больших объемах? Земля в Ровенне не настолько дорога. Куда проще сделать все официально.

– Ты так лихо отбиваешь все мои предположения, как будто вообще не заинтересован в том, чтобы мы к чему-то пришли.

– Это все не то, Деметриус, – обреченно вздохнул Илия, внезапно ощущая себя крайне измученным и изголодавшимся по сигаретам – он постеснялся сорить пеплом, блуждая по чистым комнатам Малиссы. – Мне нужен стакан.

В кухне они уселись за противоположными торцами стола, скованные мрачным молчанием. Илия угрюмо дымил, стряхивая пепел в изящную фарфоровую чашку. К нему пришло осознание, почему долгие недели он так упорно блокировал все возникающие по поводу Дождевой серии мысли. У него изначально не было ощущения, что он способен что-то сделать.

– Смотри-ка, уже темнеет. Неужели мы провели здесь столько времени? – удивился Деметриус и начал осматривать женственную розовую кухоньку в поисках часов.

Илия выглянул в окно и оцепенел.

– Это небо тучами заволочло.

«*Дождь*, – подумал он. – *Дождь. Гибель. Поражение. Стыд*».

– Что это? – осведомился Деметриус.

Илия оглянулся. Деметриус держал в руке прямоугольный предмет фиолетового цвета, покрытый по поверхности бороздками и дугами.

– «Спирит 3013».

– Фиолетовый? – Деметриус недоуменно повращал брусок в пальцах.

– Это из-за пигментных примесей. Он пролежит здесь еще некоторое время. Мы теперь всегда это делаем, чтобы убедиться, что место очищено от спирита и люди не пострадают в будущем.

– Его оставляют без присмотра? То есть любой, пробравшийся на место преступления, теоретически может похитить такой брусок?

– Дом под охраной. Я выставил их вон, вместе с остальными. Однако они ожидают снаружи и, как только мы уйдем, вернуться сюда на дежурство.

– А все-таки, если хищение произойдет?

– «Спирит 3013» находится под строгим учетом. Так что нет, он не мог быть просто украден кем-то и пущен в дело так, чтобы мы не знали об этом.

– А что если не красть целый брусок? Просто отщипнуть кусочек?

Илия ткнул пальцем в бороздки, покрывающие поверхность бруска.

– Вот это защитный рисунок. На каждом бруске он индивидуален, как папиллярные узоры, и может быть проверен на подлинность. Так что незаметно отделить часть не получится. К тому же все бруски строго определенного веса.

– «Спирит 3013» существовал и до того, как «Серебряная Лисица» наложила на него лапу, – напомнил Деметриус. – Где-то еще могут оставаться запасы.

– В любом случае мы уже исключили вероятность участия «Спирита 3013» в событиях Дождевой серии, – напомнил Илия.

– А вдруг. Я просто решил уточнить. Здесь дышать нечем. Пошли.

Снаружи им легче не стало. Все выглядело притихшим, придавленным плотным слоем предгрозового зноя. Цветы Малиссы, оставшиеся без заботы хозяйки, буквально лежали на клумбах, распластав лепестки.

– Ты же не собираешься вести машину после выпитого? – тревожно осведомился Илия. – Нам придется вызвать такси.

По факту Деметриус не выглядел опьяневшим, но он никогда не выглядел, сколько бы ни пил. Однако закон есть закон.

– Не грузись, поехали. Я в каком состоянии только ни водил.

– Еще хвастаешься? Ты должен быть оплотом законности

в этой стране!

– Ладно тебе, восемь вечера. Все едут из города, а мы в город. Дороги будут пустые. Да и на машину мою посмотри. Ей три недели, и ни одной царапины.

– Даже не думай, что я позволю...

Деметриус прищурился.

– Что там впереди, речка? Видишь, синее?

К тому времени, как Илия догнал его, Деметриус успел сорвать с себя одежду, хаотично разбросав ее по берегу, и уже плескался, как бобр, в узкой, но полноводной речушке. Дома подступали к самому берегу. Илия представил, как дети за ужином наблюдают из окон голозадного татуированного мужика (для полноты безумия являющегося еще и правителем Ровенны), и, в ужасе закрыв лицо руками, присел на траву.

– Деметриус, вылезай.

– Отличная водичка. Еще бы холоднее. Но и эта меня отлично протрезвит.

– Сейчас ливень начнется. Искушает тебя сверху.

– То ли будет, то ли нет. Прыгай тоже.

– И не подумаю. Хоть бы о своей татуировке побеспокоился. Инфекцию занесешь.

– Ты стал как старый еж. Ворчливый и скучный.

Илия смирился и трясущимися пальцами выковырял из пачки сигарету. У него просто не было сил. Голову покрывал шлем пульсирующей боли. Мелькали обрывки мыслей,

но ему не удавалось собрать их во что-то внятное.

– Почему двадцать первого и затем только одиннадцатого? – спросил он на второй сигарете, поймав момент, когда голова Деметриуса показалась над водой.

– Не понял.

– Малисса умерла 21 июня, следующая жертва 11 июля, далее посыпало. Почему такой большой интервал? Малисса оказалась более восприимчивой? Потому что была беременна? Здесь должно быть что-то. *Должно.*

– Или нет. У тебя лицо зеленое. Расслабься, поплавай. Выброси все это из головы, а то у тебя черепушка взорвется.

– В Роане был случай, когда неизвестный добавлял яд в капсулы средства от головной боли, а затем, подменяя пачки, распространял яд в аптеках. Его так и не поймали.

– Сколько херни случается в Роане.

– В этой стране не меньше. Только здесь другая херня.

– Так мы бы со скуки сдохли вообще без происшествий.

– Тебе все это нравится, да, Деметриус? Спирит, все сопутствующие проблемы. Ты просто в восторге, – пробормотал Илия. Это мрак вокруг сгущается или у него в глазах темнеет? На щеку упала капля дождя. – Возможно, сегодня умрет кто-то еще. Неужели это не ранит тебя, Деметриус?

– Люди умирают постоянно.

Илия чувствовал капли на своих волосах. Завтра осмотр места происшествия, очередной висяк, очередной камень на его совести и черная дыра в сознании. Очередная публич-

ная демонстрация несостоятельности. А, может, он просто тщеславный человек, переживающий за раненую гордость? Неспособный достойно принять поражение.

– Что, если это никогда не остановится? Что, если мы никогда не найдем ответ?

Собственный голос прозвучал глухо, как сквозь вату. Воздух искрился, поблескивал острыми осколками. Илия услышал нарастающий пульс в ушах. Он ухватился за шею и втянул открытым ртом воздух, пытаясь выровнять дыхание. Вдруг все погасло – река, берег и желтые, уже подсвеченные электричеством, окна. Остались лишь сужающийся мерцающий свет, стакато сердца, напоминающее стук капель, и боль, причиняемая нехваткой воздуха.

– Илия, Илия!

Илия очнулся от того, что Деметриус схватил его за плечи и отчаянно трясет.

– Ты мне шею ломаешь, дегенерат, – прохрипел он и рухнул затылком в траву, когда Деметриус резко отпустил его. В лицо летел дождь.

– Тебя вырубил на пару минут. Я решил, что у тебя сердечный приступ.

– И, чтобы наверняка, решил еще и башку от меня оттрясти?

Шатаясь, Илия встал на ноги. Потоки дождя стекали с него, как вода в душе.

– Пошли к машине, – потребовал он. – И оденься ты, на-

конец!

Вся одежда Деметриуса пропиталась дождевой водой, и, безобразно ругаясь, он только сумел натянуть на себя шорты, облепившие его так, что благопристойности больше не стало. За руль он уселся босиком. Развернувшись к Илию, Деметриус ткнул его в грудь пальцем.

– Что за дерьмо с тобой? Эти припадки...

Илия смотрел в окно застывшим взглядом. Цветы Малиссы молотил ливень, но Илия знал, что завтра они будут выглядеть намного лучше.

– Со мной все в порядке. Я просто устал.

– Ты в зеркало смотрел на себя хоть раз за последний месяц? Морда у тебя хоть лопату покупай и начинай могилу копать. Топай к врачу!

– Ладно, ладно, завтра. Только не ори. У меня голова раскалывается.

Дождь прекратился так же резко, как начался. Дороги были практически пусты, и это немного успокоило совесть Илию касательно вождения в пьяном виде. Но Деметриус был решительно настроен на аварию сегодня, поэтому, когда его телефон зазвонил, начал самозабвенно трепаться.

– Вертится, словно уж на сковороде, – заверил он кого-то.

– Хватит, – Илия попытался отнять у него телефон. – Сосредоточься на вождении.

– Это Эфил. Говорит, тебе не вытянуть это дело.

– Да пошел он, – огрызнулся Илия.

– Скажи ему сам, – Деметриус сунул Илию свой мобильник, размером примерно с кирпич и угольно-черный.

– Да пошел ты, – монотонно повторил Илия. С одной стороны, он и вообразить не мог, что однажды нахамит столь высокопоставленному лицу. С другой стороны, мертвецы не разбирают чинов.

Эфил рассмеялся. Илия не мог припомнить, когда вообще слышал его смех. Он привык видеть советника серьезным и собранным, обычно с примесью раздражительности, свойственной людям, которые мало спят. Впрочем, учитывая, как советник скачет туда-сюда между бывшей женой и любовником, ему действительно не до сна.

– Разве я сказал что-то смешное? Что вам там выдают? Думаю, антидепрессантами и седативами дело не ограничивается.

– По правде, я еще курю в палате траву все вечера напролет. Иногда и мне нужно расслабиться.

– Это объясняет наш утренний разговор о зефирках.

– Ты подумал о зефирном тесте? – оживился Эфил. – Если бы ты в нем участвовал, какое решение бы ты принял?

– Решение?

– Забыл условия теста? Хватаешь сразу одну зефирку – и свободен. Либо ждешь час... ладно, полчаса, и забираешь две.

– Эфил, ты издеваешься? У меня нет времени, чтобы размышлять о зефирках.

Эфил хихикнул.

– В определенный момент жизни у каждого наступает момент, когда ему придется задуматься о зефирках, хочет он того или нет.

Илия явственно ощутил, как каждый его нерв обугливается от гнева.

– Делай выбор, – поторопил Эфил. – Что бы ты предпочел: поспешно хапнуть одну? Проявить невероятную выдержку и забрать обе?

– Первое, – брякнул без раздумий Илия, даже не пытаясь отыскать искру осмысленности в этой беседе.

Эфил издал разочарованное хрюканье.

– Боюсь, ты не продумал последствия.

– Какие еще последствия?

– Я называю этот вариант развития событий «Упущенная возможность». Зефирка обещана. Надо только приложить некоторые усилия, чтобы ее получить. Но в момент выбора любые усилия кажутся чрезмерными. «Не стану напрягаться», – решаешь ты. Однако сам тот факт, что ты мог добиться большего и малодушно отказался от этого, уже пустил корни в твоём мозгу.

– Ты явно переоцениваешь важность зефира в человеческой жизни, – буркнул Илия. Он отчетливо услышал, как Эфил выдыхает дым.

– Если бы, если бы, – продолжал советник. – Люди склонны быстро забывать о значимости чего-то, получив его пря-

мо в руки, но, профукай мы нечто имеющее хоть какое-то значение, плачемся вечность. Вот так одна зефирка приобретает сверхценность – мелкие вещи, которые даже не казались важными, пока еще были нам доступны, но о которых ты не можешь перестать вспоминать в черные дни, когда тебя настигают сожаления. «Если бы я делал уроки, я бы не закончил в должности помощника младшего уборщика». «Если бы я старался для детей и жены больше, я бы не говорил сейчас сам с собой просто для того, чтобы немного пообщаться».

– Потрясающе. Но как твои абстрактные размышления касаются меня, Эфил?

– Нет узнавания? Тогда к тебе относится альтернативный вариант.

– Твоим врачам стоит пересмотреть дозировки, Эфил.

– Мне пора идти. Моя ванна с травами уже готова.

– И будь осторожнее с травами.

Снова тот же раздражающий смех.

– Ах да, чуть не забыл: ты все еще считаешь, что у тебя нет панических атак?

Илия нажал на кнопку «отключиться» и передал телефон Деметриусу.

– У меня ощущение, что он всячески пытается меня достать.

– Значит, действительно пытается.

22 АВГ, ЧТ

Ночь Илия провел в состоянии поверхностной дремы, несколько раз подпрыгивая с кровати от телефонной трели. Он хватался за телефон только для того, чтобы обнаружить, что никаких звонков не поступало. После последнего, в 6:15, он прекратил свои жалкие попытки отдохнуть, встал и натянул вчерашние шорты и сине-серую клетчатую рубашку, плотную не по сезону, но хотя бы свежую. Вялый и рассеянный, Илия прошлепал в кухню. На автомате достал из холодильника пачку молока и понюхал ее. Фу. За окном было серо и тускло, но небо начинало проясняться. Четверг...

В половине восьмого он выяснил в телефонной справочной номер ближайшей частной клинки, позвонил туда и записался на прием. Он не был в порядке. Это стало уже невозможным отрицать. С одной стороны, он надеялся, что ему предоставят объяснение, что вообще с ним происходит. С другой стороны, рассчитывал, что таблетка-другая быстро приведет его в норму.

В 12:30 он все еще сидел у врача, с затаенной надеждой спрашивая:

- А вдруг все-таки инфаркт намечается? Все эти приступы, сердцебиение...
- У вас прекрасная электрокардиография.
- А легкие? Иногда кажется, я до смерти задохнусь.

Врач кашлянул.

– Легкие чистые. Хотя не знаю, как долго они продержатся, учитывая, что вы семь раз выходили покурить.

На самом деле Илия выходил позвонить на работу, курить при этом было необязательно. Но он курил.

– Давайте подождем результаты анализов, но на настоящий момент вы производите впечатление вполне здорового – физически – человека.

– Я оставил здесь кучу денег, – огрызнулся Илия. Его раздражал бодрый тон врача, а еще больше его розовая, как у младенца, кожа, – а вы ничего не диагностировали. Если это вы считаете здоровьем, то при насморке мне, наверное, уже и смерть станет не страшна.

– У меня есть подозрение, что вам необходима помощь специалиста другого профиля.

– Какого профиля? – Илия вопросительно взглянул в лучистые серо-голубые глаза врача, полные фальшивого участия.

– Если слово «психиатр» вас пугает, обратитесь к психотерапевту.

– Сколько вам лет? – спросил Илия. – Двадцать два? У вас диплом настоящий?

– Не нужно реагировать с таким возмущением. Сбой в работе человеческого организма может возникнуть в любой его части. Если у вас гнойная ангина, вы же не будете месяцами ходить в таком состоянии, надеясь, что само пройдет, да?

– У меня не гнойная ангина. Я немного устал, у меня что-то с легкими и, вероятно, с сердцем.

– Постарайтесь не волноваться. Ешьте больше овощей. Не курите, не употребляйте алкоголь. Начните принимать витамины и меньше нервничайте.

– Спасибо, доктор. Надеюсь, мой ребенок родится здоровым, – буркнул Илия, уходя.

В сумеречном состоянии Илия сел в свою машину и поехал на работу, впадая в прострацию у каждого светофора и очухиваясь только когда машины сзади начинали сигналить.

Увидев его, Гайя растянула свои кошачьи губы в большой улыбке.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – сказал он осторожно.

– Кофе?

– Две чашки.

– То есть чашка кофе и пустая?

– Нет, две чашки кофе и пустая.

В своем кабинете Илия достал из верхнего ящика фотографию Малиссы и посмотрел на ее улыбающееся лицо. Потом вспомнил фотографию ее же, свернувшейся в клубок, лежащей на ковре с цветочным узором, покрывающим пол детской. *Ешьте больше овощей.* Ему вспомнилось, как в начале беременности Лиза весь день жевала морковку, потому что ее выворачивало от практически чего угодно еще.

С минуту он сидел не двигаясь, затем ожил и набрал но-

мер Айлы.

– Айла, позвони мужу Малиссы и узнай, был ли у нее токсикоз и что она ела, – попросил он. Илия мог бы позвонить и сам. Но предпочел свалить расшатывающее нервы общение с безутешным мужем на кого-то, кто еще не получил сегодня рекомендацию посетить психиатра.

– Вы думаете, что все-таки что-то было не так с едой, – понял Айла.

– Да.

– Если у Малиссы был токсикоз, она могла употреблять только определенную пищу.

– Да.

– Выяснив, какую, мы сократим перечень продуктов, среди которых нам предстоит искать тот, что причинил вред.

– Да.

– Почему мне самому не пришло это в голову?

– Я не знаю.

Стоило Айле покинуть кабинет, как заявила Гайя с подносом в руках, изящно открыв дверь бедром.

– Я хотела извиниться.

– За что? – он действительно не понял. Он жил в таком тумане, что события вторника давно скрылись из его поля зрения.

– За поцелуй.

– Какой поцелуй? А.

Гайя наклонилась к нему, и Илия увидел уже привычную

бабочку в вырезе ее изумрудной блузки.

– Не знаю, что на меня нашло. Вы оказываете на меня странный эффект.

Она тоже оказывала на него странный эффект. Он ей не верил. Она старалась ему понравиться, и иногда ей это почти удавалось. Но все же, стоило ей приблизиться к нему, как он ощущал нечто отталкивающее. Илия откинулся на спинку кресла, увеличивая дистанцию, и указал пальцем на причудливо свернутый блинчик, поданный ею на красивой тарелочке.

– Это мило, что вы угостили меня пару раз, но не стоит меня подкармливать на регулярной основе. Поверьте, я живу.

– Я пеку для себя. Почему бы не поделиться.

– Каждый день? – он окинул взглядом ее стройную фигуру. – Сомневаюсь.

Оставшись один, он ввел код в замок одного из картотечных шкафов и вытащил ящик с понапиханными кое-как досье. Нашел папку с именем Гайи. Всего несколько листков. Он пробежался взглядом по строчкам. Уровень доступа к информации – 3. Явно недостаточный, чтобы выступить замной секретаря руководителя, пусть всего-то на неделю. У него был двенадцатый уровень, у Лизы – одиннадцатый. Как Гайя попала к нему в приемную? Он не мог отделаться от подозрения, что она вступила в сговор с кем-то в отделе кадров...

Из папки выпала характеристика, написанная мелким, полным декоративных излишеств почерком Джулиуса. На красной бумаге. Зеленый листок – хорошо, серый – нейтрально, красный – плохо. Илия вчитался в текст. Вода и всяческие абстрактности, вроде «недостаточной готовности» и «сниженной мотивации». Может, у Джулиуса серые бланки закончились? В любом случае красная карточка означала, что положение Гайи в СЛ шатко.

Илия бросил досье в ящик и запер шкаф. Изредка отпивая кофе, просмотрев скопившиеся на столе отчеты, складировав все те, что не имели отношения к Дождевой серии, поверх и без того грозившей обрушиться кипы в левом углу стола. Истек час обеденного перерыва. Так и не дождавшись звонка от Айлы, он направился на второй этаж.

Заведующий лабораторией был примерно его возраста, но выглядел гораздо старше из-за объемного живота и привычки носить дедовские жилеты в клетку.

– Что там с продуктами и медикаментами? – Илия оглядел лабораторию, заставленную промаркированными коробками.

– Открываем кафе и аптеку.

– Я пришел сюда ради твоих шуток, Урсуш.

– Серьезно?

– Нет. Исследования закончены?

– Закончены. Вот только утешить тебя нечем. Чуть больше нитратов там, избыток свинца здесь. Ничего экстраординарного.

нарного. Полную отчетность скоро предоставим.

Мобильный Илии зазвонил. Айла. Илия принял звонок.

– Хлеб, зеленый салат, огурцы и помидоры. От всего остального ее выворачивало.

– У Малиссы около дома цветник. Никаких грядок.

– Овощами снабжала мать.

– Ты взял адрес?

– Конечно.

– Спасибо, – убрав телефон в карман, Илия взглянул на Урсуша. – Мне нужно, чтобы твои сотрудники съездили на несколько участков и взяли пробы земли с каждой грядки. В сравнительных целях захватите и почву поблизости. Срочно. Адреса вышлю.

– Разрешения на забор образцов получены?

– Я организую. Поезжайте прямо сейчас. Результаты исследований ожидаю уже сегодня.

– Ожидать-то тебе никто не запретит, но раньше, чем завтра после полудня результатов не будет. Не стану вдаваться в технические и организационные тонкости... – начал Урсуш и прервался, увидев выражение лица Илии. – К чему такая спешка?

– Завтра пятница, – в понедельник советник придет по его душу. Значит, у Илии оставалось чуть больше трех дней, два из которых – выходные.

– Ну да, я знаю, – не понял Урсуш. – Ладно, я попытаюсь быстрее. Что ищем-то?

– «Спирит 3013».

Илия провел рабочий день проклиная неповоротливость лаборатории, закидываясь до одурения кофе и сигаретами и читая файлы Дакатайи в поисках источника. К обеду так и не поступило новостей о новом эпизоде, и он немного успокоился, чтобы к восьми вечера снова впасть в депрессию от бесплодного перебора историй смертельных страстишек разной степени убогости.

По дороге домой, протирая слезящиеся от сигаретного дыма и чтения глаза, Илия думал, что может быть, его окольцованного голубя уже невозможно найти – он умер, и дворник смел его в костер.

Деметриуса в квартире не было. Изумляясь тишине и спокойствию, Илия принял душ, доел остатки вчерашнего ужина, выпил, чтобы освежиться, бутылку пива и лег в постель с ощущением глубокой усталости.

Он жаждал сна, душой и телом, но заснуть не мог. В его сознании хаотично сменяли друг друга картины прошлого и будущего. Он представил себя переставляющим рулоны туалетной бумаги на полках в магазине. Затем, что еще хуже, одиноким безработным, тратящим последние деньги на психотерапевта, который, позевывая, выслушает про очередной плохой день. Ему припомнились фрагменты хороших дней, когда он любил свою семью, чувствовал интерес к работе, был терпеливым и сильным. Он уже не мог дотянуться до того человека. Он даже не верил, что когда-то был им. Как

могло все рухнуть в один момент? Или не в один?

Илия вспомнил тоску, переходящую в отчаянье, сопровождавшую рутинные дела еще за несколько месяцев до того сентября, когда они разошлись с Лизой. Нет, все это нагнеталось постепенно. Как будто шестеренки в его психике сначала стали вращаться тяжелее, потом застревать, а затем часть из них и вовсе остановилась, ломая соседние, сцепленные с ними зубцами. А если он действительно болен, и уже долгое время, имеет ли он вообще право занимать эту должность? Следует ли ему уйти прямо сейчас, тем самым избежав позорного изгнания? Что, если Эфил прав? Что, если он больше ни на что не годен? В СЛ, в принципе?

Без Деметриуса комната ощущалась странно гулкой. Лежа лицом в сторону окна, Илия чувствовал тревожную пустоту за спиной. Он повернулся на другой бок и прислушался. Деметриус все не возвращался. Куда он мог деться? Илия протянул руку к мобильному и набрал номер правителя. Тот не отвечал. Преодолевая импульс позвонить Лизе, Илия вернул мобильный на место. Потом ему внезапно пришла мысль связаться с Эфилом. А вдруг телефон советника окажется включенным? Прежде чем мысль успела оформиться, он вспомнил, что так и не скопировал номер из телефона Деметриуса.

Илия встал и начал ходить по комнате. Если ему не удастся найти работу, как долго он сможет жить в этой квартире, прежде чем его выселят за неуплату? Или, если все-таки

получится куда-то устроиться, будет ли его состояние ухудшаться, вынуждая снова уволиться? Он не видел причин, почему оно не должно ухудшаться. Будущая жизнь представлялась ему пыткой.

«Повеситься», – мелькнуло в голове у Илии. Он остановился посреди комнаты, пораженный. Впрочем, после пары минут обдумывания идея уже не казалась столь уж безумной, учитывая, что самоубийство решало все проблемы сразу. Почувствовав некоторое воодушевление, он включил электрический свет и осмотрел квартиру. Где люди вешаются? Он начал припоминать фотографии с работы: на люстрах, карнизах, дверных ручках, трубах в санузле. Но все в квартире казалось таким хлипким. Неспособным выдержать его вес. Илии представилось фото его собственного тела, почему-то черно-белое, в ретро-стиле, затем отдельный кадр со strangуляционной бороздой. Нет, его поступок причинит беспокойство старушке, у которой он снимает квартиру. Она и так после прожитых лет почти весь разум растеряла. Надо покончить с собой где-то, где это никому не доставит проблем. Не обязательно сейчас, пока он еще вовлечен в расследование, но потом...

В дверь позвонили. Именно позвонили, как нормальные люди делают, а не начали колошматить кулаком по звонку. Это не Деметриус, к тому же у Деметриуса есть ключ. Илия заглянул в глазок:

– Мама?

Деметриус пришел в третьем часу ночи, застав Илию курящим в кухне. Правитель был без серег и колец, в темно-синих костюмных брюках и белой рубашке с длинными рукавами, расстегнутой до пупка. Под мышкой он держал скомканный пиджак, в руке болтался бумажный пакет.

– Где ты был? – спросил Илия, флегматично выдыхая дым.

– Все-таки выволокли на совещание. А потом навесили и то, от чего мне успешно удавалось уклоняться ранее. Я пригласил тебе кой-какой еды с приема.

– Знать решила побаловать чернь обедками, – механически сострил Илия.

– Я так и не понял, что это вообще такое, но на вкус ничего. Что врач сказал?

– Что жить буду.

– Тогда почему рожа траурная? – Деметриус достал из пакета емкости с едой и начал перекладывать их содержимое в тарелку.

– Мама приезжала, поучать и наставлять. Посоветовала мне обратиться за медицинской помощью. Не знаю, что нашло на нее. Обычно она так себя не ведет.

– Да, – сочувственно кивнул Деметриус, небрежно запихивая тарелку в микроволновку. – Представляю. Мне повезло, что меня нет матери.

– А что с ней случилось?

– Умерла от эйфории сразу после моего рождения.

Илия недоуменно посмотрел на Деметриуса сквозь сизый дым.

– Эмболии?

– Одно из двух. Меня воспитали гувернеры. Гонял их как хотел. Видишь, отсутствие матери совсем на мне не сказалось.

– Несомненно, Деметриус.

– Ты поэтому до сих пор не спишь? Из-за матери?

– Нет, она давно уехала. Я не смог заснуть.

Деметриус достал из микроволновки тарелку и поставил ее перед Илией.

– Вернулся бы ты к Лизе. Она бы тебя приласкала, и уснул бы как миленький.

Илия бросил на стол вилку.

– Ты как себе представляешь возобновление наших отношений? Я ей доброго слова не в состоянии сказать.

– Да чем же она тебя так выбесила?

– Она... она... – Илия воткнулся взглядом в тарелку, без аппетита ковыряя мясо. – Нет, я не могу сказать, что она была плохой женой. Скорее даже хорошей. То есть точно хорошей. Но всякие мелочи складировались, копились, пока не завалили меня с головой. Ну, например, когда говоришь ей, что тебе срочно нужно в ванную, а она: «Да, дорогой» – и торчит там еще минут двадцать, крася глаза. Или когда у нее ПМС, и ходишь весь день как по минному полю.

– Это все, что ты можешь ей предъявить? Она красит гла-

за? У нее какой-то там ПТС?

– Уверен, было много всего еще. Просто не могу вспомнить сходу.

– Так тебя обидела, что ты аж забыл.

Илия воинственно поднял вилку.

– Я долго терпел. Слишком долго. Пока не решил, что с меня хватит.

– Ты прям через пытки прошел, парень. Двадцать минут у двери в ванную.

– Думаю, мне в принципе не подходит формат брака. Следовало жить одному.

– Давно живешь. Расцвел.

– Я прекрасно живу один! – рявкнул Илия.

– И не «прекрасно», и не «живешь». Ты ешь, ешь, не ори.

Мне сейчас стукнуло, что Лиза для тебя рука.

– Чего? Ты опять перепутал какое-то слово с другим, Де-метриус?

– Да не, я этих вспомнил, убийцев наших. Которые руки себе режут. «Ай-ай-ай, какая плохая рука, что ты сделала, вот тебе ножом!» Да только они обломились свалить ответственность. Номер не прошел. Пришлось-таки себя насмерть почикать. Вот и Лиза для тебя как рука. Типа, все из-за нее.

– Если бы не Лиза, – прошипел Илия, поднимаясь с места, – у меня не было бы детей. Я бы не держался за опостылевшую работу. У меня было бы больше времени думать о себе и о том, какой я хочу видеть свою жизнь. Я бы не ока-

зался сейчас в этом кошмаре! – его голос поднялся до крика.

Деметриус выставил перед собой ладони.

– О чем ты вообще? У тебя нормальная жизнь, то есть была нормальная. Ты сам себя во все это загнал, – он обвел рукой крошечную кухню, заставленную чашками, полными окурков. – Вот нет теперь у тебя Лизы. Что, захорошело? Не спишь, дымишь, молоко нюхаешь.

– Я не просил тебя...

– Если хочешь знать мое мнение...

– Я не хочу знать твое мнение!

Деметриус и ухом не повел.

– А ведь все равно придется меня выслушать. Ты нервы ей треплешь, пока знаешь, что она простит, что твоя кошачья дверка открыта – в любой момент можно вернуться в дом.

– Что ты несешь? Я с ней практически в процессе развода!

– Да не собираешься ты с ней разводиться. Мне-то не втирай. Чего уж там, мы все так делаем. Кто нас больше любит, тот от нас больше всех и получает. Приятно же знать, что тебя любим стерпят.

– Ты заразился от Эфила психологическим анализом, Деметриус. Проверься, вдруг еще чего от него подцепил.

– Это тебе надо проверить голову. Пока совсем не съехал.

– Да что же это такое! Три человека отправили меня к мозгоправу сегодня!

– Так ты хоть одного из нас послушай.

– Я пойду спать. Отличный ужин. Нотация особенно уда-

лась.

– Пожалуйста, – ответил Деметриус и, вспомнив, снял накладки с зубов.

23 АВГ, ПТ

«Пятница», – подумал Илия, открыв глаза. На улице пели птицы. Илия не понимал людей, считающих птичье пение очаровательным. Однажды, прислушавшись, он различил агрессивные, истерические ноты в нем и уже не мог перестать замечать их. Спустя пять минут он не выдержал и поднялся, стремясь поскорее отвлечься от омерзительных звуков.

Деметриус сладко спал, подложив руку под голову и демонстрируя внушительную утреннюю эрекцию. Илия вздохнул, тоскливо отводя взгляд, и заметил черный блестящий, как антрацит, мобильный Деметриуса на кресле...

Разумеется, Илия не совершал ничего предосудительного, двигаясь так тихо лишь из деликатной заботы о чутком сне правителя. Впрочем, даже если и совершал – после того, как Деметриус без спроса въехал в его квартиру, он имел право на ответное пренебрежение неприкосновенностью частной собственности.

– На всякий случай, – уверил он себя. – Я не собираюсь звонить.

Скопировав номер советника в собственный телефон, Илия аккуратно вернул мобильник Деметриуса на место.

Одежда совсем закончилась. Дав себе клятву устроить вечером стирку, он надел старую бежевую футболку, которую

использовал для сна, и плотные джинсы, которые ранее носил только в холодное время года.

К курению за рулем Илия относился отрицательно, считая его аварийно опасным, но сегодня сделал исключение. На каждом светофоре он бросал долгий нетерпеливый взгляд на свой мобильный, лежащий на пассажирском сиденье. Время практически стояло. Илия не сомневался, что они там в лаборатории тоже еле шевелятся. Ему хотелось позвонить им и прикрикнуть: «Быстро! Быстро! Быстро!»

Погруженный в мысли, он молча прошел в кабинет. Через пять минут Гайя без напоминания принесла ему кофе и пустую чашку. В этот раз она не снабдила его тортиком, но бросила печальный, беззащитный взгляд из-под длинных накрашенных ресниц. При этом она наклонила голову, и ей на лицо скользнула глянцеви́тая прядь. И сам этот взгляд, и падающие на щеку волосы так сочетались друг с другом, как ее зеленоватые тени для век с ее блузкой цвета морской волны. Красиво, словно кадр постановочной фотосессии. Илия задумчиво проводил взглядом покачивающийся зад, обтянутый оранжевым атласом. Весь этот цирк начинал ему надоедать.

Он включил компьютер и начал читать файлы Дакатайи, уже не веря, что в этом есть хоть какой-то смысл. Вероятно, следует собрать вещи заранее – чтобы в понедельник не терпеть муторное, униженное пребывание на работе, в то время как слухи о его увольнении уже начнут разлетаться по ка-

бинетам. Подумав, Илия все же решил ничего не делать из опасения, что кто-то увидит, как он пакуется. Лучше подготовиться к уходу в воскресенье вечером, без лишних свидетелей. В понедельник, получив уведомление, что в нем здесь больше не нуждаются, он моментально испарится. Пусть чешут языки после его отбытия – так оно будет значительно менее травматично.

Его мобильный зазвонил. К сожалению, это был всего лишь Деметриус.

– Ты идешь ко мне! – прорычал Деметриус ему в ухо и сбросил вызов.

Глумливо ухмыляясь, Илия перезвонил и уточнил:

– Я куда иду к тебе?

Через четверть часа, сжимая в руке мобильный, Илия вошел в кафе «Розарий» и плюхнулся на обтянутый яркой искусственной кожей диван цвета фуксии.

– Половина двенадцатого. Что это подняло тебя в такую рань?

– Лиза уволилась, – буркнул Деметриус, небрежно ссыпая протеиновый порошок в бутылку с ядовито-оранжевым лимонадом. Порошок разлетался по всему столу.

– То есть как – уволилась? – опешил Илия.

Деметриус отвлекся от протеина и недовольно посмотрел на него.

– Она сказала, что четырежды подавала тебе заявление об увольнении, но ты не отнесся к этому серьезно.

– Я отнесся к этому серьезно, но она незаменимая сотрудница, и...

– Ее последнее заявление ты утопил в кофейной чашке.

– Я говорю про серьезное отношение, не действия, – поспешно уточнил Илия.

– Так что сегодня утром она приехала в твою квартиру, догадываясь, что найдет там меня, и подала заявление мне как вышестоящему.

– И ты ответил, что не можешь его принять? – понадеялся Илия.

– Нет, я его принял, – накрыв горлышко ладонью, Деметриус взболтал бутылку с такой силой, что странно, как ее содержимое не пробило стекло. – А что я, по-твоему, должен был сделать?

– Деметриус, ты не имел права увольнять мою секретаршу! – вспыхнул Илия.

– Нет, я имел право и действовал на этот раз абсолютно в рамках закона, чего не могу сказать о том, как ты себя с ней вел.

– Расскажи мне про закон, беспредельщик, – огрызнулся Илия.

– Знаешь, что... – начал Деметриус и поставил бутылку на стол. – Я обычно не вмешиваюсь, потому что мне плевать, но...

В следующий момент он встал, схватил Илию под мышки и без видимых усилий рванул его вверх. Илия почувствовал,

как его подошвы отрываются от пола, и крепче вцепился в мобильник.

– Она мне все рассказала... как ты ее изводил... грызитесь после работы, ваше личное дело... но не смей пользоваться своим положением... а то я воспользуюсь своим!

– Понял, понял, – выговорил Илия в перерыве между встряхиваниями. – Да поставь ты меня на место!!!

Деметриус разжал пальцы, и Илия кулем рухнул на диван, сконфуженно озираясь. Девушка за кассой наблюдала происходящее с большим интересом, но, к счастью, больше в зале никого не было.

– Ты псих, – Илия потер плечо и бросил на Деметриуса злобный взгляд.

– Да пойми, я же переживаю за Лизу, – пояснил Деметриус внезапно присмирившим тоном и отпил полбутылки лимонада одним небрежным глотком. – К тому же мы теряем ее только из-за твоих глупостей. А ведь она превосходный сотрудник.

– Из-за ее глупости, – поправил Илия. – Если она отказывается от работы, лишь бы сбежать от меня, так зря. Меня скоро не будет в СЛ.

– Я сказал ей об этом. Но она ответила, что это все ерунда и Эфил никогда тебя не вышвырнет. Что он будет тянуть тебя до последнего.

– Похоже, она наделяет его гуманизмом, ему несвойственным. Ладно, постараюсь донести до нее неразумность данно-

го поступка утром в понедельник.

– Она ужасно сипела. Сказала, что все еще больна и на следующей неделе не выйдет.

Илия кивнул, пытаясь не выказать досаду.

– Погоди, она заходила в нашу квартиру? – дошло до него. – Видела все это? И что сказала?

Илия отчетливо представил свою ванную, где грязное белье извергалось из переполненной корзины, походя на разноцветную рвоту, а затем и кухню, где они складывали мусор прямо в шкафчик под раковиной с тех пор, как Дементиус аннигилировал мусорное ведро.

– Сказала, молоко-то хоть выбросьте.

– Я думал, ты его выбросил.

– А я думал, ты.

Мобильный телефон Илии зазвонил. С колотящимся сердцем Илия выслушал сообщение.

– Да, хорошо. Ждите дальнейших указаний, – отключившись, он посмотрел на Дементиуса и пояснил приглушенным голосом: – Они нашли «Спирит 3013» на грядках придомовых участков жертв третьего эпизода и матери Малисы, снабжавшей дочь овощами.

– Кто-то удобрял свои грядки «Спиритом 3013»? – поразился Дементиус.

Суетливой рысью Илия добрался до лаборатории – услышать подробности и взять распечатанный отчет. Сокращений и цифр в отчете было слишком много, чтобы их мог по-

стигнуть человек, живущий на кофе и сигаретах.

– Можешь объяснить мне все это человеческими словами? – попросил Илия Урсуша и, поскольку широкое лицо заведующего лабораторией начало расплываться в улыбке, отрезал: – И никаких шуток.

– Ладно, без шуток, – разочарованно вздохнул Урсуш. – Изучив сочетание элементов, обнаруженных в почве на огуречных грядках, мы пришли к выводу, что это – с высокой вероятностью – «Спирит 3013», добавленный в почву в разбавленном водой виде, что привело к его распаду на отдельные элементы.

– С высокой вероятностью?

– Скажем так, многие вещества, которые содержит «Спирит 3013», могут присутствовать в почве по естественным причинам. Но, поскольку нам удалось обнаружить значительное количество составляющих «Спирита 3013», мы склонны полагать, что это мог быть он.

– Значительное количество, но не все?

– Нет, не все. Тебе лучше обсудить это с Мергилиусом.

– Я так и сделаю.

Мергилиус занимал просторный кабинет на втором этаже. В кабинете даже присутствовала зона отдыха, с просторным диваном и аквариумом, в котором плавали пестрые рыбы. Проработавший всего-то около года, Мергилиус не успел застать те времена, когда на головы доблестных работников СЛ целыми днями сыпалась отваливающаяся с потол-

ков штукатурка, а со стен свисали лоскуты отклеивающихся обоев. Щедрые финансовые вложения Деметриуса, всегда готового раскошелиться на всякую ерунду и даже, после стратегически верно выстроенных уговоров, на что-нибудь действительно важное, изменили внешний вид здания и моральный настрой сотрудников к лучшему. Однако, как человек многие годы гадавший, какая из подвальной плесени уже расцвела в его легких, Илия был убежден, что некоторым людям все достается слишком легко.

Мергилиус встретил его той социально-дружелюбной улыбкой, которая теоретически могла скрывать что угодно – от финансовых махинаций до убийств на сексуальной почве. На нем были отглаженные легкие брюки, белоснежная рубашка с короткими рукавами и элегантный темно-зеленый галстук. Седеющие длинные волосы и залысины на лбу придавали Мергилиусу интеллектуальный вид. Слишком безупречный тип, чтобы Илия испытывал к нему симпатию.

– Садитесь, – по-хозяйски предложил Мергилиус, указывая на диван, и Илия сразу ощутил себя подчиненным в кабинете начальника, не наоборот, как было на самом деле.

– Я хочу, чтобы вы посмотрели вот это, – объяснил Илия, вручая Мергилиусу отчет с полным перечнем элементов, обнаруженных в почве. Те, что встречались и в составе «Спирита 3013», Урсуш подчеркнул красным. – Могут ли данные результаты указывать, что в почву каким-то образом попал «Спирит 3013»?

Мергилиус пробежался глазами по списку.

– Это похоже на «Спирит 3013». Но не тот, который применяют в «Серебряной Лисице».

– Как вы это определили?

– Не хватает пигментов. В «Спирит 3013», который использует наша организация, добавлены пигменты различных видов, часть которых просматривается только в определенном свете, например, ультрафиолетовом, и покрывает лишь поверхность брикета. Это служит целям безопасности – если от брикета отделили часть и затем заменили ее похожим веществом, подмена будет обнаружена при просвечивании.

– Когда брикеты принимаются в хранилище, они так проверяются на целостность? Просвечиванием?

– Не только. Они также взвешиваются на соответствие стандарту и осматриваются на предмет нарушения внешнего рисунка – там такие бороздки на поверхности, вы, возможно, обращали внимание. Каждый поверхностный узор уникален и занесен в специальную базу, поэтому брикет можно с легкостью проверить на подлинность или же идентифицировать в случае утраты маркировки.

– Были ли случаи нарушения целостности или пропажи брикетов?

– Будь они, вас уведомили бы первым, Илиус.

Илия выдохнул и запустил пальцы в волосы.

– Что-то еще? – любезно осведомился Мергилиус.

– Насколько опасен «Спирит 3013»?

– Каждое вещество в составе «Спирита 3013» способно накапливать спирт, однако вместе они вступают в синергетическое взаимодействие и приобретают способность стягивать спирт из окружающего пространства и запирают его в себе. Так что сам по себе брикет «Спирита 3013» не представляет опасности. Его можно спокойно брать в руки.

– А если съесть кусочек?

– Под влиянием желудочных соков «Спирит 3013» распадется на отдельные компоненты и связь между ними ослабнет. Чистый спирт высвободится и попадет в кровь. Это прямой удар, и он гораздо более сильный, чем внешнее влияние спирита при нахождении в зараженном месте.

– А если «Спирит 3013» расщепить, смешать с водой и добавить в почву?

– Вода ускорит процесс распада, а затем будет втянута корнями растений. А вместе с ней и высвободившийся спирт, тем более что он и сам по себе стремится к органической материи.

– Она была беременна, – пробормотал Илия.

– Простите? – моргнул Мергилиус.

– Одна из жертв, – Илия взлохматил волосы. – Она мучилась от токсикоза и ела много овощей. Вот поэтому она подверглась влиянию раньше других.

– Да, – кивнул Мергилиус. – Такое, разумеется, возможно.

– Спасибо, Мергилиус. Вы были очень полезны.

Илия поднялся в свой кабинет и вызвал Айлу. Тот явил-

ся через пять минут – в желтой рубашке с разноцветными попугаями и со своей обычной невозмутимой физиономией. Выражение лица Айлы не поменялось и после того, как Илия пересказал ему все новооткрывшиеся обстоятельства.

– Проверьте, кто снабжал овощами остальных жертв и где эти овощи были выращены. Пусть лаборатория возьмет пробы почвы, уделяя особое внимание грядкам с огурцами. И... я не знаю, как вы объясните это владельцам, но все огурцы вместе со стеблями и корнями должны быть изъяты. Придумайте что-нибудь.

– Хорошо.

– Уверен, «Спирит 3013» будет обнаружен, – вздохнул Илия. – Теперь, по крайней мере, мы понимаем, каким образом спирт попадал в пищу жертв, постепенно сводя их с ума. Хотя пока неясно, откуда взялся сам «Спирит 3013». К СЛ он не имеет отношения.

– Считается, что запасы производителей синих таблеток были полностью ликвидированы. Если же какое-то количество нелегального «Спирита 3013» сохранилось, спустя столько лет будет сложно выяснить, из чьих рук он был получен и куда был направлен потом.

– То есть мы едва ли сможем определить распространителя.

– Да.

– Поспрашивайте еще раз насчет подозрительных лиц, – Илии вспомнилась фраза, брошенная Деметриусом, и он

спонтанно добавил: – Узнайте, что они сами добавляли в почву. Может, какие-то удобрения. И, Айла, снабди всех в команде номером моего мобильного на случай поступления важной информации.

– Хорошо.

– Мы сдвинулись с мертвой точки. Я нас поздравляю.

– Да, это прорыв, – вежливо согласился Айла.

– Айла, что-нибудь способно вызвать у тебя бурную эмоциональную реакцию? – не выдержал Илия.

Айла задумался на минуту.

– Вероятно, моя будущая жена.

– А ты уже встретил такую девушку?

– Еще нет.

После четырех часов от команды Айлы начали поступать сведения. Все жертвы получали овощи от родственников либо покупали у частных лиц. Никакой подозрительной активности на территории участков не зафиксировано. Грядки обогащались стандартными заводскими удобрениями. Илия набросал все упомянутые названия, расчертив лист на две колонки: «огурцы» и «остальное». Поле «остальное» заполняли самые разные названия. Но в левой колонке упорно повторялось одно: «Е-605».

– Уточните, где приобрели «Е-605», – попросил он Айлу по телефону.

К четверти девятого он получил название крупного магазина в центре, уже закрытого на ночь, и, скрипнув зубами,

вынужден был дать сотрудиникам отбой.

– Айла, опроси, кто готов выйти на работу в выходные дни. Мне нужно минимум пять человек.

– Опрошу. Думаю, они все готовы поработать.

Илия убрал мобильный в карман джинсов и поднялся из-за стола, чувствуя себя взвинченным и измотанным. Голова, соответствуя его общему физическому состоянию, отчаянно болела.

Гайя все еще сидела за компьютером.

– Вы не отправились домой? – удивился Илия.

На него вдруг накатило раздражение. У нее не было причин так задерживаться. Всю неделю она не делала ничего, кроме как наливала ему кофе и демонстрировала бабочку, сочувствие и избыточную заботу.

– Вечер пятницы, – констатировала Гайя. – У меня есть к вам одно предложение... Что, если нам сходить куда-нибудь развеяться? Здесь так душно... Я совершенно исстрадалась.

Она встала и медленно расстегнула две верхние пуговицы блузки. Илия перевел взгляд на бабочку в ее декольте. Один и тот же заезженный прием, в который раз.

– Полагаю, Гайя, после вашей выходки с поцелуем нас уже обсуждают достаточно, чтобы еще выходить куда-то вместе.

– Нам не обязательно ставить коллег в известность, куда и с кем мы идем.

– Я иду домой. Вам бы я тоже посоветовал отправляться к себе и раздеться там хоть догола, если уж вы так измучены

жарой, – холодно порекомендовал Илия и вышел.

В спину ему донеслось грустное:

– До встречи.

Голос Гайи был мягок и сладок, как перезрелый персик, и Илию стало стыдно. Даже если ее поведение сложно назвать приемлемым, такой резкой отповеди она не заслужила. В конце концов, она сделала эту неделю несколько более комфортной. Может, это и есть настоящая старость, когда тебя домогается молодая девушка, а ты только мучаешься подозрительностью да размышляешь, не пора ли принять еще парочку обезболивающих таблеток?

– У нас появились зацепки, – едва войдя в квартиру, крикнул он из коридора Деметриусу.

– Я верил, что однажды тебе повезет.

Пахло укропом. Илия заглянул в кухню и увидел Деметриуса, нарезающего зелень на тарелке.

– Ты готовишь ужин?

– Мне все чаще приходит в голову, что, если за тобой не проследить, ты умрешь.

Илия продолжал озиаться.

– Ты что, убрался?

– Конечно. Видишь же, здесь стало чище.

– Не то чтобы чище. Просто ощущение, что вещи разбросаны по-другому.

Проверяя свое подозрение, Илия заглянул в холодильник. Так и есть, пачка с молоком на месте.

– Не путайся под ногами, – потребовал Деметриус. – Возьми пиво из холодильника. Встань где-нибудь, где ты будешь меньше мешаться, порежь огурцы в салат и расслабься.

– Если ты хочешь, чтобы я расслабился, не заставляй меня смотреть на огурцы.

В одиннадцать вечера Илия принял пару таблеток от головной боли и лег в кровать, окруженный колышущимся мараевом боли. В голове копошились тысячи муравьев. Деметриус, принужденный сидеть в кухне смиренно и не шуметь, не выдержал и заглянул в комнату.

– Я здесь от жары сдохну. Пойду прогуляюсь.

– Вали.

Когда в коридоре хлопнула дверь, Илия дотянулся до своего телефона, улегся поудобнее на спину, накрыв ладонью агонизирующий лоб, и набрал номер Эфила, ожидая услышать «Абонент недоступен». К его удивлению, гудки пошли.

– Привет, – просипел Илия.

– Привет, – голос Эфила можно было разливать по чашкам, как горячее желе. На фоне слышался звук воды, бегущей из крана, и плеск.

– У меня есть подвижки.

– Чудненько. Пара хороших ударов – и вуаля, ты работаешь. Как телевизор. Но не жди, что я засяду наслаждаться просмотром.

– То есть твои планы насчет меня не изменились?

– Я не беру свои слова назад. Ты наказан. Никаких мульт-

фильмов и конфет. В следующий раз будешь убирать свою комнату по первому требованию. Хотя нет. Я же тебя выселяю.

– Мне нужно еще немного времени. Делай как хочешь – вручи мне уведомление об увольнении в понедельник, только не отстраняй меня. Дай доработать положенные десять дней, – взмолился Илия. – Я хочу разобраться с этим.

– Мое решение окончательное. С понедельника я тебя отстраняю.

Илии хотелось швырнуть телефон через всю комнату, и, сопротивляясь самому себе, он сжал мобильник крепче.

– Уверен, ты наслаждаешься ситуацией. Каждой паршивой секундой.

– О да. Садизм снимает нервное напряжение. К тому же мне довольно скучно здесь, в клинике, – Эфил шумно выдохнул дым.

– Что я тебе сделал? – не выдержал Илия. – Много лет я был добросовестным сотрудником. Но как только у меня возникла черная полоса, ты спустил на меня всех собак.

– Не «как только». Я дал тебе достаточно времени.

– Да, признаю – я держался отчужденно, закопался в личные проблемы. Но я вполне справлялся со своими обязанностями до того, как Малисса схватилась за ножницы! Это сложное дело. В нем все не так с самого начала. Кто угодно, окажись он в моей ситуации, испытал бы сложности.

– Мне не нужны люди, которые «оказываются в ситуа-

ции». Мне нужны те, которые хватают ситуацию за загривок и заставляют ее повиноваться.

– Но...

– Никаких «но», – оборвал Эфил. – Не желаю слушать твои жалкие оправдания. Я терпим к людским недостаткам, но я презираю слабаков.

– Это сильно заметно по твоему выбору постельных партнеров, – с иронией выдал Илия.

– Если уж попал в замес, так трепыхайся до последнего, – отчеканил Эфил, окончательно теряя мягкие укуренные интонации. – Не жди, что я протяну тебе руку.

– Именно этим я и занимаюсь, – прорычал Илия. – Барахтаюсь изо всех сил. У меня еще два дня в запасе, завтра каждый из команды будет на своем месте, и мы продолжим...

– Я отказываю тебе. И если хоть у кого-то из ответственной за серию группы пройдет по счетам оплата сверхурочного дня, я вкатаю тебе превышение полномочий.

– Что? Мы, наконец, продвинулись! Может быть, мы близки к завершению! И ты блокируешь расследование?! – Илия резко поднялся и начал ходить по комнате.

– Нет. Это обычный перерыв на выходные. В понедельник расследование будет продолжено, но без тебя.

– Сверхурочная работа – это обычная практика при ЧП!

– У нас нет ЧП. Разве что твоего персонального масштаба. Вот ты с ним и разбирайся. Не пытайся выехать на команде.

– Что значит «мое персональное»? Есть внешняя, объек-

тивно проблемная ситуация, и...

– Нет, Илия, есть объективные проблемы в твоей собственной голове, которые привели к тому, что внешняя ситуация зашла слишком далеко.

– Я... я... – не способный подобрать слова, Илия присел на пол возле кровати и запустил свободную руку в волосы.

– Знаешь, почему я до сих пор не передал дело Джулиусу? – осведомился Эфил.

– Без понятия.

– Джулиус словно очень упорная собака. Весь огород перекопает, чтобы найти кость. Но в этом деле интуиция важнее упорства, потому что многое здесь действительно необычно и странно, и кость в итоге может оказаться подвешенной в воздухе. Я всегда выделял тебя за способность полагаться на свои чувства и находить ответ интуитивно. Но сейчас ты слишком сосредоточен на своем возрастном кризисе, чтобы замечать что-то еще. Ты напоминаешь мне кота с обрезанными усами.

– Послушать, так с каким зверьем тебе приходится работать, Эфил, – ехидно посочувствовал Илия.

– И не говори. Иногда чувствую себя как цирковой дрессировщик после долгого рабочего дня, – вздохнул Эфил и продолжил внезапно бодрым, дружелюбным тоном, как будто их предыдущий разговор обнулился: – Ты подумал о зефирках?

Илия вздрогнул и зашарил рукой по кровати в поисках

сигаретной пачки.

– Мы когда-нибудь закроем тему зефирок?

– О, эта тема вечна. Итак, каков твой выбор сегодня?

– А мне есть из чего выбирать? Прошлый раз я выбрал «взять одну сразу», и ты обрушился на меня с объяснением, почему я ужасно неправ. Так что теперь мне остается только ждать, чтобы получить две.

Эфил скорбно прицокнул языком.

– Это что еще за цоканье? – подозрительно осведомился Илия.

– Видишь ли, этот вариант, назовем его «Обманутые ожидания», еще хуже.

– И почему я заранее ожидал подставы, Эфил, – Илия прикурив сигарету. – Дай угадаю. Зефир никогда не оказывается таким сладким, как в мечтах.

– Именно, ты уже начинаешь что-то понимать. Видишь ли, чем дольше мы ждем награды, чем больше стараемся ради нее, тем большего мы от нее ожидаем. Мы рисуем в своем воображении, как будем счастливы, когда получим желаемое. «Однажды меня повысят, и жизнь станет чудесной». «Я добьюсь этой девушки и взлечу в облака от радости». Проблема в том, что в реальности не бывает чистого зефира. Внутри всегда запрятан маленький камушек, о который зуб если и не сломаешь, так хоть немного надколешь. И вот тебя повысили, зарплата стала больше в два раза, а нервотрепка – в три. Девушка теперь жена и все еще красотка, но перио-

дически пилит. Вот и накатывают мысли, что в итоге все оно как-то безрадостно. Но ты ведь и без меня это знаешь, да, Илия? Какие из тех вещей, что ты ждал когда-то с чувством эйфории, радуют тебя сейчас? Работа, которая выжала тебя досуха? Жена, с которой ты больше не в состоянии общаться?

– Ты прав. Меня ничто не радует. Я разочаровался во всем. Я не в силах чего-то хотеть и на что-то надеяться, – сказал Илия. Он поразился насколько легко, как облачко сигаретного дыма, смог выдохнуть это признание. Как будто был настолько ранен, что уже не боялся никакой боли. – Но меня беспокоит твой тест. В нем два решения, и оба ведут к неудаче. Если ты не готов к самоограничениям и усердию, ты приходишь к тоске по упущенным возможностям и неудовлетворенности. Если ты готов подавить свои желания и стараться изо всех сил, ты заканчиваешь ощущением, что все твои достижения не компенсируют упущенных удовольствий и потраченной на труды жизни. Если любой выбор заканчивается крахом, значит ли это, что выбора нет вовсе?

– Нет выбора? Может и нет. А может, ты копаешь землю, когда надо поднять голову и посмотреть над собой.

В следующий момент раздались короткие гудки. Илия слушал их какое-то время, а потом снова набрал номер Эфила. «Абонент отключен».

Хлопнула дверь, Деметриус ввалился в комнату и увидел Илию, все еще сидящего на полу возле кровати.

– Ну и лицо у тебя. Ты говорил с Эфилом?

– Именно.

– Он мастер вытрахивать мозги, да? – риторически спросил Деметриус и скрылся в ванной.

Илия позвонил Айле.

– Айла, завтра все отменяется. Обзвони всех, пусть остаются дома.

– Почему? – поинтересовался Айла после минуты молчания, и Илия с удивлением заметил в его голосе раздражение.

«Потому что советник курит слишком много травы».

– Так получилось. Хороших выходных.

24 АВГ, СБ

Илия проснулся за пять минут до семичасового будильника. Полежал с открытыми глазами, глядя в потолок, залитый ослепительным солнечным светом. У него было странное ощущение – как будто его уже признали мертвым, а он вдруг проснулся и обнаружил, что жизнь продолжается, какой бы паршивой она ни была. Выключив будильник, он встал, выкурил сигарету, глотнул пива, почистил зубы, попытался найти хоть какую-то одежду, но, кажется, все давно переместилось в корзину для грязного белья. Смирившись, натянул вчерашние джинсы – с полным осознанием той неизбежности, что его яйца еще до обеда сварятся вкрутую. Ладно. У него двое детей и не то чтобы он планирует третьего.

– Деметриус, мне нужна футболка.

Деметриус со стоном перевернулся на спину и посмотрел на него узкими спросонья глазами.

– Куда ты собрался?

– В «Мечту садовода». Мне нужно получить данные о производителе «Е-605».

– Что такое «Е-605»?

– Минеральное удобрение для огурцов. Представляет собой порошок, требующий разведения водой. Добавляется в почву в период цветения огурцов для лучшего образования завязей – не спрашивай, что это. В нашем случае в его со-

ставе оказался «Спирит 3013», и результат превзошел заявленный на упаковке.

– Ты подозреваешь производителя?

– Если это крупный концерн, будет нелегко установить, кто из сотрудников повинен.

– Твой телефон звонит.

Илия посмотрел на крошечный зеленый экран, только сейчас осознав, что слышит громкую дребезжащую трель. Черными буквами высвечивалось имя Айлы. Илия щелкнул по кнопке «принять».

– Доброе утро, Айла.

Вероятно, Айла по привычке поднял для приветствия руку. Потому что вслух он здороваться не стал.

– Я еду в Хведрек.

– Что там, в Хведреке?

– Завод производителя «Е-605».

– «Мечта садовода» еще закрыт. Как ты выяснил адрес производителя?

– Одна из наших вчерашних собеседниц предположила, что у нее мог где-то заваляться пакет «Е-605», вот только не смогла найти его. Я оставил ей номер своего мобильного. Ночью она позвонила. Я съездил к ней. Адрес производителя прочел на упаковке.

– Сдашь потом пакет в лабораторию.

– Конечно.

– Айла, ты был мною проинформирован, что расследова-

ние приостанавливается на выходные?

– Да.

– Ты осознаешь, что этот рабочий день не будет тебе оплачен?

– Да.

– Ты поворачиваешь машину и едешь в Торикин прежде, чем твое непослушание навлечет на меня неприятности?

– Нет.

Это был настолько бесхитростный и категоричный ответ, что Илия только и смог, что усмехнуться да спросить:

– Почему?

– Потому что это нерационально.

И вот поспорь с ним. Ладно, решил Илия и задумчиво поскреб пятно грязи на джинсах. Конечно, Эфил может обрушить на него неприятности, если докопается до факта, что Айла нарушил приказ начальства, а начальство и не подумало это пресечь. Но Илия еще помнил то освежающее чувство, когда он осознал, что повешение решит все проблемы, поэтому решил не грузиться.

– Через сколько ты будешь на месте?

– Часа через полтора. И еще около трех часов пути назад. Три часа туда, три обратно – шесть.

– Тогда я лучше подожду результатов здесь. В итоге может получиться, что мы потратим время разумнее. Будь осторожен, просто прозондируй почву. Никаких убийств, только несколько случаев отравления тяжелыми металлами, к

счастью, не летальных. Посмотри на реакцию собеседников. Узнай, как осуществляется производство, кто непосредственно участвует в процессе.

– Я справлюсь.

– Я в тебе не сомневаюсь. Жду.

Айла позвонил менее чем через два часа.

– Директор производства утверждает, что пакет «Е-605», купленный в «Мечте Садовода», произведен не ими. В «Мечту Садовода» они вообще ничего не поставляют. Он показал мне пакетик с фирменным удобрением и, действительно, при тщательном осмотре можно заметить разницу. Хуже качество полиграфии и бумаги. Оказывается, производство контрафактных удобрений довольно распространено. Состав указан на упаковке, некоторые секретные ингредиенты можно узнать от заводских работников за определенную мзду. Все это закупается, смешивается, запаковывается и продается как продукция зарекомендовавших себя производителей. Иногда оригинальный товар разбавляется чем-то для массы и переупаковывается. Либо же пакуют известняк, мел, тому подобное.

– Понял тебя. Отправляюсь в «Мечту». Директор магазина должен быть в курсе собственных махинаций.

– Я еду с тобой, – крикнул из-за спины Деметриус.

– Я еду без тебя.

– И без футболки.

– Это шантаж.

– Но еще не причинение телесных повреждений.

– Кидай сюда футболку.

Собственно, сопротивлялся Илия только для вида. Он понимал, что отделаться от Деметриуса, когда дело сдвинулось, не удастся. Да и кондиционер в машине Деметриуса был сильным аргументом за. Илия поймал брошенную футболку и развернул. Спереди ее украшало изображение торса скелета с частично поломанными ребрами.

– В твоем гардеробе бунтующего подростка есть что-нибудь для взрослых?

– Есть, но майку с оборотнем я надену сам.

Утром выходного дня дороги были приятно пусты, и они добрались до «Мечты Садовода» менее чем за двадцать минут – чтобы обнаружить, что открывается магазин только в 10:00. Около получаса им пришлось любоваться на зеленые стены здания, разрисованные бледно-розовыми пионами, и затем еще столько же простоять в зале магазина, ожидая директора, который (после обещания выслать официальную повестку) любезно согласился подъехать пообщаться с ними. Фактически СЛ к полиции не относилась, следовательно, вызвать кого-то в полицейский участок они никак не могли, да и полицейское удостоверение Илии было фикцией, пусть весьма убедительной – с настоящими печатями и прочим. Однако директор магазина не мог этого знать. Илия порадовался, что, заказывая удостоверения для упрощения работы уполномоченных, он на всякий случай позаботился

и о себе.

– В вашем магазине выявлены продажи фальсификата «Е-605», включающего примесь тяжелых металлов.

– Быть такого не может, – директор смотрел на них не моргая, с застывшей улыбкой на яйцеобразном лице.

Последовал мутный разговор, полный отпирательств, явной лжи и вихляний в никуда, и Илия уже предвидел, что это затянется надолго, но четверть часа спустя Деметриус притомился слушать и устремился к истине прямым и коротким путем старого недоброго физического насилия. Он схватил директора под мышки и поднял. Наблюдать легкие движения Деметриуса со стороны было даже приятно. Илия помнил, каким беспомощным и выведенным из душевного и физического равновесия ощущаешь себя в этом положении, но директору не посочувствовал, предпочтя цинично воспользоваться ситуацией:

– Если вы продолжите отмалчиваться, то раз: мы обвиняем вас в распространении фальсификата. Два: в препятствии работы полиции. И три, так как пострадали люди: в причинении смерти и тяжкого вреда здоровью.

– Его зовут Вальберуш. Я знаю его имя и номер телефона. Больше ничего.

– Этого хватит, – Илия махнул Деметриусу. – Отпусти его. Деметриус разжал руки, умышленно плюхая директора магазина мимо стула.

– Кроме «Е-605» в зале есть фальсификат? – спросил

Илия.

Молчание директора говорило само за себя.

– «Е-605» мы изымаем прямо сейчас как опасное вещество. Все пакеты из зала и со складов тоже.

– Я не смогу организовать доставку со склада раньше, чем через два часа.

– Ничего страшного. Мы подождем, – заявил Илия. – Берите трубку. Запускайте процесс.

– Я могу помочь вам чем-то еще? – без энтузиазма осведомился директор, завершив звонки.

– Конечно. Наберите своего дилера. Скажите, что один из ваших партнеров по бизнесу заинтересован в крупной партии. Где он базируется?

– Не знаю. Мы всегда встречались в моем кабинете.

– Тогда не напрашивайтесь к нему в гости, а то еще заподозрит чего. Пригласите подъехать к вам к 13:00. И следите за интонацией.

Они внимательно прослушали разговор. Голос директора звучал нейтрально, хотя телефонную трубку в его руке заметно потряхивало. Закончив, директор вытер рукавом потное лицо и посмотрел на часы. Одиннадцать.

– Я сообщу вам о его приходе.

– Спасибо, – нейтральным тоном поблагодарил Илия. – Мы тут пока посидим, кофе выпьем.

– Вы серьезно намереваетесь надзирать надо мной все это время?

– Именно так, – подтвердил Илия и перевел взгляд на Деметриуса, намеренно избегая обращения к нему по имени. – Оставайся здесь. Я выйду покурить. Десять минут.

Ровно к 13:00 – похвальная пунктуальность – явился Вальберуш, мелкий мужичонка невыразительного вида. Увидев Деметриуса, он резко потерял интерес к бизнесу и попытался ускользнуть обратно за дверь.

– А ну, стой! – взревел Деметриус, медвежьей лапой стиснув хлипкое предплечье визитера.

В глазах Вальберуша мелькнул отчаянный огонек и тут же погас, сменившись черной матовостью. Илия понял, что уж этот будет отпираться до последнего, в отличие от директора «Мечты», быстро смекнувшего, что лучше штраф и малый или даже условный срок за незаконные сделки и продажу фальсификата, чем многолетняя отсидка за вред, нанесенный здоровью потребителей. Отстранившись, Илия позволил Деметриусу удариться в дикий бег, надеясь только, что тот сгоряча не отойдет от их формальной версии про тяжелые металлы.

– Выкладывай все, засранец, – прямолинейно начал Деметриус.

– Что выкладывать? – Вальберуш ответил Деметриусу враждебным взглядом и пригладил редеющие темные волосы на макушке.

– Откуда взял, где пакуешь.

– Ничего не пакую. Вы о чем вообще?

– Приехал тогда чего?

– Он меня позвал поболтать, – Вальберуш показал на директора. – Приятель мой старый.

– А мы думали, ты по делу.

– Какое дело, мы с ним пива собрались вместе выпить.

Сегодня вообще выходной.

– А он говорит, что ты тут барыжишь с ним заодно.

– Не знаю, почему он так говорит, – возразил Вальберуш, почти восстановивший уверенность в себе.

Деметриус вспыхнул.

– Из-за тебя, урод, люди потравились!

– Не знаю никаких людей, – отрезал Вальберуш.

– Ах ты, скотина...

Отступив на безопасное расстояние, Илия наблюдал, как Деметриус встряхивает Вальберуша, удерживая его, словно кота, за шкуру. Конечности Вальберуша подергивались, будто тряпичные. Десять минут спустя, уже опасаясь, что дело подходит к увечьям, Илия все-таки вмешался, хлопнув Деметриуса по бугрящемуся налившимися мышцами плечу:

– Ты полегче, а то тебя самого привлекут. Отпусти его, все, отпусти. У нас пока ничего нет на него.

Почуввав свободу, Вальберуш устремился к двери.

– Уроды вы, – выпалил он. – Я на вас стукну куда следует.

– Притон твой мы разыщем, – бросил ему в спину Илия. –

Жди с визитом, суши сухари.

Вальберуш хлопнул дверью и спринтанул к лестнице.

– И что? – возмутился Деметриус. – Мы так просто его отпустим?

– Меня-то вы, наконец, оставите в покое? – нервно осведомился директор магазина.

Тут в дверь постучались.

– Заходите, – пригласил Илия.

В кабинет вошли двое полицейских, облаченных в темно-зеленую форму.

– Занимайтесь им, – махнул Илия на директора, подхватил ящик с «Е-605» и вышел.

– А этот засранец плюгавый смылся. Смылся! Если бы ты мне позволил, я б его так придавил, что он бы все выложил! – заштормил Деметриус, едва они вышли из здания.

Илия указал ему на машину.

– Садись и не громыхай тут. Из этих пионов уши торчат.

– Спасибо, Деметриус, твои дефекты характера пришлись очень кстати, – поблагодарил Илия внутри машины, убедившись, что все окна закрыты. – К третьему разу я не только научился предугадывать твои вспышки агрессии, но и использовать их на пользу делу. Хотя ты все же следи за собой. Мы должностные лица, мы не можем применять физическое насилие. Только психологическое, – добавил Илия, подумав. – Оно не оставляет следов. Что касается Вальберуша, так иначе как под пытками, которые – услышь меня – незаконны, он бы тебе ничего не сказал. У него если и есть где-то ангар, то, будь уверен, арендованный нелегально, еще

попробуй найди. А если директор говорит, что поставлял – так что ж, это только слова. На месте Вальберуша любой со здравым смыслом будет отбрыкиваться до последнего.

– И чё делать теперь? Вот он уехал.

– Уехал. Весь переполошенный. Сейчас начнет следы за метать. Айла присмотрит за ним.

– Ты звонил Айле?

– Да, когда вышел покурить. Сказал подъезжать к «Мечте» и сесть Вальберушу на хвост. Заодно вызвал полицию для дальнейшего общения с директором. Продажа фальсификата – это их забота. А мы пока разберем ситуацию с Вальберушем, – Илия нашел в бардачке сигареты и закурил, пуская дым в салон. – У нас три варианта. Первый: он знает, что пакует «Спирит 3013». Тогда наши страсти с тяжелыми металлами его не проймут, потому что из опасных веществ там только сам спирт, который невозможно выявить лабораторными методами. Но поняв, что на него обратили внимание, он может забеспокоиться и предпринять действия, которые нам будет интересно пронаблюдать. Второй: он знает или допускает, что в его смеси могло попасть что-то не то, и тогда мы теоретически сумеем его дожать, добавив антуража. Не сумеем, так хоть выводы сделаем по реакции. Третий: он вообще ничего не знает, приехал к своему превосходящему по социальному статусу приятелю потусить, а тот его оговаривает, лишь бы самому отмазаться. И что-то в морде Вальберуша подсказало мне, что третий мож-

но даже не рассматривать. Поехали в СЛ, потом продолжим с ним. Мне нужны фоточки.

Из архива Илия позвонил Айле.

– Как дела?

– Пасу. Едем к окраине. Тут уже гаражи и индустриальные здания.

– Где точнее тебя искать-то?

Выслушав указания, Илия пообещал:

– Скоро будем.

Они нашли темно-зеленую машину Айлы притулившейся за гаражами. Сам Айла втиснулся в узкий проем между двумя кирпичными блоками, поглядывая на большой барак через дорогу.

– И вы с нами, Ваше Величество? – спросил он, отчетливо выражая сомнение в разумности данной инициативы.

– Он утверждает, что в жизни люди его не узнают, – вздохнул Илия.

– А ты как считаешь, Айла? – поинтересовался Деметриус.

– Впервые увидев вас в СЛ, я удивился, как вообще в здание пропустили такую бандитню. И уж тем более я не мог поверить, что эта бандитня – правитель Ровенны.

– Вот видишь, Илия, – гордо ослабилсЯ Деметриус. – Когда я не прячу свои клыки и татуировки, людям и в голову не приходит сопоставить меня с тем типом в наглаженном костюме, которого они видят по телевизору.

– Да нет, я думаю, все дело в осмысленном взгляде, который Эфил заставляет тебя изобразить, – возразил Илия. Он заглянул в машину Деметриуса, взял с заднего сиденья папку, забитую бумагами, и напомнил: – Деметриус, твоя задача – молчать.

– А ты считаешь, я не смогу выстроить допрос правильно?

– Я считаю, что ты замечательно выступил в предыдущие два раза. Теперь дай нам порулить. Пошлите.

Дверь в барак была заперта – ровно до того момента, когда Деметриус с разворота вышиб ее ногой. Внутри, в единственном зале, оказалось достаточно коробок и подозрительного оборудования, чтобы надолго занять Вальберуша разговором с полицейскими, которые к нему, несомненно, придут, и скоро.

Вальберуш, хоть и чрезвычайно взвинченный их предшествующим разговором, но все же в итоге застигнутый врасплох, разжал ослабшие руки, с шумом роняя рюкзак на земляной пол.

– А что в рюкзаке? Компромат упаковал? Молодец, – похвалил Илия. – Отойди на десять шагов и не трогай. Вот так. А теперь шмыгай за стол, – Илия указал на доски, сложенные на козлах.

Вальберуш сел на деревянную лавку. При желании Илия, Деметриус и Айла сумели бы отыскать себе по табуретке, но все трое предпочли постоять, угрожающе нависая над допрашиваемым.

– Мы тут материалы подготовили. Чтобы тебе не пришлось напрягать воображение. Айла, разложи, – Илия передал Айле папку.

Айла развязал тесемки папки и начал раскладывать на досках фотографии, неспешно извлекая их одну за другой. Илии пришлось потратить некоторое время в архиве, копаясь в фотоматериалах различных дел. Его интересовали прежде всего эффектные снимки – чтобы лужи рвоты, закатившиеся глаза, потеки изо рта. Выложенные в ряд, фото смотрелись весьма эффектно. Вальберуш коротко зыркнул и сразу отвел взгляд.

– Нравится? Гордость за себя чувствуешь? Сейчас мы соберем в твоём бараке все это дерьмо, которого тут горы, и отправим на анализ. И ты, мой дорогой, сядешь за то, что пихал людям непонятно что под видом проверенного товара, а они на этом фрукты-овощи ядовитые растили и мёрли.

– И вкатят тебе умышленное, – тихо добавил Айла. – Потому что сыпал и не парился.

Вальберуш обхватил себя руками и сгорбился.

– Я использовал только безвредные вещества. Я в них разбираюсь, я химик. Я не виноват в этом, – он угрюмо качнул подбородком в сторону фотографий. – Во всем.

– У меня на столе в участке лежит экспертиза «Е-605». Там такая смесь – слона свалит. Поехали, посмотришь.

– Это могла быть только одна партия, – не выдержал Вальберуш. – С прошлого года.

– Рассказывай.

– Уберите фотографии.

– Расскажешь – уберем.

– В прошлом году, в конце июля, ко мне обратился приятель. Тордуш его зовут. Его собака на улице чего-то наелась, и ей поплохело. Вот он и хотел узнать, что это может быть и что с собакой теперь делать, а меня спросил, потому что я химик-технолог. Дал мне комок, такой серый, в крапинку, в бумагу завернутый. Я не мог с ходу сказать, что это, но взял, обещал, что посмотрю. Пришел в свой барак, а тут мне звонят по делу, я и забыл совсем про сверток. Вспомнил вечером. А мой напарник его уже по пакетам рассыпал. Я ему говорю: как так? куда? А он его принял за мел или еще за что, растолок и кинул в общую массу. Смотрю я на подготовленную партию и думаю: что делать-то с ней? Вот и решил – ну, сколько этого непонятно чего в итоге по пакетикам попало, если там один этот комок на пару кило известняка? Да и люди в кашу класть же не будут этот «Е-605».

– И ты позволил ядовитому веществу, отравившему собаку, поступить в продажу?

– Так собака оклемалась, – панический взгляд Вальберуша на секунду запрыгал по фотографиям, затем снова сместился от них подальше. – Может, она вообще не с того валялась.

– Если партию упаковали в прошлом году, почему только в этом году пакетики со странной примесью поступили в

продажу? – задал вопрос Айла.

– Продажи вяло пошли. В итоге так и не понадобилась партия. Простояла до следующего лета. Но она одна такая была – точно, клянусь. Сейчас уже разошлась.

– Собери «Е-605», Вальберуш, – приказал Илия. – Весь что есть. Мы его конфискуем. И если в новой партии мы снова найдем токсичные вещества, ты уже точно сядешь на всю оставшуюся жизнь.

Вальберуш встал, заходил по бараку, шаркая ногами. Илия молча сложил фотографии и вызвал наряд полиции.

– Тут всё, – Вальберуш поставил коробку к ногам Илии.

Айла вытащил один пакетик, надорвал, высыпал содержимое на ладонь, отыскивая темные крупинки. Однородный серый порошок.

– Этот, кажется, без примесей.

– Напиши мне адрес, где твой приятель Тордуш живет, – потребовал Илия у Вальберуша. – Пиши, пиши. И молись, чтобы он подтвердил твою историю. Сейчас за тобой подъедут. В участке советую быть общительнее. Про себя расскажи и про тех, кто с тобой тут работает, тоже, – он прервался, услышав звук подъезжающей машины. – Вот и экипаж твой прибыл. Готов забрать на бал.

– Молчал как немой, Деметриус, ты прекрасно справился, – похвалил Илия, когда они покончили со всем в бараке и дошли до машин.

– Кроме сбыта фальсифицированной продукции полиция

ему ничего привлечь не сможет, – заключил задумчивый Айла.

– Мы им намекнем, чтобы уж дали тогда по полной. Айла, езжай за нами.

– Хорошо.

Айла сел в свою машину, Илия поехал с Деметриусом. С грунтовой дороги поднималась желтая пыль.

Тордуш жил в старом двухэтажном доме на четыре квартиры, построенном лет шестьдесят назад, но свежеекрашенном и поддерживаемом в хорошем состоянии. Окрестности утопали в зелени, радующей глаз после пустынной индустриальной безжизненности района, где они побывали ранее. По скрипучей покрытой темно-зеленой краской лестнице они поднялись на второй этаж и постучались, но внутри было тихо.

– Его нет дома, – констатировал Айла.

– Нет, он должен быть, – возразил Илия и с ожесточением застучал по двери.

Соседняя дверь приоткрылась, и выглянуло немолодое, безмятежное лицо пожилой женщины.

– Вы бы не ломались, – спокойно сказала она. – Их семья уехала.

Илия чуть не застонал в голос.

– Куда? Вы знаете?

– На отдых. Точнее не скажу. Но уже завтра должны возвратиться.

– Завтра? – вернулся к жизни Илия. – С утра?

– Да вроде с утра, точнее не помню.

– Спасибо, – Илия обреченно кивнул.

– И у нас простой, – объявил он на улице. – Айла, коробки с «Е-605» я сам потом завезу в СЛ, все равно мне туда по делу. Пусть в лаборатории изучат, прежде чем решать вопрос утилизации.

– Я с вами поеду.

– Нет, Айла, у тебя было раннее утро. Езжай домой и отдохни. Еще неизвестно, какой день ждет нас завтра.

– А я в правительство, – вздохнул Деметриус. – Если Эфил по выходу обнаружит, как я запустил дела, он сделает из моего черепа подсвечник.

– Сначала подбрось меня до дома, – потребовал Илия.

Из машины Деметриуса Илия перегрузил коробки в собственную и поднялся в квартиру, где с облегчением стянул прилипшие к ногам джинсы. В тех местах, где кожа сильнее всего потела и терлась о ткань, выскочила сыпь. Илия с отвращением отшвырнул от себя джинсы и надел старые за-трапезные шорты, понадеявшись, что в субботу в СЛ любоваться на него будет особо некому. Он не собирался сегодня пить, но пиво в холодильнике манило прохладой, так что он откупорил бутылку и сделал один глоток. В момент, когда он потянулся к дверце холодильника, чтобы поставить бутылку обратно, раздался звонок в дверь.

– Деметриус, работничек ты золотой... – Илия распахнул

дверь и растерянно замер, рассматривая высокую незнакомку в очках.

– Здравствуйте, – холодно поприветствовала незнакомка. У нее были кудрявые волосы, которые она собрала в пучок и попыталась укротить большим количеством шпилек, но несколько прядей все равно выбились и теперь спиральками висели вдоль лица.

– Здравствуйте, – с вопросительной интонацией ответил Илия.

– Я от Лализы. Я ее адвокат, меня зовут Веления. Можно пройти? Чтобы не говорить через порог.

– Входите. Вы по какому делу?

– Я должна вручить вам это, – она покопалась в своей сумочке и вытащила запечатанный конверт.

Все еще удерживая в одной руке бутылку пива, Илия неуклюже надорвал конверт, извлек из него несколько сложенных листков и тупо уставился в напечатанные на принтере буквы. Уведомление о разводе. Ему следовало бы сразу насторожиться. Прошлый опыт подсказывал, что стоило кудрявой женщине возникнуть между ним и Лизой – и все, быть беде.

– Конечно, мы уже не обязаны уведомлять вас, – деловито проинформировала Веления, – но Лиза все-таки надеется закончить цивилизованно.

– Что значит «уведомление о разводе»? Я не давал никакого согласия на развод!

– Оно и не требуется. Через две недели вас разведут автоматически.

– Что значит «автоматически»?

– Вас дважды приглашали на судебные заседания. Вы ни разу не явились. Теперь развод осуществится даже без вашего участия.

– Наши с Лизой разборки – это семейное дело. Почему вы вообще влезли?

– Потому что Лализа меня наняла.

– Хотите сказать, вы воспользовались ее временным помешательством и накрутили ее, чтобы за ее счет поправить свое финансовое положение?

– Что вы несете?

– О, мне кристально ясны такие персонажи, как вы, – демонстративно расхохотался Илия.

Веления смерила его насмешливым взглядом. Дурацкая футболка, старые мятые шорты, бутылка пива в руке, лицо человека, чья жизнь давно покатилась с горы. Потом обвела взглядом квартиру, оценив и матрас Деметриуса со смятым постельным бельем, и заставленный грязной посудой стол – все, что она могла увидеть из своего уголка коридора.

– А мне – такие, как вы, – сказала она со сладкой усмешкой. – Все одинаковые. Одного никчемного мужа не отличить от другого.

Стиснув зубы, Илия показал ей на дверь.

Он держался до того момента, пока не щелкнул за Веле-

нием замком, а затем выплеснул пиво в дверь. Он слышал в ушах взрывы. Это была чистая ярость, так что в глазах побелело. Он расколотил бы квартиру, если бы не вовремя пришедшее осознание, что та ему не принадлежит. И спустя десять минут трясаясь от гнева, Илия достал из холодильника еще одну бутылку, намереваясь выпить и немного успокоиться, но вспомнил презрительный взгляд Велении и поставил бутылку на место. У него возникла идея получше. Есть куда более эффективный способ снять стресс. Лиза же с ним, считай, развелась. Плевать на мнение Лизы.

Он нашел в своем мобильном не занесенный в адресную книжку номер, весь в кружочках восьмерок и девяток.

– Гайя? Привет.

Спустя двадцать минут он подъехал к кафе у ее дома. Гайя подпорхнула к нему и страстно приклеилась к его губам своими. Он ответил на поцелуй со злобной страстью. Соблюдая стандартную церемонию, они сначала зашли в кафе. Заказали вина и никакой еды. Гайя непрерывно болтала. Полчаса Илия слушал ее, оживленный внешне и полый внутри, как кукла с механизмом. Странное ощущение – вот вроде он здесь сидит, а вроде его и нет вовсе. Потом они попросили счет и непочатую бутылку и пошли к Гайе домой.

Обжимаясь и едва не падая с лестницы, они поднялись на ее этаж, где Гайя, предоставив свой зад для облапывания, нашла ключ и открыла дверь. Цепляясь друг за друга, они ввалились внутрь. Свет в коридоре не горел, но Илия и не

пытался разобрать обстановку.

Гайя толкнула его на диван, и он сел, наблюдая, как она раздевается. На Гайе было кружевное белье. Лифчик и трусики одного цвета (оранжевого, персикового оттенка) – факт, болезненно зацепивший его внимание. И с этого момента оно началось. Странное ощущение чуждости. Илия помотал головой и отпил из горлышка винной бутылки, пытаясь избавиться от гнетущего свербения в животе, но оно не пропадало. Гайя обнажила грудь. В следующий момент ее тело вдруг показалось Илие вытянутым и странным, растерявшим всю соблазнительность.

Гайя села к нему на колени и потянула его к себе. По инерции он подчинился, скользнул ладонями по ее плечам, спине. Кожа Гайи пахла духами. Этот запах, который ранее Илия замечал разве что пару раз, сейчас показался ему химическим и резким. Пальцы Гайи скользнули вдоль его боков, как руки карманника, отыскивающего кошелек, подхватили край его футболки и потянули вверх. В этот момент Илия подумал, что Лиза узнает. Она догадается по его взгляду, или он скажет ей сам, так же, как выкладывал все свои секреты прежде. Заявление о разводе можно отозвать. Или, если будет уже поздно, аннулировать развод. Или... неважно, это только бумажки. Но если Лиза узнает о его измене и не сможет простить его, это будет конец.

– Я передумал, – сказал он. Гайя зажала ему рот поцелуем, но он отстранился и повторил громче: – Я передумал. Я не

хочу.

Совершенно потрясенная, она позволила спихнуть ее с колен, дала ему возможность подняться, поправить одежду, вытереть губы – разве что сверлила его недоверчивым взглядом. Илия прокашлялся, посмотрел на голую женщину так, словно она была полностью одета, и вежливо, как в конце рядового рабочего дня, сказал:

– До свидания.

Он увидел в ее глазах осознание, вытесняющее недоверие. И Гайю прорвало. Она извергала поток ругательств. Он был никчемный алкоголик, которому таки однажды дадут пинка под зад с работы. Жалкий неврастеник. Импотент. Клоун. Илия хотел было удалиться подальше от брызг ее фонтанирующего гнева, но, передумав, присел на диван послушать, как далеко Гайя сможет зайти. Однако она не отличалась большой фантазией и скоро заглохла.

– Пожалуй, в понедельник вам лучше оставаться в своем отделе, – посоветовал Илия и вышел.

Он сел в машину и спокойно тронулся с места. Ругань Гайи не задела его, но удивила. Будто с Гайи слетело фальшивое лицо, открыв настоящее, совсем другое. Красный листок характеристики Джулиуса так и повис перед глазами. В блокноте, оставшемся в ящике рабочего стола, у Илии на всякий случай хранился адрес начальника Второго отдела. На самой первой странице. Кажется, при желании Илия сможет вспомнить...

Джулиус жил в высотной новостройке, торчащей среди типичных для Торикина двух– или трехэтажных домов и портящей старомодный облик города. Илия нажал на кнопку в обитом сталью лифте и устремился на верхний, двенадцатый этаж.

– Илия? – удивился Джулиус, выглянув в щелку.

– Я хотел расспросить тебя. О твоей бывшей сотруднице.

Джулиус отступил от двери, раскрывая ее шире. На нем были мягкие полосатые шорты, мятая белая футболка с розовым пятном на груди и овальные очки в металлической оправе. В таком виде он казался уязвимым и хрупким – в сущности, осознал вдруг Илия, Джулиус всегда выглядел уязвимым и хрупким. Неуложенные волосы не блестели, развитый локон свисал на лицо.

– Не знал, что у тебя плохое зрение, – пробормотал Илия.

– На работе я ношу линзы, – потупился Джулиус.

– А синеву под глазами ты косметикой замазывал? – удивился Илия и шагнул в маленькую, не более той, где жил он сам, квартирку.

Шкаф в единственной комнате был раскрыт настежь, извлеченные из него вещи разложены повсюду.

– Я решил переорганизовать вещи в шкафу, – растерянно пояснил Джулиус. Внезапный визит Илии определенно вывел его из равновесия.

– Почему ты написал характеристику Гайи на красном листке? – спросил Илия.

– У меня были претензии к ее работе.

– В характеристике ты не указал, какие именно.

Джулиус скользил отсутствующим взглядом по разложенным вещам.

– Не могу решить, как лучше распределить их. По длине или по цвету?

Странный вопрос, учитывая, что почти весь его гардероб состоял из серых и черных костюмов, которые он надевал на работу.

– Джулиус, у меня произошла неприятная ситуация с Гайей, и, подозреваю, у тебя тоже.

Джулиус тоненько выдохнул и присел на край своей узкой кровати.

– Ладно, хорошо. Я планировал повышение для одного из нескольких сотрудников. Она отсутствовала в списке кандидатов, но была убеждена, что продвинуть следует именно ее. Поскольку я считал ее весьма посредственным работником и не видел в ней особых талантов, она решила переубедить меня специфическим методом.

– Под «специфическим методом» ты подразумеваешь попытку схватить тебя за член?

Джулиус вздрогнул, однако мужественно продолжил:

– Мне это не понравилось. Она начала рыдать и притворилась бедной отвергнутой девочкой. Позже, обдумав произошедшее, я пришел к выводу, что нахожу ее поведение неприемлемым и что мне следовало ее уволить. Но она уже пере-

велась в Первый отдел, вне зоны моей досягаемости. Тогда я написал на нее характеристику. Я честно выразил свое мнение касательно ее профессиональных качеств, но упоминать то постыдное происшествие счел некорректным. Хотя в свете того, что ты мне сообщил, я сожалею о своей деликатности.

Уже провожая Илию до двери, Джулиус выдал подчеркнуто-безразличным тоном:

– Я могу принять тот факт, что я кому-то не нравлюсь. Но не когда меня пытаются обмануть, что любят.

И Илия понял, что это было тем, что задело Джулиуса во всей истории с Гаей больше всего.

Он добрался-таки до «Серебряной Лисицы», отнес коробки дежурному лаборанту и в половине второго ночи закончил просмотр файлов Дакатайи, докурив пачку сигарет и окончательно признавшись себе, что только потратил время впустую.

Вернувшись домой вскоре после двух, Илия со смутным чувством радости обнаружил Деметриуса – все еще в белой рубашке, но уже без штанов и накладных зубов. Деметриус тоже выглядел необычно замороженным, да и страшная духота в квартире не способствовала бодрости. Прихватив пиво из холодильника, в поисках прохлады они вышли покурить на балкон, которым пользовались редко, так как Илию смущала перспектива появляться перед соседями с полуголым та-туированным бугаем подозрительно похожим на правителя

Деметриуса.

– Давай сядем, – предложил Илия. Он чувствовал физическое и ментальное изнеможение, не позволяющее ему даже стоять, в сочетании с отчётливым желанием спрятаться.

Они сели напротив друг друга на бетонный пол, не метенный с неизвестно какого года. Балкон был такой маленький, что Илии пришлось вытянуть ноги вдоль ног Деметриуса. С трех сторон их окружала крошечная тьма, типичная для Ровенны, где уже к часу ночи частенько отключали все уличные фонари. Свет проникал только из комнаты, чуть разбавляя темноту, но все же был недостаточно яркий, чтобы обеспечить зрению четкость, которая сейчас бы вызвала лишь раздражение. Ночная прохлада была сама нежность. Во всем этом в сочетании с пивом и сигаретами был определенный уют.

Деметриус рукой сорвал с бутылки металлическую крышку. Илия попытался повторить, но только ободрал ладонь и протянул свою бутылку Деметриусу. Они прикурили по сигарете. Илия в своей измотанности уже ощущал себя несколько пьяным. Втягивая и выдыхая дым, он рассказал про адвокатшу, звонок Гайи, все последующее, и Деметриус заявил, что Гайя должна быть уволена.

– Если это все, что она делает, чтобы подняться, то от нее нет толку.

Илия вспомнил, как всю неделю она ограничивалась подачей кофе, даже не пытаясь вникнуть в обязанности секре-

таря, и не стал ее защищать.

– Что с Лизой-то делать будешь? Вернешься к ней? – спросил Деметриус.

– Я не знаю.

– Но, кажется, и разводиться тебе не хочется.

– Я бы, может, и вернулся, – неожиданно признался Илия. – Но не знаю, что из этого получится. Во мне столько яда. Буду говорить ей гадости, обижать. Боюсь, сделаю ей еще больше. Хотя я уже думаю, что для меня самого было бы лучше вернуться... – Илия залпом допил бутылку и протянул Деметриусу следующую, чтобы тот открыл ее. – Я всегда завидовал тебе. Хотел бы я быть таким, как ты. Делаешь что хочешь. Не задумываясь о чувствах других людей.

– Но я задумываюсь о чувствах других людей, – удивленно возразил Деметриус. – Ты знаешь, почему мы подружились?

– Потому что тебе нравится пить и играть в видеоигры.

– Обычно я не играю в видеоигры. Я правитель этой страны, видишь ли. У меня есть обязанности. Не знаю, как я разгребу последствия этой недели, когда я так забил на все.

Илия моргнул.

– Что?

– Помнишь сентябрь? Ты разъехался с Лизой. Еще не ходил такой смурной и мрачный, как потом, но в тебе уже что-то сдвинулось. Эфил бросил как-то, что, мол, вытащил бы кто-нибудь тебя выпить, заодно бы разведал, что у тебя в голове творится. Я и подумал: а чего бы мне не разведать? На

следующей неделе мы с тобой так ужрались в архиве, что нам пришлось лечь спать прямо там. Начал я за тобой потихоньку приглядывать. А ты все съезжаешь и съезжаешь. И тут в начале лета Эфил мне заявляет, что вот так люди и вешаются. С тех я уже не мог это слышать.

– У меня никогда не было суицидальных намерений, – почти искренне возразил Илия, но в действительности он не знал, куда бы свернул ход его мыслей, не будь рядом Деметриус с его навязчивостью и беспардонностью, переключающий его на мысли об убийстве. – То есть ты хочешь сказать, что пытался поддержать меня, Деметриус? Поэтому начал навязывать свою компанию?

– Ну да. Чтобы ты типа не грустил или вроде того.

– А зачем ты мне наплел, что от работы бегаешь?

– Ну, это же невежливо, сказать: «Слышь, я тут понаблюдаю за тобой, а то ты поехавший, еще натворишь чего».

Илия ошарашенно молчал.

– Почему все считают, что у меня сопереживания как у табуретки? – возмутился Деметриус и щелчком отправил сигарету с балкона, проигнорировав ржавую кофейную банку, заменяющую пепельницу.

«В основном потому, что у тебя сопереживания как у табуретки», – подумал Илия и заткнул себе рот сигаретой.

– Помнишь те времена, после Долины Пыли? Когда ты пришел за нами. Ты был не то чтобы намного старше нас.

– Медведь опасался, что с тобой возникнут проблемы,

ведь о твоём поведении уже тогда все были наслышаны. А в куль не свяжешь, все ж сын правителя. Решили, что кому-то ближе к тебе по возрасту будет проще с тобой договориться, поэтому отправили меня, хоть у меня и не хватало опыта.

– Они выбрали тебя, потому что тебя все любили, потому что считали, что ты понравишься даже мне. Помню, как, вытащив нас, ты выслушивал все дерьмо по кругу, и кругу, и кругу, каждый день заново, просто чтобы нас отпустило до вечера. И тебе никогда не было наплевать. Я тогда в целом паршиво относился к людям, но про тебя подумал: «О, а этот славный парень». Ты помнишь? Эфил был как доской по башке стукнутый.

Илия с такой легкостью мог восстановить в памяти Эфила-подростка, рассказывающего о своих злоключениях монотонным голосом и с трясущимися руками, как будто видел его вчера, хотя прошло почти два десятка лет. Между синеглазым хрупким мальчиком и тем вечно спешащим как на пожар, отрывисто говорящим человеком, которым советник стал, казалось, не было никакого сходства. Кроме неугасимой и носящей явно патологический оттенок страсти к Деметриусу, конечно.

– А знаешь, мне кажется, это довольно несправедливо... когда он был в распадае, ты ему помог. А теперь, когда ты в дерьме, он просто хочет от тебя избавиться. Временами он может быть настоящим засранцем, я тебе скажу. Я думаю, это еще и потому, что он считает себя ответственным за всю

херню, что в этой стране происходит. Из трусов от злости выпрыгивает, если что-то стряслось, и ситуация опять вышла из-под его контроля. Серьезно, настоящий псих. А ты для него сейчас – слабое звено. Но я в тебя верю. Ты выберешься из этого, дружище. Конечно, в данный момент толку от тебя, как от какашки, но ты справишься. Я буду с тобой.

Илия почувствовал, что уже достаточно пьян, чтобы начать обниматься с Деметриусом. Возможно, даже достаточно пьян для того, чтобы положить голову на его татуированное плечо и заплакать.

– Пора спать, – объявил он. Встал, цепляясь за балконное ограждение, и ушел в комнату.

25 АВГ, ВС

Пробудившись до звонка будильника, Илия первым делом вспомнил, что так и не сподобился постирать одежду, и ругнулся вслух. Странно, но Деметриус, который легко пробуждался, если позвать по имени, но спал при любом другом шуме, на ругательство тоже проснулся.

– Что у нас на завтрак? – сразу поинтересовался он.

– Ничего.

– С пивом сойдет.

Илия провел в шкафу тщательные раскопки, в итоге отрыв старые спортивные зеленые шорты, которые когда-то использовал для бега. Они не добавляли его облику солидности, но одна мысль о тех ужасно тяжелых и жарких джинсах заставляла кожу снова покрыться пузырями.

– Деметриус, ты дашь мне футболку? У тебя есть просто черная, без рисунков?

– Без рисунков? Есть.

Деметриус дал ему футболку. На ней была надпись: «Воспитательный, незаебвенный».

– Ты правда в этом ходишь? – поразился Илия.

Деметриус посмотрел на футболку.

– А что с ней не так? Она же без рисунков.

В итоге Илия согласился на вариант с раздувающей капюшон коброй. Деметриус изменил любимому черному цвету

и надел белую футболку с прорезями, окаймленными красным, как будто его полоснули несколько раз ножом. Илия хотел было возмутиться, но побоялся, что из вредности Деметриус натянет футболку с надписями. К восьми подъехал Айла. На нем были желтые шорты в голубую полоску и красная рубашка с кактусами. Илия представил себе их троицу со стороны, и его разобрал истерический смех. Клоуны на выезде.

Договорившись ехать в одной машине, они загрузились в черного монстра Деметриуса и отправились попытать счастья еще раз.

На этот раз дверь растворилась, и из-за нее выглянула премиленькая девочка лет двенадцати со светло-рыжими волосами, заплетенными в длинные косички. Приятное разнообразие после тех гнусных рож, на которые им пришлось любоваться весь вчерашний день.

– Милая, родители дома?

– Папа, тут какие-то странные дяденьки!

Отец семейства, солидный усатый мужчина, выглянул в коридор. Судя по разговорам и шороху, семейство только вернулось с отпуска и разбирало вещи.

Илия раскрыл полицейское удостоверение.

– Мы расследуем случай массового отравления собак. Слышали, вас затронуло.

– Долго же вы собирались. С Адеминой поговорите.

– Это я, – пояснила девочка. – Пойдемте в кухню.

В кухне она стряхнула кота, дремлющего на стуле, и села, предложил им разместиться на кухонном диванчике. Они расселись – Илия, Айла и Деметриус, в порядке ухудшения вкуса в одежде.

– Прошлым летом мы пошли гулять с моей собакой, Красоткой, – начала Адемина, вбирая взглядом Деметриуса, его серьги, татуировки и «окровавленную» футболку.

– Когда точнее это было? – спросил Илия.

– Утром.

– Нет, я про дату.

Адемина наморщила лоб.

– Не помню, конец июля – начало августа. Мы пошли к лесной полосе, где гуляем обычно. И вдруг моя собака вырвалась и побежала прочь. Я бросилась за ней, но догнала не сразу. Оказалось, она учуяла еду. Там был целый пакет всякой еды, неподалеку от обочины.

– Остатков еды? – уточнил Илия.

– Нет, нетронутой. Как будто кто-то нес пакет из магазина и бросил.

– Кто мог бросить еду? – поразился Деметриус, чей голодный желудок выводил трели всю дорогу в машине.

Адемина погладила его взглядом.

– У вас зубы классные.

– У меня еще и пирсинг, – похвалился Деметриус, продемонстрировал проколотый язык.

– Круто, – восхитилась Адемина. – Когда я вырасту, я то-

же такой сделаю.

– У меня есть еще второй. Но такой ты не сможешь себе сделать.

– Покажете?

– Только когда тебе исполнится восемнадцать.

Илия бросил на Деметриуса колючий взгляд, жалея, что не может дотянуться до его ноги под столом.

– Так что с собакой? – напомнил Айла.

– Красотка начал потрошить пакет и вдруг с визгом упал на землю. Я подбежала, а он не двигался. Только поскуливал, и глаза у него закатились. И еще дрожал сильно.

Послышался звук когтей, стучащих о деревянный пол.

– Вот и он – Красотка.

Толстозадая, приземистая черно-белая собака вопреки своему имени не демонстрировала яркой красоты, зато отличалась ярко выраженными признаками мужественности. Деметриус присвистнул.

– Редко встретишь сучку с такими здоровенными яйцами. После жены Эфила это вторая.

Лицо Айлы хранило невозмутимое выражение, но судя по тому, как вздрогнул Деметриус, до его ноги все-таки добрались.

– Ну да, – покраснела Адемина. – Сначала это был дворový щенок, я считала его девочкой. Не смейтесь. Мне было всего шесть лет.

– Вы могли поменять ему имя на более подходящее, – за-

метил Айла.

– Например, «Кокос», – предложил Деметриус.

– Он уже привык, – Адемина казалась совершенно зачарованной Деметриусом. – А больно делать татуировки?

– Нет. Потом спокойно набьешь себе рукава, даже не парясь.

– Тебе будет больно, – быстро возразил Илия и взглядом показал Айле под стол. Деметриус дернулся, когда огромная лапа Айлы снова опустилась на его пальцы, беззащитные в открытых шлепанцах. – Итак, собака надкусила что-то из пакета, впала в беспамятство... и?

– Я подошла и увидела сверток, а в нем вещество, похожее на комок мела, только серое, в крапинку. Красотка лежал на земле, ему было совсем плохо. Я вспомнила, что врачи должны разобраться, какой яд действует, прежде чем подобрать противоядие. Так что я вытряхнула продукты, обернула сверток пакетом, чтобы не трогать его руками, и положила в свой рюкзак. Я подумала, вдруг папа поймет, что это. Затем я оттащила Красотку домой, – заметив во взгляде слушателей удивление, Адемина пояснила: – Тогда он был менее жирный. Но папа тоже не знал, что это за вещество. Он отдал сверток своему приятелю-химику, тот его где-то затерял, и на этом все. Красотка весь день лежал очень тихо, ничего не ел, но к вечеру пришел в себя. А что там с собаками? Многих потравили?

Илия заметил разгорающуюся искорку сострадания в ее

глазах.

– Не смертельно, – быстро сказал он. – С ними уже все в порядке.

– Но вы все равно расследуете?

– Конечно. Ведь собаки наши лучшие друзья, их нужно защищать, – вставил Айла.

Адемина просияла.

– Да!

Илия задал ей еще несколько вопросов, пытаясь выяснить, были ли у свертка или вещества какие-то отличительные признаки, но ничего, способного помочь, в ответ не услышал. Затем они повторили вопросы отцу Адемины, явно убежденному, что они тратят его время впустую, но тот не мог предоставить им никакой дополнительной информации.

– Ваша дочь может проводить нас до места, где отравилась собака?

Тордуш подозрительно посмотрел на Деметриуса.

– Я сам вас отведу. Где это, дочь?

– Где ежевика. Пап, можно я с вами пойду?

– Сиди здесь.

– Нам нужно точное местоположение, – объяснил Илия, переводя взгляд с отца на дочь. – Это очень важное расследование. Жизни сотен собак в опасности.

Адемина разразилась подробнейшими указаниями.

Тордуш отвел их к дороге, пересекающей лесную полосу, и после третьего телеграфного столба свел с нее левее, к ку-

сту ежевики. Ткнул пальцем в клочок земли, на котором давно уже не осталось ни пакета, ни его содержимого, и распрощался.

– «Спирит 3013», к «Серебряной Лисице» отношения не имеет, взялся непонятно откуда, год назад был здесь, – резюмировал Илия. – Ладно, мы хоть что-то узнали. Давайте осмотрим место, хотя вряд ли за год что-либо сохранилось.

Он первым отважно заглянул в куст ежевики. Айла не двигался.

– Айла, тебе нужно особое приглашение? – поинтересовался Илия, отодвигая утыканную колючками ветку подальше от глаз.

– Мне кажется, я был здесь. В феврале.

– Ты не можешь помнить это место, даже если действительно был здесь в феврале, – усомнился Илия.

– Нет, у меня хорошая память. Эта лесная полоса очень протяженная. Я помню, как мы пересекали ее, – я сопровождал перевозчика. Хотя, может быть, не конкретно в этом месте.

– Совпадение с маршрутом? – поразился Илия, выбираясь из куста.

– Да.

– Но это странно. По прибытии бы обнаружили.

– И цвет не тот.

– Вот именно.

– Случайность?

– Вероятно.

– Разговорчики для своих. Эй, ей, обратите на меня внимание, я все еще правитель этой страны! – встрял Деметриус.

– Айла полагает, что место, где собака обнаружила пакет, совпадает с маршрутом, по которому сотрудники СЛ доставляют «Спирит 3013» в хранилище – после очистки загрязненных зон его же нужно где-то хранить. Но «Спирит 3013», чуть не угробивший собаку, не может происходить из СЛ, так что мы пришли к выводу, что это скорее случайное совпадение, – объяснил Илия.

– В любом случае весьма любопытное совпадение, – добавил Айла. – Я бы хотел свериться с картами маршрутов.

– Осматриваем место и едем в СЛ.

Они триумфально завершили осмотр с парой упаковок от шоколада и бутылочным горлышком, которые все же взяли с собой, хотя никто не сомневался, что это просто мусор.

– Какая же девочка-лапочка, – уже в машине припомнился Деметриусу разговор со свидетельницей. – Не то что дочка Эфила. Та только с виду тихоня, а как рот раскроет... Спросила – как же я сосал у ее папочки, что он аж ушел от ее мамочки? Представляешь, Илия? В ее-то возрасте! Пять лет! Я уже было вцепился в нее, но тут пришел Эфил и разнял нас.

– Это восхитительная история, Деметриус, в ней никто не выглядит нормальным, – вздохнул Илия и в зеркальце над ветровым стеклом заметил отражение Айлы, сидящего позади. – Надо же, ты умеешь улыбаться, Айла.

– Я хочу есть, – пожаловался Деметриус. – Заедем в кафе.

Они остановились у первой попавшейся забегаловки, и Деметриус нетерпеливо выскочил из машины.

Утруждаться чтением меню он не стал, с порога затребовав:

– Принесите самый большой кусок мяса.

– Вы будете заказывать? – спросил Айла Илию, просмотрев меню.

– Потом, – пробормотал Илия. Он сидел за столом сгорбившись, запустив пальцы в волосы. – Я думаю. Что-то не дает мне покоя.

– Выбери за него, – потребовал Деметриус. – Он вообще ничего не жрет. Мне скоро еду придется ему в глотку записывать.

– Две порции омлета и гренок, пожалуйста, – попросил Айла официантку.

Деметриус застучал пальцами по столешнице.

– Да чего они там возятся? Сколько еще ждать?

– Деметриус, наш заказ приняли тридцать секунд назад, – попытался вразумить его Айла.

– Но это самые длинные тридцать секунд в моей жизни, – возразил Деметриус.

– Ваше субъективное ощущение времени не имеет отношения к объективной действительности.

– Ты, я смотрю, любишь потрындеть на пустой желудок, умник...

– Да заткнитесь вы оба, – рявкнул Илия. – Я пытаюсь вспомнить.

– Я тоже не помню, когда ел в последний раз, – сообщил Деметриус. – Вчера вечером был так занят, что совсем забыл про ужин.

Илия посмотрел на него волком, и Деметриус – неожиданно – притих. В наступившей тишине только слышалось, как стенает и жалуется на жизнь его живот.

Спустя десять минут подали мясо.

– Что это? – возмутился Деметриус. – Это, по-вашему, *большой*?

– Подожди, – сказал Илия. – Повтори это.

– Что – это?

– Помнишь, мы были в доме Малиссы? Ты увидел брусок «Спирита 3013» на столе в кухне. И спросил: «Спирит 3013»? *Фиолетовый?*»

– Ну?

– Что-то в твоей удивленной интонации на слове «фиолетовый» царапнуло меня, еще тогда. Так почему ты был удивлен, Деметриус?

– Потому что «Спирит 3013» был фиолетовый, а не серый.

– В СЛ применяют только «Спирит 3013» с особыми пигментами в составе – для легкости верификации и проверки целостности.

– Ну, значит, не только. Потому что я его видел серым, в СЛ.

– Деметриус, это важное обстоятельство! – взорвался Илия. – Почему ты не сказал мне?

– Ты так уверенно заявил, что тот спирт, что вовлечен в дело, к СЛ не имеет отношения...

Официантка принесла омлет, и они замолчали, пока она не скрылась за дверью служебного помещения позади стойки.

– Когда вы его видели, Деметриус? – уточнил Айла.

– Спроси что полегче. Снег стаял, трава выросла. Конец весны, только не этой, предыдущей.

– Применять его постоянно стали в конце августа прошлого года, тогда он уже был фиолетовым, – добавил Илия.

– Может, август предварял какой-то тестовый период, – предположил Айла. – И стандарты защиты от подделки и хищения еще не были разработаны. Потому и пигмент в составе отсутствовал.

– Итак, во-первых, мы должны сравнить место находки с маршрутом следования до хранилища. Во-вторых, выяснить, какие зараженные зоны были очищены в период до начала официального внедрения «Спирита 3013», диапазон – июнь-первая половина августа 94 года, – заключил Илия.

Деметриус заглянул в его тарелку.

– Твой омлет вкусный?

Кое-как усмирив волчий голод Деметриуса, они загрузились в машину и доехали до здания СЛ, где Илия сразу написал поручительную, скрепил ее печатью и отправил Айлу

разбираться с картами маршрутов.

– Теоретически, заметки о тестовом периоде могут быть где-то здесь, – Илия уныло обвел взглядом массивные шкафы у себя в кабинете. – У Мергилиуса их точно нет, иначе бы он был в курсе. Да его и наняли уже для разработки системы защиты «Спирита 3013». Но Медведь все записывал. Ни за что не поверю, что он нигде не зафиксировал сведения о тестовом периоде.

– А ты так и не разобрал записи Медведя? – удивился Деметриус. – За год?

– Нет, – сознался Илия. – Я просто переложил их в более привлекательные шкафы.

– Вот так вечно – пока жареный петух в жопу не клюнет, – пожал плечами Деметриус. – Начинай копать, золотоискатель.

Спустя час весь кабинет Илии неровным слоем покрыли документы и записные книжки. Подошедший Айла округлил глаза.

– Всю мою жизнь, что я бы ни делал, я заканчиваю погребенный кучей бумаг, – констатировал Илия.

Айла продемонстрировал распечатанную карту и показал проведенную по ней красную линию маршрута с пересекающим ее крестиком.

– Я был прав. По маршруту совпало.

Илия считал это столь же хорошей новостью, сколь и плохой – ведь это подразумевало, что виновника следует искать

среди собственных сотрудников. Поэтому ограничился нейтральным:

– Ясно.

Айла присел на пол, поджал под себя длинные ноги и начал разбирать бумаги, сразу сортируя просмотренные в несколько аккуратных стопок в зависимости от типа документа. Час Айла и Илия сосредоточенно трудились, а Деметриус мешался, путал просмотренное с не просмотренным и ныл что ему скучно.

– Вот это? – спросил Айла, демонстрируя тоненькую стопочку листиков.

Илия посмотрел. Там были даты – с января по август прошлого года, двадцатизначные номера дел, фамилии ответственных управомоченных и короткие примечания.

– Похоже на то, – он с уважением посмотрел на Айлу. – У тебя неплохо получается с поиском документов. Ты не хотел бы поработать в архиве?

– Нет, – отрезал Айла с несвойственной ему пылкостью.

– Ладно, на твоём месте я бы тоже не согласился, – вздохнул Илия. – Спустимся в архив. Найдём по номерам упомянутые здесь дела. Их всего-то... – он посчитал, – двадцать семь.

В архиве Илия резко вспомнил про сигареты, но они остались где-то в его кабинете, скорее всего, заваленные грудями документов, так что он махнул рукой и снова забыл о них. Он довольно быстро нашел дела по списку, нагружая папка-

ми Деметриуса и Айлу, и пообещал с кривой ухмылкой:

– Нас ждет увлекательное чтение.

– Что мы ищем? – уточнил Деметриус.

– Если люди действительно пострадали от «Спирита 3013», каким-то образом утекшего из СЛ на тестовом этапе, то среди этих дел должен быть источник, – объяснил Илия.

Он бросил взгляд на стопки желтых, пыльных бумаг в руках Деметриуса и подумал, что, может быть, уже сегодня нервное напряжение, довлеющее над ним с начала Дождевой серии, закончится. Он чувствовал себя оглушенным.

– Но есть один момент, – добавил он. – Мы уже искали источник по параметрам, и ни одно из этих дел не явило себя. Это значит, что образ подвергся искажениям. В итоге то, что мы получили впоследствии, может мало походить на преступление, породившее серию.

– Такое бывает? – удивился Деметриус.

Илия посмотрел на Айлу.

– Очень редко, – пояснил Айла. – Не встречал на практике. Но теоретически я допускаю такую возможность.

– Так как мы найдем источник, если он отличается от эпизодов серии? – не понял Деметриус.

– Какое-то сходство должно сохраняться, хотя бы минимальное. У нас небольшая выборка. Положись на свое чутье, Деметриус.

Они вернулись в кабинет Илии и начали читать.

Два с лишним часа спустя Илия услышал в своей голове

четкий щелчок. Он потер усталые глаза и передал папку с бумагами Айле.

– Нашел.

Айла пробежался взглядом по покрытым синими чернилами листам, быстро вбирая текст, затем за уголок извлек пакет с фотографиями и просмотрел их.

– Думаете, дочь? – спросил он.

– Да.

– Достаточная травматизация?

– Более чем.

– Но земля в трещинах, – возразил Айла.

– Видел. В кабинете Мергилиуса аквариум.

– Да что угодно. Посмотрим.

– Едем.

– Ваши разговоры начинают меня бесить, – заявил Деметриус.

– Мы едем в Ильмирин, – объявил Илия. – Сколько времени займет дорога?

– Часа три, – сказал Айла. – К пяти будем.

– Полтора, – возразил Деметриус.

– Два, – решил Илия. – И сильнее не гони, Деметриус.

– Кто-нибудь мне что-нибудь объяснит? – спросил Деметриус.

– По дороге, – пообещал Илия, забирая папку с делом у Айлы, разместившегося на заднем сиденье.

– Так что? – спросил Деметриус, едва они выехали с пар-

КОВКИ.

Илия откинул картонную обложку и начал листать страницы.

– В мае 77 года эры Буревестника, в четыре утра, в полицию обратилась женщина. Ее звали Истар Агнеда. Она была дважды вдова. Агнеда рассказала, что около трех часов ночи ее разбудили крики. У нее было четверо детей, младший иногда просыпался и плакал, поэтому спросонья она не заподозрила ничего подозрительного.

– Четверо детей, – ужаснулся Деметриус. – Мне Эфиловских двоих хватает.

– Деметриус, ты их даже не воспитываешь, – вступился за детей Илия.

– Я их видел пару раз, мне этого достаточно.

– Ты сбиваешь меня с повествования.

– Ладно, давай дальше.

– В темноте Агнеда прошла в детскую и различила в комнате силуэт массивного мужчины. Она окликнула его, получила в ответ несколько ножевых ранений, после чего неизвестный убежал, а она, корчась от боли, обнаружила, что четверо ее детей – восьми, семи, пяти и трех лет – зарезаны. Окровавленный нож был найден уже по прибытии полиции неподалеку от ее дома. Отпечатки на нем отсутствовали.

– Ясен пень, – снова встрял Деметриус. – Кто ж не догадается стереть отпечатки.

Илия смерил его ледяным взглядом и продолжил:

– Внимание полиции сразу привлекло странное поведение Агнеды – для матери, потерявшей четверых детей сразу, она проявляла чудеса самообладания. Расспросив соседей, они выяснили, что за две недели до происшествия Агнеда отправила свою старшую дочь, рожденную в предыдущем браке, на курсы секретарей в Торикин. И это при том, что курсы стоили немало, а финансовая ситуация семьи с тех пор, как в прошлом году глава семейства скончался от инфаркта, была весьма плачевной. Продолжив копать под Агнеду, полиция быстро выяснила, что несколько месяцев назад ее мать застраховала жизнь четверых младших внуков на большую сумму, причем указала дочь, то есть Агнеду, как выгодоприобретателя.

– Вот же облом, – вставил Деметриус. – Хотела стать выгодоприобретательницей, а в итоге окажется срокополучательницей.

Илия отмахнулся от него.

– Хотя полиции не удалось доказать, что мать Агнеды обратилась за страховкой по настоянию дочери, все же в их глазах Агнеда уже выглядела виновной. Раны, полученные ею от неизвестного, подвергли экспертизе. Та показала, что ножевые удары – среди них ранение правой руки и живота – Агнеда могла нанести себе сама, имитируя нападение постороннего. Тем более что ни одна из этих ран не представляла реальной опасности. Следы, оставленные в почве под окном убегающим убийцей, были недостаточно глубоки для

веса крупного мужчины, которого якобы видела Агнеда, да и их размер соответствовал размеру обуви, которую носил ее покойный муж, – Агнеда запросто могла сфальсифицировать следы, надев пару заваливавшихся мужниных ботинок. Да и как она не услышала грохот, когда в соседней комнате вдребезги расколотили окно? Полиции удалось найти свидетелей, утверждающих, что второй брак Агнеды не задался и свою неприязнь к мужу она переносила на детей. В итоге дело кончилось тем, что Агнеду все-таки признали виновной в убийстве по финансовым мотивам и приговорили к пожизненному заключению.

– И все это не имеет никакого отношения к нашим одноклассникам-убийцам, – заявил Деметриус, едва Илия успел рот закрыть.

– Да, как будто бы не имеет, – кивнул Илия. – Но если подумать о дочери Агнеды, Линнейт, то можно предположить, как в итоге все обернулось тем, что мы имеем сейчас. Представь себе – ты любимая и любящая дочь, узнавшая, что твоя мать в тюрьме до конца ее жизни, причем за убийство твоих же маленьких братьев и сестер.

– Как я могу это представить? – возмутился Деметриус. – Я в жизни не был ничей дочерью, у меня ни сестер, ни братьев, ни даже матери.

– Ни воображения, – вздохнул Илия.

– Мы считаем, – подал голос Айла с заднего сиденья, – что Линнейт не поверила в вину матери.

– Эту гипотезу подтверждают записи свидетельских показаний Линнейт – по ним очевидно, что та и мысли не допускала, что ее мать могла прикончить младших, – пояснил Илия. – Вероятно, Линнейт действительно верила, что где-то на свободе блуждает настоящий убийца детей – непойманный и лишенный внятного мотива. Без денег и, как следствие, без возможности обустроиться в другом месте, она вернулась в опустевший дом и в последующие пять лет подавала десятки обращений в полицию по поводу якобы пробравшегося в дом постороннего мужчины. Полиция приезжала, не находила никаких следов взлома и уезжала. Не удивлюсь, если Линнейт приобрела в округе славу сумасшедшей.

– Так все-таки был этот мужик или нет? – уточнил Деметриус.

– Наше с Айлой мнение таково: мать Линнейт совершила преступление, во время которого, под влиянием ее эмоций, спирит в окружающем пространстве структурировался, запечатлев образ, сконцентрированный на расчетливой женщине, жадной до денег. Затем в дом вернулась опечаленная Линнейт, на которую образ не оказал влияния, поскольку она не подходила под профиль. Горячая сторонница матери, она верила в ее ложь о незнакомце и модифицировала образ, добавив в него внешний источник зла и обратив корыстную мать в испуганную и стремящуюся защитить детей. Естественно, теперь она выдала отклик на подстроенный под себя образ и начала видеть в своем доме постороннего муж-

чину, не отличая ментальное от реального.

– Как можно «модифицировать» уже существующий образ? – усомнился Деметриус.

– Учитывая, что образ изначально формируется под влиянием острых эмоций, можно предположить, что он способен среагировать и на повторное эмоциональное воздействие, если оно будет достаточно сильным. Хотя обычно этого не происходит. Потому что люди в повседневной жизни редко испытывают эмоции, достигающие экстремального уровня, как в случае убийства или еще чего-то чрезвычайного.

– То есть наша девочка была ну о-о-очень эмоциональная? Не как наш Айла?

– К тому же пребывала в состоянии ужаса, шока и горя, – кивнул Илия.

– Ну хорошо, ее конкретно вставило. Однако я все еще не вижу, как мы пришли к показательной казни конечностей и суициду.

– В восемьдесят втором году начали внедрять ДНК-экспертизу, в первую очередь в сфере криминалистики. Понадеявшись на новый метод, Линнейт наскребла на адвоката и состряпала с ним прошение о пересмотре дела ввиду того, что приговор Агнеде был вынесен при отсутствии прямых доказательств. Используя новый метод, полиция провела экспертизу ножа и обнаружила генетический материал Агнеды не только на лезвии ножа, что логично, потому что ее им пырнули, но и по всей длине его ручки. Факт, уже

едва ли объяснимый с позиции ее невинности, учитывая, что, по ее собственным показаниям, нож ей не принадлежал, был принесен убийцей, потом брошен и обнаружен не ею. По итогу всей бучи Агнеду оставили сидеть дальше, а Линнейт сунули под нос неопровержимое доказательство вины матери. Вероятно, после этого психика Линнейт расшаталась окончательно.

Она уже не могла отрицать, что ее мать совершила убийства, так что начала искать оправдывающие мотивы. Спустя всего год после провала от нее поступило еще одно прошение о пересмотре дела – на этот раз с упором на возможную невменяемость матери в процессе преступления, вызванную переутомлением, стрессом от безденежья и тревогой за будущее семьи. В пересмотре было отказано.

Разочарованная Линнейт продолжала жить в доме с упрямой убежденностью, что ее мать впала в аффект или же просто пыталась избавить обездоленных малюток от жуткого нищего будущего. И образ продолжал модифицироваться, постепенно подстраиваясь под ее новые убеждения. Никакого незнакомца больше не было – жалобы Линнейт на неуловимых вторженцев в тот период полностью прекратились. Осталась только ее мать и несчастные, полностью зависимые от нее дети. Фальшивая оборонительная рана на правой руке превратилась в результат акта самонаказания, когда ее мать увидела, что совершила. Добавленное для убедительности поверхностное ранение в живот стало почти завершённой

попыткой самоубийства. Сейчас сложно сказать, как именно все это представлялось Линнейт. Такие вещи не сохраняются в судебных протоколах.

– И где же наша страдальца сейчас? – осведомился Де-метриус.

– В восемьдесят девятом году ее мать умерла от сердечной недостаточности. Линнейт уехала из городка. Кто знает, где она теперь и жива ли вообще. Скорее всего, у нее возникли проблемы с продажей дома после случившегося, так что она просто бросила его. Дом начал ветшать. Через пять лет Линнейт признали пропавшей без вести, а дом объявили нежилым и определили под снос, планируя возвести на его месте общественное здание. Я не могу точно сказать, по какой причине дело Агнеды оказалось передано в архив СЛ, ведь ее преступление расследовалось полицией и к сфере деятельности «Лисицы» отношения не имело. Может быть, СЛ решила провести предваряющую строительство оценку безопасности местности, так как индуцированные спиритом инциденты в том районе уже случались. Очень вероятно, что СЛ насторожили полицейские записи о чокнутой дамочке, терроризируемой призрачным неизвестным, и они решили перестраховаться, произведя очистку дома с помощью «Спирита 3013». И затем тот самый брусок каким-то образом оказался брошенным в лесополосе...

– И только одна пробоина в нашей прекрасной логичной картине, – добавил Айла. – Мы все еще не нашли дождь.

Илия кивнул.

– На фотографиях, сделанных снаружи дома Агнеды утром после преступления, видно, что земля растрескавшаяся. Дождя не было ни во время убийства, ни долгое время до этого.

– И непонятно, зачем Линнейт стала бы привносить дождь в свои фантазии о материнских мотивах, – добавил Айла. – Поэтому мы предположили, что этот элемент был заложен в образ изначально, пришел из сознания Агнеды. Скорее всего, это и не дождь вовсе. Что-то похожее на дождь. Звук падающей воды.

– Так что я вспомнил аквариум в кабинете Мергилиуса. Туда подается кислород, бульканье воды слышно постоянно, – пояснил Илия.

– То есть мы едем искать аквариум? – уточнил Деметриус. – Если дом столько лет стоит заброшенный, не факт, что в нем вообще удастся хоть что-то найти.

По приезду выяснилось, что им не удастся найти даже и сам дом – его успели почти полностью разобрать, уцелел лишь обломок одной стены и кромка фундамента.

– М-да, – вздохнул Илия. – С чего я надеялся, что на этот раз нам повезет.

Привстав на обломок стены, он внимательно осмотрелся. Остатки дома располагались на возвышении. Впереди, ниже по склону, зеленела густая полоса деревьев, за ней светлело шоссе, откуда доносился рев машин.

– Поехали обратно, – раздосадовано поторопил Деметриус. – Айла, ты меня слышишь? Айла!

Айла махнул на него рукой.

– Тихо. Я слушаю.

С минуту он стоял замерев. Потом лег в грязную траву, усыпанную обломками кирпича и бетонной пылью, и закрыл глаза.

– Я ничего не слышу, – прошептал Деметриус Илии.

– А я слышу, – Айла открыл глаза. – Вода шумит. Там, где деревья.

В напряженном молчании они прошли к зарослям и обнаружили резкий обрыв. Внизу бежала мелкая речушка, к ее монотонному шуму примешивались плеск и звук падающих капель. Илия повернулся на звук и показал рукой на порожек, с которого спадала вода.

– Водослив.

– Так далеко, – усомнился Деметриус. – Это только локаторы Айлы могут уловить. Хотя... как вы думаете, сколько машин было в 77 году?

– Меньше. Соответственно, звук от шоссе тише, позволяя услышать плеск водостока, – Айла посмотрел в сторону дома. – Мне представляется, как в то лето, ночью, когда движение на дороге полностью прекращалось, Агнеда лежала в постели возле открытого окна, слушала этот звук, наполняющий всю комнату, и обдумывала свои планы. А потом – одна на весь дом – уже Линнейт лежала в той же кровати и

вслушивалась. Может быть, после долгих часов без сна она различала в плаче падающей воды голоса, сведшие ее мать с ума.

Илия закрыл глаза и сосредоточился на шуме воды. Лишенный визуального сопровождения, звук действительно мог ввести в заблуждение: грохот ливня, обрушивающегося на асфальт; крупные, с силой бьющие капли. Он вспомнил два имени, стоящие в бланке Медведя, и впервые осознал, что теперь предстоит инициировать процесс против двух собственных сотрудников, причем сделать это придется непосредственно ему. Открыв глаза, он поймал напряженный взгляд Айлы и понял, что тому пришла в голову та же мысль. Чьи-то головы повалятся на землю. «Выигрыш субъективен», – сказал Эфил. Любитель травы и зефира был прав: вот Илия почти победил, но радости не чувствует.

– Когда собираешься схватить крыс за хвосты? – спросил Деметриус.

– Я знаю Ньолуша, общаемся немного, – тихо сказал Айла. – Он работает на выезде, будет во вторник вечером.

– Акселус в городе, у него выходной. Пусть насладится последним тихим семейным вечером, – решил Илия. Он посмотрел на водослив. Брызги воды падали и разбивались о поверхность. – По поводу Ньолуша я распорядюсь завтра.

– Едем домой?

– Нет. Подбрось меня. Я назову адрес. Обратно доберусь сам как-нибудь.

– Это там, где Эфил?

Илия вздохнул.

– Да, Деметриус. Это там, где Эфил.

– Вы еще не натрепались?

– Скажем так – мы еще не закрыли психотерапевтическую сессию.

В машине Илия отвернулся к окну, давая Деметриусу понять, что больше ничего обсуждать не желает, достал свой телефон и отправил сообщение: «Поговорим о зефире?» Уведомление о доставке сообщения абоненту не поступило, но Илия не сомневался, что за время пути Эфил успеет включить свой телефон. Потому что Эфил тоже считал, что они должны закончить сессию.

Выпрыгнув на шоссе, Илия отпустил Деметриуса, махнул рукой Айле и прошел еще около километра пешком.

Илия нашел Эфила у того же пруда, где они говорили ранее. Советник лежал на траве, закинув руки за голову и сощутив глаза от заходящего солнца, и при появлении Илии даже не шелохнулся. На нем были мятые белые шорты и старая мягкая серая футболка со следами надписи, не выдержавшей многочисленных стирок и теперь нечитаемой. Невежливо, но он выглядел даже более расслабленным, чем в прошлый раз, как будто в его теле растворились все кости.

– Ты думал о зефирках? – привычно осведомился советник.

– Всю дорогу, – честно сознался Илия.

– Я подготовился к твоему приходу.

Накренившись на один бок, Эфил пошарил в кармане и что-то вытащил. Это были две зефирины, желтая и бледно-розовая, подтаявшие, мятые и слипшиеся друг с другом, покрытые темными частицами, напоминающими чаинки. С тщательностью лабораторного работника Эфил отделил зефирины друг от друга и положил их рядом на траве. «Не чай», – догадался Илия, когда советник извлек из того же кармана зажигалку и самокрутку. Сжал папиросу губами, прикурил и сказал неотчетливо, не выпуская папиросу изо рта:

– Финальная попытка. Что ты выбираешь?

Илия посмотрел на зефирины. Они были преотвратного вида.

– Не тyani, – поторопил Эфил. – У тебя времени на раздумье один косяк.

Самокрутка Эфила распространяла удушливый горько-сладкий дым, от которого у Илии сразу начало драть горло. Но Эфил затягивался и даже не морщился.

– Я понял, что воспринимал свою жизнь неправильно, – сказал Илия. – Я забыл ценность вещей.

– Я рад, что стоило тебе все проебать, и на тебя снизошло озарение, – сонно протянул Эфил.

– Ты же этого хотел? Все отнять. Чтобы заставить меня вспомнить.

Эфил только выдохнул едкое облако и удовлетворенно

прикрыл глаза. В этот момент Илия осознал, что больше не испытывает напряжения от близости советника. В последние годы он привык воспринимать Эфила как холодного и отчужденного, но, как выяснилось, все это время Эфил был куда участливее и ближе, чем кажется. Илия спросил:

– Все ли люди однажды начинают сожалеть о том, как прожили свою жизнь?

– Не знаю. Вероятно. Люди странно устроены. Кажется, мы не можем быть счастливыми дольше нескольких минут. Если у нас есть семья, мы жаждем одиночества, но в одиночестве не чувствуем себя полноценными. Если мы делаем карьеру, мы изнемогаем от стресса и завидуем бездельникам, проводящим дни в блаженной лени. Но без работы мы впадаем в депрессию. Нам хочется обрушивать свой гнев на окружающих, терзать их – и оставаться милыми, приятными людьми, чтобы нас все любили. Мы как будто жаждем противоположных вещей одновременно. Но чтобы получить все желаемое, нам нужны как минимум две жизни. А потому приходится выбирать. И как только мы схватим что-то одно, второе перестает быть для нас доступным. Делая выбор, мы всегда лишаемся чего-то. Но, делая выбор, мы всегда получаем то, что хотим.

– То есть твой выбор в том, как ты воспринимаешь свой выбор – как приобретение или потерю.

– Да. И что же от этого зависит, Илия?

– Шарахнет ли тебя жизненный кризис.

Эфил, сощурившись и прикрыв лоб ладонью, посмотрел в небо. Розовый свет заката придал его синим глазам фиолетовый оттенок.

– Все, что тебя окружает, все, что ты отвергал с таким негодованием в последние месяцы, когда-то, годы назад, было тем, от чего ты мог отказаться, предпочтя нечто иное. Но ты взял это, потому что очень этого хотел, – Эфил качнул подбородком в сторону зефира. – Ты решил? Твое время догорело.

– Я ничего не буду выбирать сейчас. Я сделал свой выбор, раньше.

Эфил щелчком отправил в траву остаток папиросы и милостиво разрешил:

– Тогда можешь съесть их просто так.

– Я ненавижу зефир, – признался Илия.

– Я тоже. Оставим здесь. Пусть их сожрут муравьи, – Эфил встал и побрел в сторону клиники, на ходу бросив: – Испарись. У меня больше нет для тебя времени. Завтра я бросаю себя в суету и хаос. Этим вечером у меня траур.

Прежде чем направиться к шоссе, Илия обернулся и посмотрел в сторону клиники. Окружавшие ее дубы окрасились золотом, в озерах розовыми бликами отражалось небо. Красота.

26 АВГ, ПН

Илия проснулся в половине шестого, значительно опередив звонок будильника. Деметриус отсутствовал. Вероятно, махнул в рассекреченное убежище Эфила. Вытащив из пачки последнюю сигарету, Илия сел на табуретку в кухне, но был так взвинчен, что не мог удержаться на месте, поэтому бросил сигарету, едва докурив до половины, и встал. Нужно чем-то заняться. Он сварил кашу на воде из завалявшейся крупы. Собрал мусор и оттащил к баку. Вымыл шкафчик под раковиной. Забросил грязное белье в стиральную машинку.

Распахнув шкаф с мыслью, что любая одежда лучше, чем идти на работу в трусах, Илия нашел только старые джинсы, которые не сходились на нем с тех пор, как он набрал вес. Померил их от безнадёги и обнаружил, что теперь они с трудом, но застегиваются. Вспомнив про футболки, которые забрал у Лизы, с голым торсом дошел до машины, чтобы взять их.

Наконец-то полностью одетый, Илия посмотрел на себя в зеркало и увидел пусть бледное, но все же подобие себя прежнего. Даже красный цвет, казалось, больше не вызывал отторжения. Как давно он не надевал красного... Илия и не замечал, как сильно в прошлом тяготел к этому цвету, пока, возненавидев, не убрал все красное – и количество открывшихся брешей оказалось поразительно велико.

Времени оставалось предостаточно. Он решил не лезть в раскаленную машину и пройтись пешком. Дошагал до парка Исчезающих Теней, там спустился к реке. Посидел на берегу, глядя на воду. Река и темная зелень парка всегда принесли ему чувство покоя. Он уже и сам не понимал, как мог отказаться от них ради нудного пережидания светофора на перекрестках и вдыхания выхлопных газов в машине.

Добравшись до своего кабинета, Илия сделал несколько звонков. В ожидании разобрал часть извлеченных вчера бумаг, усеивающих все доступное пространство. Руки немного дрожали, но в целом он чувствовал себя собранным. Он вспомнил проведенные в этом кабинете одиннадцать месяцев, обо всех сложностях, что их сопровождали. Это только очередная из них – именно так к ней следует относиться. Когда ему позвонили с информацией, что подозреваемый доставлен, Илия направился в комнату переговоров, размеренным шагом выражая уверенность, которой не ощущал.

В переговорной Илия сел на жесткий стул и посмотрел на Акселуса, занимавшего место за противоположной стороной стола. Руки скрещены на животе, львиная голова с жесткими торчащими волосами опущена. Акселусу было за шестьдесят, он был матерый волк уже в то время, когда Илия только приступил к работе в СЛ. Возглавив отдел и раздавая Акселусу поручения, Илия каждый раз чувствовал, будто их перепутали местами.

– Здравствуйте, – сказал Илия.

– Здравствуйте, – пустым эхом откликнулся Акселус.

Илия увидел в его взгляде апатию и понял, что Акселус не будет усложнять процесс. Не потому, что решил сдаться, просто в нем иссякли силы бороться.

– Ньюлуш будет доставлен сюда в течение нескольких часов. Его версию событий сравнят с вашей, и для вас обоих будет лучше, если показания совпадут, – спокойно предупредил Илия. Он извлек из кармана диктофон и включил его. – Даверуш Илиус, Первый отдел. 26 августа, 95 год эры Буревестника. Допрос Валуша Акселуса касательно событий 28 – 29 июля 94 года эры Буревестника.

Акселус обратил на диктофон тяжелый, тусклый взгляд. Зачем начал говорить, как будто обращаясь к маленькому черному устройству, лежащему на столе:

– В то утро, когда я должен был везти «Спирит 3013» – семь брусков – в хранилище, я проснулся со смутным воспоминанием о страшном сне и ощущением, что какая-то дрянь должна случиться. Июль, шесть утра, уже жара не продохнуть, а я лежу, обливаясь холодным потом, и сердце у меня колотится как бешеное. И не в первый раз, далеко не в первый.

Встретились с Ньюлушом, все погрузили, поехали. И вроде день был нормальный, Ньюлуш болтал себе как ни в чем не бывало. Выехали на шоссе, набрали скорость, а я все пытался восстановить детали сна и не мог, только помнил, что в нем случилось нечто гадостное. Казалось – все это сбудет-

ся, если я не смогу помешать. А как я мог, если не помнил, что стрясется?

«Спирит 3013» размещался в потайном сейфе в консоли между передними сиденьями. Меня это всегда напрягало, и когда я до этого ездил. Но в тот день я прямо чувствовал, как справа на меня ядерным жаром веет. И мне начало вспоминаться, и вспоминаться, и вспоминаться. Словно металлический шарик в мозгу катается и с каждым кругом дорожку себе продавливает – глубже, глубже. Ньюлуш все что-то говорил, смеялся, а я думал об этих людях, которых видел: мертвых, и тех, что лучше бы умерли. Вот они жили в этой стране и ничего не знали, а я все знал. И то, что их губило, лежало рядом со мной, совсем близко...

Илия слушал Акселуса и молчал. Речь управомоченного звучала гладко, как отрепетированная, однако взгляд его не отрывался от диктофона. Как будто Акселус хотел убедить себя, что никого и нет в переговорной, только он, истина и безучастный слушатель, состоящий из пластмассы и металла.

– И тогда я Ньюлуша спрашиваю: «А ты веришь в то, что они говорят про эту штуку? Что ее можно в руки брать и ничего с тобой не будет». Он мне в ответ: «Был бы «Спирит 3013» опасным, они бы нас не послали его везти». На что я ему возражаю: «А мы знали бы, что опасный, так и сами бы не поехали». Тут он задумался. И все, закончились разговорчики. Притих. И ближе к вечеру вдруг предлагает: «Мо-

жет, по пиву? По одной. Там градусов-то». Я спрашиваю: «А если нас остановят?» «Так у нас охранная грамота. Как остановят, так и отпустят. Ничего не станут проверять». И я сказал: «Давай» – хотя знал, что мы нарушаем инструкцию, ведь остановки дольше трех минут запрещены. Подумал: ну нарушим немного правила, что с того? Зато хоть нервы успокоятся.

Мы остановились у магазина. Ньолуш вышел – прикупить пару банок и заодно что-нибудь съестное на ужин. Я остался один. И вдруг почувствовал... мысли. Как будто в голове что-то ползает. От уха до уха. И ползает, и ползает. Я начал задыхаться, с меня пот тек ручьями. Я пытался себя успокоить, вспоминал все уверения СЛ: «Спирит 3013» абсолютно безопасен, вот только облизывать его не стоит. Но в тот вечер я понял, что больше не верю СЛ, никому вообще. Я просто хотел написать заявление об уходе и забыть обо всем. А мне предстояло еще часов двенадцать ехать с этой мерзостью по соседству... Навороченных сейфов, которые умеют отпирать только в хранилище, в то время еще не было. Сейф в нашей машине открывался с помощью кода, который я знал. Ньолуш все еще не объявился... И у меня возникла безумная идея.

Я отпер сейф, достал бруски – они были в бумагу завернуты, такую, коричневую, в какую колбасу в магазине заворачивают. И переложил их в багажник. Подальше от себя. У меня руки тряслись. Затем я отошел от машины метров на

пятнадцать, что тоже не по инструкции, и зажег сигарету. В ушах шум стоял, будто возле меня из ружья стрельнули. Тут вернулся Ньолуш, окликнул меня раза три, протянул бутылку. Мы сели в машину. Что я бруски переложил, я не стал ему говорить, потому что боялся, что он заставит меня вернуть их на место. Он пересел за руль, мы выпили. Спирит был там, в багажнике – на безопасной дистанции. Я расслабился немного.

Пару часов спустя я спрашиваю: «А где наша еда-то?» Ньолуш и отвечает: «Да сунул по привычке в багажник. На заднем сиденье у меня обычно дети сидят». Прямо на брусках спирита. И тут я понял, что жрать это я не буду. Ньолуш догадался по моей реакции. С утра мы подъедем к хранилищу, там машину проверят. Пакет с едой вызовет вопросы, следовало от него избавиться и лучше затемно. Мы как раз проезжали сквозь лесополосу. Ни одного фонаря, идеально. Я Ньолушу говорю: «Иди выбрасывай, олух».

Он выскочил из машины, открыл багажник, побросал все в кусты. Мы поехали дальше. В два часа ночи я сменил его за рулем. Ближе к рассвету остановил машину, открыл багажник и начал вытаскивать бруски, чтобы переложить их в сейф под консолью, как положено, а то через час уже хранилище. А там один, два, шесть брусков и паршивые бутерброды с брынзой, завернутые в бумагу. Я подошел со стороны Ньолуша и посмотрел на него сквозь стекло. Он дремал. В тот момент я подумал, что убью его. В прямом смысле убью.

Он проснулся, открыл глаза и уставился на меня в ответ своими глупыми зенками. И я швырнул бутерброды в стекло так, что они из бумаги вылетели и соус по окну размазался. А Ньолуш все пялился на меня.

Когда он вышел из ступора, мы стали думать, что делать. Мы могли бы вернуться и поискать брусок, но что это была за лесополоса среди множества тех, что мы пересекли по дороге, никто из нас не помнил. К тому же тогда в хранилище зафиксировали бы опоздание, посыпались бы вопросы, и мы решили, что не станем так рисковать. Все заморочки, вроде взвешивания, просвечивания и прочего появились позже. А тогда было: дали тебе пять брусков, и доставь пять. Один был заметно больше других. И мы его разломали напополам, разорвали надвое оберточную бумагу, завернули половины. Потом все сдали в хранилище. Прокатило.

На обратном пути мы все-таки попытались разыскать потерянный брусок, но безуспешно. Несколько последующих недель я обливался ледяным потом, думая о последствиях. Однако все было тихо. Ньолуш, против своего обыкновения, держал язык на привязи. Я пошел к врачу. Пропил месяц таблетки. Меня отпустило. Я постарался все забыть. «Спирит 3013» больше не возил, отказывался.

Акселус умолк. И тогда заговорил Илия.

– Когда началась Дождевая серия, ты должен был догадаться, Акселус. О том, что может быть ее причиной.

– Я не догадался, – быстро возразил Акселус.

Он почувствовал взгляд Илии на себе, поднял было руки, чтобы скрестить их на груди, однако заставил себя положить ладони обратно на столешницу.

– Ты винишь меня, Илия? Я провел на этой работе слишком много лет. Я слишком много видел и слишком многое предпочел бы забыть, но вынужден помнить. И это сгноило меня, сделало пустым и хрупким. В тот день я никому не хотел причинить вред. Я просто был слабым.

Илиа вспомнил мать пятерых детей, которая однажды решила, что ей слишком тяжело тащить их всех; девушку, чья неспособность принять страшную правду в конечном итоге привела к цепочке смертей; и себя, приходящего на работу после трех часов сна, с опухшим от алкоголя мозгом.

– От тебя не требовалось невозможного, Акселус. Все, что ты должен был сделать, – признаться, что у тебя есть проблемы. Затребовать перерыв на лечение. И тогда тебя не отправили бы в рейс. Не надо искать оправдание в слабости. Слабость – это порок. Почти все зло в этом мире происходит потому, что кто-то позволил себе быть слабым, когда не должен был.

– Это ты говоришь мне? – поразился Акселус. – Что нужно быть сильным? Но ведь люди иногда просто не могут, тебе ли не знать. Так к чему твои слова? Ты сам-то в них веришь?

Илиа ответил Акселусу прямым взглядом. Он действительно понимал Акселуса, он узнавал его чувства. В конечном итоге, они оба были людьми, потерявшими равновесие на

самом краю обрыва. Только Акселус упал, а Илия, благодаря везению или сторонней помощи, сумел удержаться. Сейчас в глазах Акселуса он видел ту бездну, в которую едва не рухнул сам.

И все же он мог возразить Акселусу. Сказать, что неважно, во что верит он сам, или Деметриус, или Эфил. Иногда ты говоришь людям безжалостные, жестокие вещи – не потому, что сам персонально принимаешь сказанное, а потому что это правильно, потому что ты должен, потому что есть другие люди, и ты отвечаешь за них и не можешь поставить их жизни под угрозу, попустительствуя чьей-то слабости из ложного понятия представления о доброте.

– Верю, – ответил Илия.

Он сгреб со стола диктофон, выключил его и положил в карман. Затем встал, кивнул Акселусу и вышел. Он спокойно прошел по коридору, слепой к взглядам коллег и глухой к их приветствиям. Спустился по лестнице, зашел в хозяйственное помещение, освещенное лишь наружным светом, сочащимся сквозь неряшливо замазанную синей краской форточку под потолком. Прислонился к двери спиной. И здесь у него случился самый продолжительный, самый изнурительный приступ. Он был уверен, что в этот раз умрет, но страха не чувствовал.

Шли минуты, он обливался холодным потом и все еще мог лишь рывками хватать мелкие глотки воздуха. Когда его глаза привыкли к темноте, он различил заполняющие подсоб-

ку предметы. Он начал считать. Раз – ведро, два – металлический темно-зеленый таз, три – швабра, четыре – веник. В счете был размеренный порядок. Это было действие, которое он мог контролировать в то время, когда его легкие и гортань вышли из повиновения. Илия полностью погрузился в свое занятие, отвлекаясь от мучительных физических ощущений. Когда предметы в подсобке закончились, он начал считать их заново. И постепенно его дыхание выровнялось.

Приступ совсем закончился, а Илия все сидел там, на полу, в подсобке и чувствовал себя ужасно усталым. Как будто на него долго лили тонны и тонны воды, пока его не раздавило до последней косточки. Но он оперся о стену и встал.

На пути к своему кабинету он неожиданно столкнулся с Деметриусом. Деметриус был одет в жемчужно-серые брюки и голубую рубашку с закатанными до локтя рукавами. Неизвестно, сколько часов ему удалось поспать ночью, но его физиономия так и сияла.

– Ты закончил? – спросил он.

– Я закончил, – ответил Илия.

«Это был последний приступ», – мысленно пообещал он себе. – Последний».

– Потом расскажешь. Нет времени, я приехал с Эфилом, но мне уже надо бежать, и...

Илия едва его слушал, сосредоточенно шагая по коридору.

– Я слушал радио в машине. В прогнозе обещали теплую,

сухую осень. Тебя это не радует?

– Радует, – ответил Илия, после приступа еще не совсем живым голосом.

– Кстати, пока я здесь и вспомнил... Давай уволим ее.

– Кого? – не сразу понял Илия. – Гайю? Пусть этим займется мой сменщик.

Они вошли в приемную.

– Так и знал, что сдрейфишь, – ухмыльнулся Деметриус.

– Сейчас, Деметриус? Я не могу так просто взять и уволить человека, как только у меня выдалась минута...

– Как она выглядит? Из какого отдела?

– Высокая, длинные каштановые волосы, работает в отделе внешних коммуникаций.

– Пять минут.

Ошарашенный, Илия прислонился к секретарскому столу. Вскоре Деметриус действительно ввалился обратно в приемную, волоча за собой испуганную девушку в бело-синем клетчатом платье.

– Я покажу тебе, как увольняют людей за минуту, даже за пару секунд, – Деметриус встряхнул едва живую от ужаса девушку. – Ты уволена.

Илия зажмурился.

– Это не та!

– А, – Деметриус разжал хватку, и девушка отшатнулась от него.

– Возвращайся на свое место, – сгорая со стыда, попросил

ее Илия. – Прости за беспокойство. Я организую выплату компенсации... за перенесенные моральные страдания.

Прежде чем он успел наорать на Деметриуса, тот исчез, чтобы снова вернуться уже с Гайей, шипящей и отбивающейся.

– Эта?

Илии захотелось накрыть голову ладонями, сесть на пол и притвориться, что его здесь нет.

– Эта, – вздохнул он.

Деметриус подтолкнул Гайю к Илии. Волосы Гайи были всклокочены, расстегнувшая блузка держалась на последней пуговице.

– Говори, – потребовал Деметриус, втыкаясь в Илию бескомпромиссным взглядом.

– Ты уволена, – мягко сказал Илия, не глядя Гайе в глаза. – Но... я выплачу тебе компенсацию.

– Не смей разбазаривать бюджет! – возмутился Деметриус.

Гайя явно хотела высказаться, но посмотрела на Деметриуса и передумала. Бешено стуча каблуками и застегивая на ходу блузку, она удалилась.

– Видишь, все прошло легко. С твоей проблемкой разобрался, пойду страну облагодетельствую, – широко зевнув, Деметриус тем не менее бодро загалопировал прочь.

Илия вытер влажное лицо, достал из кармана ключи от своего кабинета и начал открывать дверь, но та подалась

внутри и распахнулась, явив Илию облаченного в традиционную черную робу советника, ожидающего за погребенным под бумагами столом. Обстоятельство, поставившее Илию перед неприятным фактом, что все это время Эфил владел картой доступа от его кабинета и, без сомнения, был в курсе количества пустых и непечатых пивных бутылок, складированных в ящиках.

– Аудиозапись допроса, – Илия положил диктофон на стол, не утруждая себя прояснением обстоятельств. – Дело раскрыто.

Эфил протянул руку за диктофоном, собранный и непрозрачный, как всегда.

– Что объединяет управление людьми и общение с брехливой, дурно воспитанной собакой? – сухо осведомился он.

– Без понятия.

– Необходимость вовремя дать пинка.

«Невероятно», – подумал Илия, вглядываясь в строгое, с плотно сжатыми губами, лицо советника. Могло ли быть так, что Эфил с самого начала пытался помочь ему? Еще и Деметриуса, промыв мозги, приставил следить за ним...

– Эфил, ты вообще когда-нибудь планировал увольнять меня?

Игнорируя его вопрос, Эфил взял со стола первые попавшиеся клоч бумаги и карандаш и что-то нацарапал.

– Что это?

– Телефон врача. Если повезет сразу угадать с таблетка-

ми, уже через пару недель тебе станет гораздо лучше. Может даже показаться, что ты выздоровел. Но в действительности придется пройти долгий путь до полного восстановления.

Когда за советником захлопнулась дверь, Илия машинально сунул записку в карман и поднял взгляд к круглому черному циферблату часов. Секундная стрелка бежала, и он почти видел, как ползет минутная. *Тик-так, тик-так, если ничего не делаешь, с каждой минутой становишься хуже. Тело дряхлеет. Здания ветшают. Энтропия растет. Хорошие вещи портятся, а плохие становятся совсем ужасными.*

Он вытянул из-под стола корзину для бумаг и принялся наводить в кабинете порядок. Рассортировал документы, извлеченные вчера из шкафов, убрал их на место. Собрал бутылки, покидал в корзину ненужные бумаги. Придется бросить курить. И пить меньше алкоголя. И привести себя в форму. И выбросить, наконец, молоко. Потребуется много сил. Ему вдруг вспомнилась его студенческая квартиренка, заставив поморщиться. Как бы то ни было, сегодня он планировал ночевать дома, в своей постели. Он не знал, как отреагирует Лиза на его внезапное возвращение, и понимал, что примирение с ней потребует усилий и времени, но его это не беспокоило.

Когда пол и плоскости кабинета очистились от всего лишнего, Илия встал у своего непристойно оголенного окна и взглянул на колыхаемую ветром листву. Небо было бирюзо-

вое, как яйцо скворца. На дождь ни намека. Он полагал, что серия еще может продолжиться, – что принесет ему боль и чего он не может предотвратить. Но теперь он знал: эта боль конечна, и финал ее близок. Впервые за долгое время в его душе был полный штиль. Он вытащил из кармана записку, мобильный и начал набирать номер.

Группа автора

Предыдущие книги цикла «Страна Богов»:

1. «Острые камни»
2. «Омут»
3. «Гнилое яблоко»
4. «Синие цветы I: Анна»
5. «Синие цветы II: Науэль»
6. «Черная вдова»
7. «Связи»